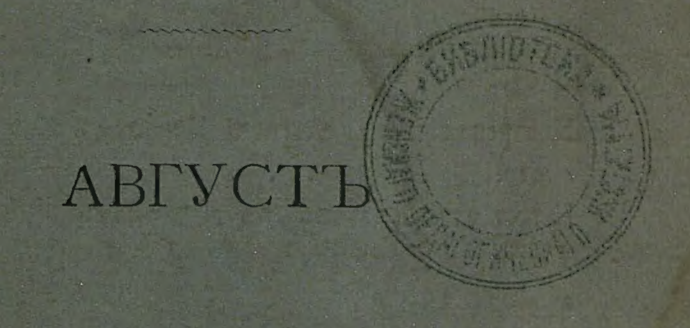
РУССКАЯ БЕСѢДА



АВГУСТЪ

ГОДЪ ПЕРВЫЙ

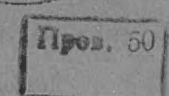
1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

СОДЕРЖАНІЕ.

РУССКАЯ БЕСѢДА

АВГУСТЪ



ГОДЪ ПЕРВЫЙ

1895

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня Е. Евдокимова, Троицкая улица, д. 18.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 28 августа 1895 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

Приложеніе. **БЛАГОВѢСТЪ.** Августъ 1895 г.

Содержаніе: Галицкая митрополія. Глава V (продолж.). Церковноисторическое изслѣдованіе *Н. Д. Тихомірова.*

Хозарская миссія святыхъ Кирилла и Меѳодія.

При критико-историческомъ изложеніи хозарской миссіи свв. Кирилла и Меѳодія на основаніи „Пространныхъ Паннонскихъ Житій" обращаемъ вниманіе прежде всего на историческую достовѣрность послѣднихъ и постараемся доказать подлинность этого памятника въ полномъ составѣ его извѣстій, т. е., что дошедшая до насъ главнѣйшая редакція „Паннонскихъ Житій" подлинна, не испорчена существенными измѣненіями, дополненіями или пропусками и можетъ служить вѣрнымъ источникомъ для изслѣдованія посольства свв. братьевъ къ хозарамъ, какъ исторически-достовѣрнаго.

Большинство изслѣдователей, со времени открытія и изслѣдованія „Паннонскихъ Житій" А. В. Горскимъ, признаетъ ихъ памятникомъ современнымъ славянскимъ первоучителямъ, принадлежащимъ непосредственнымъ ученикамъ послѣднихъ или очевидцамъ ихъ дѣятельности и потому — источникомъ исторически достовѣрнымъ. Но нѣкоторые ученые не согласны считать „Паннонскія Житія" важнымъ историческимъ документомъ; утверждаютъ, что этотъ памятникъ и въ частности „Житіе св. Константина" есть позднѣйшее произведеніе русскаго или южно-славянскаго агіографа, относятъ ихъ къ X, XI или XIV вв. и такимъ образомъ умаляютъ ихъ научное значеніе. Такое разногласіе относительно исторической важности и подлинности „Паннонскихъ Житій" существовало и существуетъ какъ въ нашей литературѣ, такъ и въ иностранной. Но мы, оставляя въ сторонѣ разнорѣчивыя историко-филологическія разсужденія и выводы иностранныхъ ученыхъ и нашихъ русскихъ по вопросамъ о времени происхожденія „Паннонскихъ Житій", о достовѣрности, историческомъ значеніи и подлинности ихъ, приведемъ только выводы, какіе на нашъ взглядъ могутъ считаться наиболѣе вѣроятными.

Въ 1843 году А. В. Горскій [1]) представилъ критико-историческое изслѣдованіе списковъ „Паннонскихъ Житій", въ которомъ при-

[1]) Москвитянинъ, 1843 г. в. 6.

шелъ къ такимъ выводамъ, что а) житіе св. Меѳодія составлено въ непродолжительномъ времени послѣ кончины его и прежде разрушенія Моравскаго Государства, что б) составитель житія принадлежалъ къ Римской церкви, хотя исповѣдывалъ православный символъ вѣры и жилъ въ Панноніи — въ области Коцэлла; относительно же житія св. Константина, которое для насъ въ данномъ вопросѣ особенно важно, на основаніи сходства между обоими житіями въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ А. В. Горскій пришелъ къ тому выводу, что „Кириллово житіе" принадлежитъ тому же времени и той же странѣ, что и житіе Меѳодія и и даже одному и тому же автору [2]). Критико-историческое изслѣдованіе А. В. Горскаго поставило „Паннонскія Житія" на первое мѣсто въ ряду источниковъ о свв. Кириллѣ и Меѳодіи, и научные выводы его были приняты и развиваемы въ нашей литературѣ и даже иностранной цѣлымъ сонмомъ знаменитыхъ славистовъ и историковъ. Спустя нѣкоторое время на западѣ Шафарикъ высказался почти совершенно согласно съ воззрѣніями А. В. Горскаго; послѣ этого, „Паннонскія Житія" начали изслѣдываться подъ вліяніемъ новаго направленія [3]). Но кромѣ указаннаго положительнаго направленія въ духѣ изслѣдованія А. В. Горскаго появилось направленіе отрицательное, представители котораго отрицали значеніе „Паннонскихъ Житій" или ограничивались голословными заявленіями, что „Паннонскія Житія" не имѣютъ исторической важности и представляютъ, какъ выразился Гинцель, „фабрикацію греческаго схизматика, который старался дать своему разсказу видъ произведенія, принадлежащаго современнику Меѳодія и который... допустилъ много явныхъ несообразностей [4]), или, какъ выражается г. Бильбасовъ, „Житія Паннонскія" носятъ на себѣ слѣды того времени, когда жизнь и дѣятельность св. Кирилла облеклась уже въ образъ легенды [5]). Съ сужденіями послѣднихъ, какъ крайними и односторонними, трудно согласиться и естественнѣе всего остановиться на слѣдующихъ умѣреннаго направленія выводахъ, именно: что а) дошедшая до насъ славянская редакція Пространныхъ Житій подлинна, не испорчена существенными измѣненіями, дополненіями и пропусками [6]); б) что первоначальная редакція Житій была не славянская, а греческая, — славянская редакція представляетъ свободный переводъ съ нѣкоторыми уклоненіями отъ подлинника и до-

---

[2]) Кирилло-Меѳодіевскій Сборникъ, стр. 5—42. Главный источникъ для исторіи свв. Кирилла и Меѳодія. Воронова, стр. 12.
[3]) Викторовъ. Кир.-Меѳ. Сборн., стр. 385—406.
[4]) Ginzel S. 14, по Источн. для Истор. Кир. и Меѳодія, Воронова; прим. 2.
[5]) Кир. и Меѳодій, ч. II, стр. 79 пр. 2 и стр. 14.
[6]) Источн. истор. Кир. и Меѳ. Воронова, стр. 69.

полненіями; c) авторъ житій былъ ученый славянинъ, принадлежавшій къ Восточной, а не къ Западной Церкви, жившій и писавшій не ранѣе второй четверти X вѣка [7]). Такимъ образомъ „Пространныя Паннонскія Житія“ есть подлинный документъ въ полномъ составѣ ихъ извѣстій и мы, излагая хозарскую миссію свв. Кирилла и Меѳодія, вправѣ признавать ее въ главномъ и существенномъ исторически вѣрнымъ событіемъ.

Въ 857 — 858 году [8]) „пришли послы къ Византійскому царю Михаилу отъ хозаръ, говоря: мы признаемъ одного Бога, Который правитъ всѣмъ, и Ему поклоняемся, кланяясь на Востокъ, и держимся своихъ скверныхъ обычаевъ; евреи же убѣждаютъ насъ принять ихъ вѣру и дѣла, а сарацины, предлагая миръ и многіе дары, принуждаютъ насъ къ своей вѣрѣ, говоря: „наша вѣра есть наилучшая изъ всѣхъ другихъ“, и что вслѣдствіе того, продолжаетъ сказаніе житія св. Константина, каганъ ихъ, т. е. хозаръ, держась доселѣ существовавшей между греками и ихъ народомъ дружбы, уважая истекающую отъ Бога власть греческаго императора, спрашиваетъ у него въ этомъ дѣлѣ совѣта и проситъ прислать къ нему какого-либо книжнаго человѣка для пренія съ евреями и сарацинами, обѣщаясь въ случаѣ пораженія ихъ, принять вѣру греческую [9]). Царь Михаилъ, посовѣтовавшись съ патріархомъ Игнатіемъ и

---

[7]) Тамъ же стр. 108.

[8]) Исторія требуетъ точнаго опредѣленія времени посольства отъ хозаръ и миссіи свв. Кир. и Меѳодія, а такъ какъ этого-то «Паннонскія Житія» не даютъ, то необходимо, при существованіи разныхъ мнѣній по этому вопросу, обратиться къ соображеніямъ по историческимъ даннымъ другого характера для достиженія хоть нѣкоторой точности въ установленіи времени событія. Одна древняя русская запись приводимая Шафарикомъ (Обозрѣніе Пражскаго Музея 1846 г. по Cyrill et Meth. Leger'a) относитъ время миссіи къ 860 году. Существуетъ также мнѣніе, считаемое исторически достовѣрнымъ, что «императрица Ѳеодора, мать малолѣтняго императора Михаила, во время своего правленія, продолжавшагося съ 843 года по 856 г., съ согласія патріарха Игнатія и по просьбѣ хозаръ, посылаетъ къ нимъ философа Константина для просвѣщенія ихъ (Истор. разсмотрѣніе вопроса—«есть ли христіанство въ Богеміи и Моравіи чрезъ Меѳодія» стр. 2 по Зубрицкому «повѣсть о Червонной Руси», стр. 18), Такимъ образомъ по русской записи дата посольства 860 г. есть нѣсколько поздняя, а по другому указанному свидѣтельству—дата 856 годъ, нѣсколько ранняя. По Четьи-Минеи св. Дмитрія Ростовскаго царь Михаилъ совѣтуется относительно посольства съ патр. Игнатіемъ, а не съ Фотіемъ, возведеннымъ на каѳедру въ 858 году, послѣ низложенія патр. Игнатія Вардою — дядей царя. Если такъ, то дата будетъ не 856 годъ и не 860 г., когда Игнатій не былъ уже патріархомъ, а 857 г., когда патр. Игнатій de jure правилъ дѣлами, а de facto Фотій, поддерживаемый дядей царя и самимъ царемъ Михаиломъ. Отсюда объясняется и то, что, по мнѣнію однихъ, царь совѣтовался съ патр. Игнатіемъ (Четьи-Минеи. Д. Ростовскаго Май 11 день), а по мнѣнію другихъ (Погодинъ говоритъ, «что при посольствѣ достовѣрно былъ Фотій» стр. 180; Вѣст. Европы 1823 г. №№ 23 и 24) съ Фотіемъ; можетъ быть, что послѣдній принималъ участіе едва ли не большее въ миссіи свв. Кир. и Меѳодія, чѣмъ благочестивый старецъ патр. Игнатій. 858 годъ, какъ дата миссіи приводится Погодинымъ и Платоновымъ (Духовный Вѣстникъ 1863 г. статья Платонова) Слѣд. дата 857—858 г. миссіи имѣетъ за собой историческую достовѣрность.

[9]) Паннонскія Житія, стр. 11. Чтенія въ Императорск. Обществѣ 1863 г. кн. 2-я.

исполняя просьбу хозаръ, вызвалъ немедленно скромнаго мудреца Константина философа изъ его уединенія и передавъ ему рѣчь хозаръ, повелѣлъ ему, взявъ на помощь брата Меѳодія, итти къ нимъ для объясненія существа вѣры христіанской и для защищенія славы Пресвятыя Троицы, на Которую дерзко посягали и іудеи и сарацины. Свв. братья выразили совершеннѣйшую готовность на таковой апостольскій подвигъ, хотя бы даже пришлось умереть за вѣру Христову. Царь, довольный ихъ усердіемъ, отправилъ ихъ въ Тавриду (нынѣшній Крымъ) со всею подобающею честью, снабдивъ при этомъ всѣмъ потребнымъ для пути".

Прерывая нить изложенія сказанія о миссіи свв. Кирилла и Меѳодія, остановимся пока на исторіи хозаръ и тѣхъ соображеніяхъ, въ силу которыхъ состоялась миссія. Хозары, судя по оставшимся объ нихъ извѣстіямъ, издревле обитали на западной сторонѣ Каспійскаго моря, которое и теперь еще персидскіе географы называютъ „Багръ-Хозаръ" т. е. Хозарскимъ моремъ [10]), и впослѣдствіи занимали все пространство отъ устья Волги до морей Азовскаго и Чернаго—Фанагорію, Воспоръ и большую часть Тавриды (Крыма), которая даже называлась нѣсколько вѣковъ Хозаріею. Такимъ образомъ, пространство населявшееся хозарами, окружено было съ запада, сѣвера и востока глубокими рѣками, топкими болотами, непроходимыми лѣсами и голыми степями; обитатели такого пространства, живя охотою или скотоводствомъ, естественно нравомъ и образомъ жизни соотвѣтствовали дикости и грубости окружающей ихъ природы. Начальныя судьбы этого народа на историческомъ поприщѣ, судя по разбросаннымъ разнорѣчивымъ извѣстіямъ, представляютъ замѣчательную путаницу: этотъ воинственный народъ воюетъ за 450 л. до Рождества Христова, по Шах-Намэ-Фирдуси, съ Гуттаспомъ, сыномъ персидскаго царя Логораспа; начальствовалъ надъ хозарскимъ войскомъ Эльясъ, сынъ Миграсовъ; или, напримѣръ, еще далеко раньше — подъ 2,302 годомъ отъ сотворенія міра въ Грузинскихъ лѣтописяхъ (въ хроникѣ Вахтанга) упоминается о хозарахъ, вторгнувшихся въ тѣснины Дербента и Даріэля и покорившихъ Грузію и Арменію, — ясно, что оба эти извѣстія весьма недостовѣрны и если имѣютъ значеніе, то только какъ свидѣтельство о позднѣйшемъ могуществѣ хозаровъ. Наряду съ этими незаслуживающими вниманія извѣстіями, можно читать болѣе или менѣе достовѣрныя извѣстія въ лѣтописяхъ армянскихъ. Такъ Мойсей Хоренскій говоритъ о войнѣ хозаръ

---

[10]) Называется Каспійское море у Фаргани «моремъ Джурджанъ» по имени города Джурджанъ на берегу моря между Табаристаномъ и Хорасаномъ—почему нерѣдко это море называлось «Хозарскимъ, Табаристанскимъ и Хорасанскимъ. Гаркави, стр. 26.

и ихъ нападеніи на Арменію въ 198 году по Р. Хр.; за тѣмъ, спустя долгое время — въ 310 году по Р. Хр. хозары опять вторгаются въ Арменію [11]), но отражаются и преслѣдуются до владѣній гунновъ; въ наказаніе берутся съ нихъ заложники. Такъ какъ всѣ эти извѣстія не даютъ положительныхъ данныхъ для исторіи хозаръ, то посему принято политическую исторію ихъ начинать съ того времени, когда о нихъ заговорили византійскіе историки-хронографы; такимъ временемъ признается начало VII вѣка,—время, съ котораго начинается болѣе правильная политическая жизнь хозарскаго царства, хотя собственно хозары, какъ народъ съ нѣкоторымъ политическимъ устройствомъ, выступили на историческую сцену гораздо раньше. Извѣстно, что въ IV вѣкѣ нахлынули изъ-за Волги ужасные гунны и въ бурномъ стремленіи своемъ поглотили и хозаръ, обитавшихъ тогда между Каспійскимъ и Черным морями. Они сначала вошли въ союзъ съ гуннами, но потомъ отдѣлились отъ нихъ, но были покорены Аттилою, — это случилось въ 448 году по Р. Хр., по свидѣтельству Приска, который говоритъ объ этомъ слѣдующее: „Аказиры (хозары) состояли тогда изъ многихъ племенъ и управлялись множествомъ малыхъ владѣтелей. Императоръ Ѳеодосій посредствомъ даровъ отклонилъ ихъ отъ союза съ Аттилою и склонилъ къ союзу съ римлянами; но при раздачѣ подарковъ Курпдахъ (начальникъ войска) счелъ себя обиженнымъ и обманутымъ при раздачѣ даровъ и призвалъ для суда съ другими князьями Аттилу; послѣдній вторгся съ войскомъ въ хозарскую землю и покорилъ ее себѣ; покоривъ, назначилъ правителемъ ея своего сына Эллака“ [12]). Послѣ смерти Аттилы хозары въ разное время были данниками и свободными, но съ VI стол. могущество хозаръ начало быстро увеличиваться, и уже въ 626 году мы видимъ ихъ настолько сильными, что императоръ Ираклій, по свидѣтельству византійскихъ историковъ, счелъ нужнымъ вступить съ ними въ союзъ, для чего и отправлялъ къ нимъ пословъ съ дарами. Хозары не отказались отъ союза и помогли Ираклію въ войнѣ съ персами подъ предводительствомъ своего вождя Зибела или Зимбиля, который по званію былъ вторымъ по каганѣ (царѣ) и по окончаніи войны за храбрость и дружбу былъ обласканъ императоромъ Иракліемъ, причемъ императоръ Ираклій обѣщалъ ему за помощь и союзъ съ нимъ во время войны дать свою дочь Евдокію въ жены [13]). Хозары дѣйствительно сослужили службу императору. Послѣ этого мы видимъ хозаръ почти

---

[11]) Армянская Исторія. С.-Пет., 1809 г., ч. 1, стр. 326.

[12]) Stritter, Memoriae populorum, т. I, p. 489.

[13]) Stritter. т. III, p. 549 — 552 — свидѣтельствуютъ Никифоръ, Ѳеофанъ и Анастасій.

въ продолженіи столѣтія воюющими съ аравитянами, мусульманами; въ этотъ періодъ они и побѣждали и были побѣждаемы, пока въ 737 году Мерванъ—правитель Мессопотаміи, Арменіи и Адербай-джана, съ 120,000 войскомъ не нанесъ хозарамъ рѣшительнаго пораженія; при этомъ заставилъ кагана просить мира и торжественно принять магометанскую вѣру [14]). Но съ паденіемъ династіи Омайядовъ, когда воинственный духъ аравитянъ уже охладѣлъ, войны съ хозарами сдѣлались рѣже и это-то дало возможность хозарамъ направить свое оружіе на своихъ сосѣдей съ запада и сѣвера. Они покорили последовательно: болгаръ черноморскихъ и наложили на нихъ дань [15]), завладѣли, во время войны Юстиніана Ринотмета съ херсонцами, частью Тавриды [16]) и сосѣднею съ Корсунью страною Готѳіею, на сѣверѣ же покорили и наложили дань на славянскія племена полянъ, сѣверянъ, радимичей и вятичей [17]). Естественно, что императоры Византійскіе не могли не обратить вниманія на такого сильнаго сосѣда и, вступивши съ ними въ союзъ, хвалились ихъ дружбою и въ нѣкоторые торжественные дни одѣвались въ одежду хозарскую, называемую „Тзитзакію“, которая была введена въ Греціи Ириною [18]). Такимъ образомъ Хозарія въ періодъ отъ VII в. до XI состояла изъ разныхъ народностей: пришлые народы тюркскаго племени, финны, племена мидосарматакія или черкесскія; часть восточно-славянскихъ народовъ: славяне, руссы; нѣкоторыя орды гунскія, кочевавшія по нижней Волгѣ и Дону, да значительное количество евреевъ — вотъ племенной составъ Хозаріи [19]). Государь Хозаріи именуется „хаканомъ“ т. е. владыкою (по Мойсею Хоренскому-Армянск. Исторія). Названіе „хозары“ впервые является у Византійскаго историка Ѳеофана подъ 626 годомъ, по поводу союза ихъ съ Иракліемъ и дружбы послѣдняго съ предводителемъ [20]). Столицъ въ Хозаріи было нѣсколько: такъ при устьи Волги находился ихъ главный городъ Атель или Итиль [21]), основанный, какъ говорятъ, Хозру Анутирваномъ. Нубійскій географъ Шерифъ-аль-Эдризи разсказываетъ, что рэка Итиль (Волга) раздѣляла столичный городъ на 2 части, что онъ былъ весьма многолюденъ, имѣлъ въ окружности три римскихъ мили;

---

14) Исторія Русскаго Государства Карамзина, т. III, пр. 248.
15) Stritter, ibid, т. III. 555 и II. 505.
16) Ibid. III. 557—563.
17) Истор. Русск. Госуд. Карамз. т. I, стр. 47. Несторъ свидѣтельствуетъ.
18) Stritter. Ibid. III. 550.
19) Розысканіе о началѣ Руси. Иловайскаго, стр. 70.
20) Ibid. стр. 90.
21) По Ибнъ-Фодлану Итиль есть имя Великой рѣки въ странѣ хозаръ, протекающей мимо страны руссовъ и булгаръ; Итиль—столица, и рѣка названа по ней Гаркавя стр. 85.

каганъ жилъ въ западной, купцы и простой народъ въ восточной части. Этотъ разсказъ о столицѣ кромѣ того пополняется арабскими хронографами: Ибнъ Фодланомъ, Ибнъ-Хаукалемъ и Масуди, по которымъ: въ Итилѣ Волга (Итиль) протекала по самому городу и раздѣляла его на 2 части: въ одной изъ коихъ—Хозранъ жили купцы изъ руссовъ и славянъ [22]), а въ другой—западной жилъ во дворцѣ каганъ; дворецъ кагановъ на западномъ берегу былъ кирпичный, а другія жилища—мазанки [23]). Но вѣроятнѣе всего, что столица находилась ближе къ Дербенту—послѣднее можно утверждать на основаніи свидѣтельствъ восточныхъ писателей [24]). Еще вѣроятность,—ханы имѣли нѣсколько столицъ: одна на берегу Каспійскаго моря, недалеко отъ нынѣшнаго Дербента, другая—описанная выше—городъ Итиль или Балангіаръ, многолюдный и богатый городъ; проживали нѣкоторые мѣсяцы года каганы и въ богатой Тавридѣ. Извѣстна также построенная на берегу Дона, въ нынѣшней землѣ войска Донскаго или казаковъ крѣпость Саркеллъ, Бѣлая гостинница или Бѣлая Вѣжа, служившая для защиты владѣній своихъ отъ набѣговъ кочующихъ народовъ и особенно печенѣговъ [25]), которые были съ западной стороны Дона безпокойными сосѣдями хозаръ; эта крѣпость преграждала также дорогу руссамъ, которые изъ Азовскаго моря Дономъ и Волгою переходили для грабежа въ Каспійское море; стало быть, охраняла также эта крѣпость и столицу Итиль [26]). Для сооруженія ея каганъ просилъ у греческаго императора Ѳеофила искусныхъ зодчихъ—это случилось по разсказамъ Константина Багрянороднаго около 835 года. Императоръ исполнилъ просьбу кагана и поручилъ постройку крѣпости начальнику зодчихъ Петронѣ, который взялъ съ собою рабочихъ и мастеровъ сюда. Современникъ Константина—Леонтій сообщаетъ кромѣ того, что въ этой крѣпости находился хозарскій гарнизонъ въ 300 человѣкъ, которые время отъ времени смѣнялись [27]). Кромѣ столицъ и этой крѣпости извѣстны города: Кудранъ, Гадранъ, Сессалъ, Самандаръ, Альбанду, Садиль, Дербентъ — эти города упоминаетъ Нубійскій географъ Шерифъ-аль-Эдризи [28]).

Мы раньше сказали, что Хозарское царство состояло изъ различныхъ племенъ, не слившихся въ одинъ народъ,—отсюда объясняется и то замѣчательное разнообразіе вѣръ, которое мы встрѣчаемъ здѣсь въ

---

22) Ibid. § 10, стр. 108.
23) Нубійскій географъ Шерифъ-аль-Эдризи жилъ ок. 1153 года по Карамзину.
24) Ibid.
25) Constantin. Porphirogen. De administratio imperio c. XXXVII, p. 21 et cet.
26) «Розысканія о нач. Руси» Иловайскаго, стр. 100.
27) Ibid.
28) Истор. Русск. Госуд. Карамз. ibid.

пору процвѣтанія Хозарскаго царства и которое, скажемъ дальше, въ половинѣ IX в. по Р. Хр. вызвало нѣкоторый религіозный кризисъ, побудившій хозаръ къ посольству въ Византію съ просьбою оградить ихъ отъ притязаній на господство въ религіозномъ отношеніи и, само собою, въ политическомъ, іудеевъ и сарацинъ [29]). Что же это были за евреи въ Хозаріи? О переселеніи евреевъ въ Хозарію мы читаемъ у арабскаго писателя-географа XVII или XIV вв. Ибнъ-Аль-Азира [30]) и у Ибнъ-Фодлана. Первый повѣствуетъ, что императоръ Константинъ во время Гарунъ-Аль-Рашида (786—808 г.) выгналъ изъ своей земли іудеевъ, что іудеи ушли къ хозарамъ и видя въ нихъ людей добросердечныхъ, предложили имъ свою вѣру; что хозары, находя ее лучше собственной, приняли оную и нѣсколько времени хранили [31]). Ту же мысль проводитъ и другой писатель Ибнъ-Фодланъ [32]). Но есть основаніе думать, что евреи въ Хозаріи были и дѣйствовали въ пользу своей вѣры и народности далеко раньше VII и VIII вв.; существуютъ данныя: еврейскія надписи въ Крыму на греческомъ языкѣ свидѣтельствуютъ о евреяхъ, обитавшихъ въ Тавридѣ еще около I и II вв. христіанской эры [33]). На основаніи этихъ данныхъ признаютъ за несомнѣнное, что а) эти евреи были эллинисты, носившіе греческія имена и употреблявшіе греческій языкъ; б) что они жили здѣсь цѣлыми общинами, имѣли свои синагоги и пользовались настолько благопріятнымъ въ гражданскомъ и экономическомъ отношеніяхъ положеніемъ, что могли имѣть невольниковъ и невольницъ, и в) наконецъ, что они были склонны дѣлать послѣднихъ прозелитами своей вѣры, обусловливая освобожденіе ихъ изъ неволи обязательствомъ для освобождаемыхъ посѣщать еврейскіе молитвенные домы или служить при нихъ [34]). Съ достовѣрностью можно сказать, что евреи въ черноморскихъ торговыхъ колоніяхъ появились еще до христіанской эры, а въ послѣдующее время количество ихъ быстро увеличивалось,—особенно съ того времени, когда къ вреямъ стали недружелюбно относиться положительно вездѣ; и вотъ на какіе періоды указываютъ, какъ на время приращенія еврейскаго населенія въ Тавридѣ и около нея—это 70 г. при императорѣ Титѣ и 120 г. при императорѣ Адріанѣ, когда евреи судьбою тѣснимы были и побуждаемы къ разсѣянію, вмѣстѣ съ тѣмъ не мало ихъ сюда, за возмущенія при

---

[29]) Паннонскія житія. Ibid.

[30]) Духовный Вѣстникъ 62 г. т. II, стр. 13 пр. 2.

[31]) Истор. Русск. Госуд. Карамз., т. VIII, пр. стр. 140.

[32]) Духовный Вѣстн. 62 г. ст. Платонова.

[33]) Гаркави: о языкѣ евреевъ, жившихъ въ древнее время на Руси. Прим. 1, стр. 43.

[34]) Труды К. д. Ак. 78 г., т. II, стр. 565 и слѣд.

императорахъ Титѣ, и Адріанѣ, сослали въ каменоломни на работы,—извѣстно, что и христіанъ сюда ссылали. Затѣмъ, со времени Константина Великаго мы видимъ въ Римскомъ законодательствѣ и практикѣ принудительныя даже мѣры противъ евреевъ, какъ гражданъ и иновѣрцевъ; особенно сильно преслѣдовали евреевъ въ Византіи при Юстиніанѣ, Иракліѣ, Львѣ Исаврѣ, Константинѣ. Иринѣ (780—797 гг.), старались всѣми мѣрами обратить ихъ въ христіанство, а иногда съ цѣлью только наказать ихъ за ненависть къ христіанамъ, дружбу къ врагамъ послѣднихъ, напр., мусульманамъ, какъ это было при императорѣ Львѣ Исавріянинѣ;—въ такое время одни изъ нихъ внѣшне крестились (8 правило Вселенскаго Собора въ 786 г.), а другіе бѣжали отъ преслѣдованія изъ Византійской Имперіи въ Южную часть теперешней Россіи—въ бывшія владѣнія Хозаріи [35]). Переселялись евреи и изъ Палестины, побуждаемые благопріятными условіями для независимаго существованія въ торговыхъ колоніяхъ Черноморья и Тавриды помимо всякихъ притѣсненій, — стало быть, евреевъ къ XII вѣку, то-есть къ тому времени, когда Хозары являются на историческомъ поприщѣ довольно сильнымъ народомъ, успѣвшимъ уже захватить Тавриду и сѣверовосточное Черноморье, здѣсь было не мало. На нихъ не могли не обратить вниманія хозары, и вѣроятнѣе всего сами евреи всѣми мѣрами и способами старались проложить дорогу къ болѣе или менѣе благопріятному положенію среди этого независимаго и сильнаго языческаго народа. При болѣе или менѣе выгодномъ положеніи они не забыли о своихъ тѣснимыхъ вездѣ братьяхъ и съ охотою прокладывали путь новымъ пришельцамъ въ хозарскіе торговые города, такъ что, вѣроятно, въ самое короткое время вѣсть о такомъ дружелюбномъ народѣ, гдѣ еврею можетъ посчастливиться, облетѣла всѣ мѣста еврейскихъ поселеній. Изъ Имперіи, „Сеиръ горы“ [36]), съ далекаго востока, гдѣ ихъ гнали мусульманскіе калифы, изъ Іерусалима при гоненіи въ 773 году христіанъ и евреевъ Аль-Маньорана [37]) и вообще изъ странъ мусульманскихъ начали евреи собираться на югъ теперешней Россіи. И дѣйствительно, евреи скоро достигли въ Хозаріи высокаго и выгоднаго положенія во всѣхъ отношеніяхъ,—судьба имъ здѣсь улыбнулась на довольно продолжительное время; каганы приняли іудейскую религію; племя еврейское заняло первенствующее положеніе въ Хозаріи и вотъ, какъ казалось, еврей-

---

[35]) «Греція подъ римскимъ владычествомъ» Финлея Г.

[36]) Письмо хозарскаго кагана Іосифа къ рав. Хасдаи, изъ котораго видно, что евреевъ гнали и народъ «Касдимъ»—народъ съ «горы Сеиръ». Гаркави. Приложеніе.

[37]) Греція подъ римск. владыч. Финлея Г.

ству [38]) настало время торжества іудейства; найдено мѣсто и народъ, изъ котораго евреи мечтали устроить сильное іудейское царство среди другихъ царствъ вопреки желаніямъ и ожиданіямъ христіанъ. Достиженію евреями своей завѣтной мечты о царствѣ способствовалъ характеръ страны съ религіозной и политической стороны, а затѣмъ и упорное преслѣдованіе указанной выше цѣли самими іудеями. Хозарія, при выступленіи на историческое поприще, какъ состоявшая изъ разныхъ племенъ тюркскихъ, финскихъ, славяно-русскихъ, не имѣла одной общей вѣры и въ своемъ язычествѣ представляла пеструю смѣсь суевѣрій, при смутной идеѣ единобожія, но когда укрѣпилась политически около VIII вѣка, когда прекратились войны, то пожелала въ лицѣ своихъ кагановъ устроиться на болѣе прочныхъ государственныхъ началахъ и такъ какъ первое и самое главное колесо государственной машины всегда составляла религія, то посему нужно было избрать или религію Византійскаго императора—христіанство, или религію багдадскаго калифата—мусульманство, но избравши религію того или другого сосѣда, особенно сильнаго въ политическомъ отношеніи, необходимо было вступить и въ союзъ съ нимъ, а это-то не согласовалось съ политикой хозарскаго каганата, ибо онъ хотѣлъ удерживать за собой самостоятельность и нейтралитетъ. Вѣроятнѣе всего, что іудеи, предвидя вопросъ такой важности и его рѣшеніе, не могли быть спокойными и постарались втереться ко всѣмъ начальнымъ лицамъ съ своими совѣтами, разъясненіями своей и особенностей другихъ двухъ религій и съ своими взглядами на политическій строй Хозаріи [39]) и, какъ видимъ, обратили на себя вниманіе и, можно сказать, отчасти даже достигли своей цѣли. Около 786 года или годомъ раньше каганъ Хозаріи и его дворъ принялъ іудейскую религію, хотя этимъ не были стѣснены разныя народности другихъ вѣръ и, дѣйствительно, другія вѣры пользовались признаніемъ и имѣли свои храмы и своихъ представителей въ каганатѣ и высшемъ училищѣ. Аль-Масуди [40]) объ этомъ такъ говоритъ: „постановленіе столицы хозарскаго государства слѣдующее: въ ней должно быть 7 судей: 2 для мусульманъ, 2 для хозаръ, которые судятъ по закону Тавры (Торы или Пятикнижія), 2 для христіанъ, которые судятъ по закону Индолиля (Евангелія); одинъ-же изъ нихъ для славянъ, руссовъ и др. язычниковъ; онъ судитъ по закону язычества, т.-е., по закону разума и совѣсти. Если же случается великая тяжба, то они судятъ по закону Исла-

---

[38]) Письмо р. Хасдаи къ кагану Іосифу, Гаркави. Прилож.

[39]) Съ достовѣрностью можно сказать, что тогда среди іудеевъ были образованные люди, знакомые съ образованностью Византіи и могли явиться совѣтниками.

[40]) Аль-Масуди (жив. около 50 г. X в.) Гаркави 129 стр., § 10.

ма" [41]). На сколько рады были евреи, не только обитатели Хозаріи, но и всей вселенной, торжеству іудейской религіи и особенно своему выгодному положенію въ такомъ сильномъ царствѣ, какъ Хозарія, объ этомъ свидѣтельствуетъ письмо раввина Хосдаи къ кагану Іосифу [42]) сказанія еврейскихъ путешественниковъ—Эльдада-га-Дани и др. Но такъ какъ Хозарія не была обязана своей силой въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ іудейству самому въ себѣ, то вполнѣ естественно, что радость евреевъ была преждевременна; іудейство само въ себѣ было слабо и не согласовалось съ духомъ другихъ народностей, а представители его всегда преслѣдовали свои личныя выгоды, даже въ промышленности и торговлѣ—области, въ которой они должны были бы преслѣдовать общегосударственныя цѣли и тѣмъ способствовать благосостоянію страны. Но этого-то и не было въ евреяхъ хозарскихъ. Они не служили въ войскахъ, не имѣли силы для правительственныхъ должностей, не давали изъ своей среды людей науки [43]), а были, какъ свидѣтельствуетъ Масуди, горожане, т.-е., составляли торговый людъ. Такимъ образомъ іудейство само по себѣ и въ лицѣ своихъ представителей, которые не замедлили въ области даже своей религіи поднять споръ изъ-за преимущества той или другой секты — караимства и раввинизма-талмудизма, не могло оказать благотворнаго вліянія на политическое и культурное положеніе страны и уже около половины IX вѣка начало терять значеніе въ глазахъ кагановъ и особенно подданныхъ язычниковъ: финновъ, славянъ, руссовъ и другихъ племенъ. Славянъ, по арабскимъ извѣстіямъ, было не мало въ Хозарскомъ царствѣ; такъ, Морванъ, арабскій полководецъ, по свидѣтельству Баладури [44]) писателя IX вѣка, во время набѣга на Хозарію, взялъ въ плѣнъ 20 тысячъ славянъ, — цифра порядочная и указываетъ на численность славянъ въ Хозаріи, и Масуди [45]), вотъ что говоритъ: „нѣкоторыя племена язычниковъ, обитателей Хозаріи, суть славяне и руссы; изъ нихъ набираются отряды въ войско и цѣлая часть столицы Итиля занята славянами и руссами". Но кромѣ іудеевъ, коихъ число сравнительно было не велико, славянъ-язычниковъ и христіанъ, было цѣлое почти войско, исповѣдывавшее, по

---

[41]) Это свидѣтельство Масуди отчасти опровергается другимъ арабск. писателемъ Ибнъ-Фодланомъ, который разсказываетъ, что важныя дѣла рѣшались не мусульманскими кадіями, а царемъ. Гаркави, стр. 152.

[42]) Гаркави. Прилож. «письмо Хосдаи къ Іосифу».

[43]) Для построенія крѣпости «Саркелъ» около 835 года были вызваны зодчіе и мастера изъ Византіи, — слѣдовательно, между евреями не было опытныхъ мастеровъ, тѣмъ болѣе зодчихъ.

[44]) Розысканія о нач. Руси. Иловайск. 114 стр.

[45]) Ibid.

свидѣтельству Масуди, мусульманство; словомъ, іудеи при своей малочисленности если были сильны, то потому, что имѣли выгодное положеніе при дворѣ, между тѣмъ какъ мусульмане съ язычниками были сами по себѣ сильны, какъ оплотъ царства. Естественно, что эти двѣ религіи не могли мириться и когда произошло религіозное движеніе среди язычниковъ, то неминуемо должна была подняться борьба между іудеями, пропагандировавшими свою религію и мусульманами, готовыми защищать свою вѣру мечомъ; борьба могла имѣть невыгодныя для каганата послѣдствія и, вѣроятно, язычникамъ съ дозволенія кагана, принявшаго участіе въ спорѣ, дозволено было обратиться къ христіанству, которое хотя и было здѣсь, но такъ какъ въ средѣ его не было людей учительныхъ, то за таковыми и было отправлено посольство въ Византію къ императору съ предложеніемъ [46]): „дать учителя, который бы побѣдилъ въ спорѣ іудеевъ и сарацинъ, предлагавшихъ то іудейскую вѣру, какъ наилучшую, то мусульманскую“!

Каганъ не могъ противиться желанію язычниковъ, и вотъ Византія — страна культурная и учительная, какою она представлялась глазамъ другихъ народовъ, не смотря на ея далеко не блестящее положеніе въ политическомъ отношеніи, съ радостью спѣшитъ загладить свою старую ошибку [47]) и, дабы снова не упустить удобнаго времени для распространенія христіанской вѣры среди Хозаръ, какъ это было тогда, когда каганы приняли іудейскую вѣру, высылаетъ на проповѣдь философа Константина, человѣка образованнаго, опытнаго и испытаннаго въ преніяхъ за христіанскую вѣру.

Исполняя желаніе царя и патріарха и свое личное стремленіе къ апостольскому труду, свв. братья Кириллъ и Меѳодій отправились въ путь и безопасно прибыли въ г. Херсонъ—городъ многолюдный и торговый, расположенный на юго-западномъ берегу Крымскаго полуострова. Здѣсь на нѣкоторое время они остановились съ цѣлью подготовиться къ самой миссіи. Св. Кириллъ зналъ съ кѣмъ придется имѣть дѣло ему въ Хозаріи и вотъ онъ учится, по свидѣтельству Паннонскихъ житій, еврейскому языку, т. е. знакомится съ еврейскими ветхозавѣтными книгами, которыя во всякое время могъ здѣсь достать или у самихъ ев-

---

[46]) Около половины IX вѣка Византія въ политическомъ отношеніи была слаба, но въ научно-богословскомъ она поднялась и могла выставить такихъ колосовъ богословія какъ патр. Фотій и свв. Кир. и Меѳодія.

[47]) Съ радостью императоръ Михаилъ и патріархъ исполняли просьбу Хозаръ. Они надѣялись пріобрѣсти цѣлый народъ для христіанства и подчинить его своему политическому вліянію. Цари, слабой тогда Греціи, дорожили дружбой хозарскаго царства—нерѣдко даже съ дворомъ кагана вступали въ родство—Юстиніанъ II и Константинъ Копр. были женаты на дочеряхъ кагана.

реевъ или у христіанъ изъ евреевъ,—знакомится съ языкомъ подъ руководствомъ, вѣроятно, какого-нибудь еврея, съ удовольствіемъ предложившаго свои услуги св. Кириллу въ надеждѣ или привлечь его къ іудейству или хоть показать ему достоинство іудейской вѣры, непонятой другими,—черта начитанныхъ евреевъ, сохранившаяся за ними и до сего времени; затѣмъ „преложивъ восемь частей грамматики достигаетъ чрезъ то совершеннаго разумѣнія языка“;—заканчиваетъ знакомство съ языкомъ переложеніемъ грамматики. Нѣкоторымъ ученымъ кажется невѣроятнымъ такое полное изученіе языка въ такой короткій срокъ, а между тѣмъ если допуспить, что св. Кириллъ слегка ознакомился съ еврейскимъ языкомъ еще въ Константинополѣ или по крайней мѣрѣ съ его алфавитомъ, задумавъ тамъ еще изобрѣтеніе славянской азбуки, то „переложеніе грамматики“ будетъ свидѣтельствовать не о глубокомъ знаніи языка, а только о знакомствѣ съ его формами и строемъ — чего св. Кириллъ не могъ достигнуть въ Византіи. Для выполненія миссіи св. Кириллу нужно было только знакомство съ бесѣдой и книгами еврейскими, а этого-то такой острый умъ, способный къ языкознанію, какимъ обладалъ св. Кириллъ, могъ достигнуть въ самое короткое время. Переложеніе грамматики— это первая ступень при изученіи какого бы то ни было языка; къ тому же этого переложенія не сохранилось, а вѣроятнѣе всего, что это было записи формъ склоненій и спряженій при изученіи, имѣвшія значеніе только для св. Кирилла лично, какъ изучавшаго языкъ, а не для когонибудь другого, потому-что и другой кто-нибудь, если бы захотѣлъ изучать языкъ, то также сдѣлалъ бы переложеніе грамматики. Изучивъ также „жидовскую бесѣду“ или хозарскую рѣчь, св. Кириллу случилось здѣсь познакомиться съ самаритянскимъ нарѣчіемъ;—исторически достовѣрнымъ признается то мнѣніе, что въ Крыму были евреи, которые считали себя выходцами самарянскими и имѣли самаританскую эру [48]), такъ что св. Кириллъ дѣйствительно могъ имѣть дѣло съ самаряниномъ, обучаться у него языку и наконецъ обратить его въ христіанство [49]). Кромѣ того, св. Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ „еуаггеліе и ѱалтирь, рушкими письмены писано и чловѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдовавъ съ нимъ и силу рѣчи пріемъ, своей бесѣдѣ прикладая различіе письменъ гласная и сгласная, и къ Богу молитву дрьже, и вскорѣ начеть части и сказовати“ [50]). Относительно этого мѣста сказанія Паннонскихъ житій учеными изслѣдователями славянскихъ древностей высказано

---

[48]) Розысканія о нач. Руси. Иловайскаго стр. 139 пр.
[49]) Паннонскія житія, св. Кирилла.
[50]) Ibid.

столько предположеній, что, кажется, уже не остается мѣста новому предположенію, а между тѣмъ въ этомъ мѣстѣ сказанія слишкомъ очевидна ошибка агіографа и только. Изысканія ученыхъ доказали то, что вопросъ о языкѣ найденныхъ св. Кирилломъ евангелія и псалтиря не можетъ быть пока рѣшенъ исторически и филологически достовѣрно; нужны данныя, т. е. то самое евангеліе и псалтирь, дабы судить о ихъ языкѣ, а пока предположенія останутся предположеніями и наше дѣло остановиться на одномъ изъ болѣе вѣроятныхъ. Таковымъ нужно признать то предположеніе, что евангеліе и псалтирь были написаны готескимъ языкомъ или нѣмецкимъ (?), а человѣкъ, говорившій русской рѣчью, былъ или готоянинъ или варягъ-руссъ. Извѣстно, что въ юго-западной части Крыма, въ приморской области Дори жило до 3,000 независимыхъ готеовъ, исповѣдывавшихъ христіанскую вѣру, но въ аріанскомъ духѣ,—остатокъ тѣхъ, которые въ IV вѣкѣ при Эрманарихѣ господствовали надъ всею восточною Европою. Еще съ IV вѣка они имѣли на своемъ языкѣ всѣ книги св. Писанія, переведенныя знаменитымъ ихъ епископомъ Улфилою, который рукоположенъ былъ цареградскимъ патріархомъ Евсевіемъ и послѣ, по политическимъ обстоятельствамъ, въ угоду императору Валенту, вовлекся самъ и другихъ вовлекъ въ аріанство. Можно думать, что къ готеамъ-нѣмцамъ заходило по дорогѣ въ Константинополь или изъ него не мало удалой собратіи варяго-руссовъ, которые здѣсь, принявъ отъ своихъ единоплеменниковъ христіанскую вѣру, само собою пользовались и книгами св. писанія на готескомъ языкѣ. Св. Кириллъ встрѣтилъ здѣсь „готоянина" или ближе къ дѣлу —варяго-русса, письмена же русскія были готескія, которыя, дѣйствительно, требовали отъ философа изученія. Такъ какъ, если бы это были русскія—славянскія письмена или болгарскія, какъ думаетъ г. Иловайскій, [51]) и, конечно, выражавшія русско-славянскіе звуки, то почему такъ сравнительно трудно далось св. Кириллу изученіе того языка, которымъ онъ свободно владѣлъ? А о томъ, что онъ свободно владѣлъ этимъ языкомъ говоритъ слѣдующій отзывъ императора Михаила при воззваніи братьевъ св. на миссію къ Моравскимъ славянамъ: „вы еста селунянина, да селуняне вси чисто славянски бесѣдуютъ" [52])—отсюда видно, что свв. братья были или природные славяне [53]) или будучи и греками, но живя среди славянъ усвоили и изучили славянскій языкъ настолько, что могли свободно вести

---

[51]) Розысканія о нач. Руси. Иловайскаго, стр. 142.

[52]) Паннонскія житія.

[53]) Мысль о томъ, что свв. братья были чистые славяне, высказана Булгаринымъ (Россія. 1838 г., ч. IV, стр. 14—19) и Априловымъ въ брошюрѣ «Болгарскіе книжники Кириллъ и Меѳодій», по Макарію, 204 стр.

бесѣду съ славянами. Однако, почтенный историкъ Иловайскій думаетъ, что св. Кириллъ не владѣлъ во время хозарской миссіи славянскимъ языкомъ и не могъ знать его, ибо въ дѣтствѣ еще былъ взятъ въ Константинополь, гдѣ и получилъ свое образованіе,—мнѣніе, доказывающее, будто бы, то, что св. Кириллу нужно было изучать славянскій языкъ, ибо онъ его не зналъ и случай кстати представился въ Херсонѣ на пути въ Хозарію—страну, гдѣ не мало было славянъ и руссовъ. Но мы позволимъ себѣ указать на извѣстное обстоятельство: св. Кириллъ взятъ былъ въ Константинополь въ 842 году, т. е. когда ему было 15 лѣтъ,—слѣдовательно онъ жилъ среди славянъ около 15 лѣтъ, среди нихъ онъ провелъ дѣтство и справедливо вполнѣ то мнѣніе, что онъ до поступленія въ Константинопольское училище, зналъ славянскій языкъ далеко лучше, чѣмъ греческій; посему, св. Кириллъ, если бы былъ даже грекъ по происхожденію, то все таки онъ долженъ былъ знать славянскій языкъ почти какъ свой родной, такъ какъ время дѣтства онъ провелъ среди славянъ. Предположенія же историка Иловайскаго, что свв. братья взяли съ собой евангеліе и псалтирь въ Хозарію и на возвратномъ пути въ Фулѣ даже давали цѣловать суевѣрнымъ христіанамъ, что св. Кириллъ, выучившись, будто бы, въ Херсонѣ славянскому языку, на возвратномъ пути изъ Хозаріи свободно говорилъ съ фулянами на славянскомъ языкѣ, что передъ посольствомъ въ Моравію свв. братья, изготовляя въ Константинополѣ евангеліе и псалтирь, переписываютъ только найденныя въ Херсонѣ евангеліе и псалтирь и переводятъ уже св. книги другія, но никакъ не изобрѣтаютъ славянскаго алфавита тогда, когда ихъ посылаетъ царь Михаилъ въ Моравію, — эти предположенія и мнѣнія, говоримъ, не подтверждаются ни историческими данными, ни тѣми „Паннонскими житіями", о которыхъ почтенный авторъ въ одномъ мѣстѣ своего историческаго изслѣдованія для торжества своего мнѣнія о русскихъ письменахъ говоритъ, что въ сказаніи о Хозарской миссіи можно держаться буквы и тогда исторія восторжествуетъ [54]), а между тѣмъ въ другихъ мѣстахъ своего труда далеко не держится сказаній и даже отвергаетъ ихъ историческую достовѣрность въ общемъ [55]). Кромѣ мнѣнія почтеннаго историка Иловайскаго существуетъ много другихъ мнѣній и предположеній. Такъ Шафарикъ думаетъ, что евангеліе и псалтирь были написаны на варяго-русскомъ языкѣ [56]). Проф. Григоровичъ утверждалъ, что святый Кириллъ нашелъ въ Херсонѣ книги на глаголитѣ и что, слѣдовательно,

---

[54]) Розысканія о нач. Руси.
[55]) Ibid. стр. 134 и др. стр.
[56]) «Памятники глаголинской письменности», Шафарика.

она древнѣе кириллицы [57]), но вопросъ нынѣ уже рѣшенный, что глаголита явилась гораздо позже кириллицы и есть только видоизмѣненіе послѣдней [58]), или, если и существовала одновременно съ кириллицею, то не на востокѣ, а на западѣ — у славянъ Илирійскихъ и Дунайскихъ, пока не замѣнена алфавитомъ кириллицы или латинскимъ,—хотя и при этомъ предположеніи о глаголитскомъ херсонскомъ евангеліи и рѣчи не можетъ быть, ибо св. Кириллу изученіе алфавита глаголитскаго далось бы очень легко и онъ сразу могъ бы начать читать славянскую рѣчь, а „не прикладывать гласныя и согласныя“, видя, конечно, совершенное различіе языка. И. И. Срезневскій склоняется къ тому мнѣнію, что псалтирь и евангеліе были написаны на славянскомъ языкѣ, но рѣшительнаго мнѣнія не высказалъ. Иловайскій же на основаніи его — Срезневскаго глубокихъ, научно-филологическихъ изслѣдованій и своихъ историческихъ розысканій, сдѣлалъ выводъ, указанный нами выше [59]). Почтенный изыскатель славянскихъ древностей А. В. Горскій въ статьѣ „о Кириллѣ и Меѳодіѣ“ [60]) подозрѣваетъ мѣсто „о русскихъ письменахъ“ и полагаетъ, что это мѣсто позднѣйшая вставка, а Бодянскій въ своемъ сочиненіи „о времени происхожденія славянской письменности“ (стр. 101) рѣшительно признаетъ это мѣсто вставкой. Но съ этимъ нельзя согласиться, не противорѣча сказанію объ изобрѣтеніи славянскихъ письменъ [61]). О русскихъ письменахъ и рѣчи не можетъ быть, ибо тогда Руси не было; она была, такъ сказать, на канунѣ своего рожденія; евангелія и псалтыри и вообще св. книгъ на русскомъ языкѣ не могло быть, ибо она не была просвѣщена свѣтомъ христіанскаго ученія, а послѣ акта крещенія переводомъ св. книгъ на славянскій языкъ, которымъ она воспользовалась, обязана никому другому, какъ свв. просвѣтителямъ славянъ. Коль скоро такъ, то „письмена русскія“ есть „готѳскія“, т. е. нѣмецкія [62]), а человѣкъ, „глаголющій тою (русскою) бесѣдою“ готѳянинъ или варяго-руссъ. Свв. братья знали нѣмецкій или готѳскій языкъ, потому что мы потомъ видимъ св. Меѳодія въ миссіонерскихъ сношеніяхъ съ германскимъ духовенствомъ. Словомъ, Херсонъ для св. Константина послужилъ мѣстомъ изученія тѣхъ нарѣчій и языковъ, знаніе которыхъ

---

[57]) Сочиненіе «о древней письменности славянъ», 1852 г.

[58]) Духовный Вѣстникъ,—ст. Платонова, стр. 363, пр. 16.

[59]) Росысканія о нач. Руси, стр. 113, пр. 141.

[60]) Москвитянинъ, стр. 414, ст. А. В. Горскаго.

[61]) Паннонскія житія.

[62]) Въ 1235 году монахъ Рубруквисъ, посѣтившій лично нашихъ крымскихъ готѳовъ, свидѣтельствуетъ, что они говорили нѣмецкимъ языкомъ; это свидѣтельство подтверждаетъ другой очевидецъ, путешественникъ XV в. (1436 г.) Іосафъ Барбаро. Макарій «Исторія до Владиміра», стр. 77, пр. 184 и 185.

необходимо было въ предстоящей хозарской миссіи и послѣ при осуществленіи геніальнаго дѣла „изобрѣтенія письменъ“. Можетъ статься, что онъ не вполнѣ здѣсь овладѣлъ этими языками (хозарскимъ, нѣмецкимъ, еврейскимъ), но мы не вправѣ винить агіографа, если онъ жизнеописуя св. Кирилла, изъ уваженія къ этому геніальному и свѣтлому уму, преувеличилъ дѣло,—отъ этого для исторіи ущерба мало.

Во время своего пребыванія въ Херсонѣ свв. братья обрѣли мощи св. Климента—папы Римскаго; обрѣтеніе это признается всѣми за историческое событіе, не подлежащее сомнѣнію, и подтверждается большимъ числомъ свидѣтельствъ [63]). Св. Климентъ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ первыхъ первосвященниковъ Рима [64]). Онъ былъ, по приказанію императора Траяна, брошенъ въ море, съ навязаннымъ на выю якоремъ, будучи раньше заключеннымъ сюда (въ 94 г. по Р. Хр.); восемь вѣковъ не стерли памяти о святителѣ, и вотъ свв. Кириллъ и Меѳодій, воодушевленные вѣрою въ Бога и любовью къ мужу, трудившемуся здѣсь въ заточеніи надъ обращеніемъ язычниковъ въ христіанство и за это пострадавшему, рѣшились открыть міру святые останки св. мужа и извлечь ихъ изъ моря. По совѣту свв. братьевъ еп. Георгій сейчасъ же самъ отправился въ Константинополь за благословеніемъ къ патріарху и за клиромъ св. Софіи, а по прибытіи въ Херсонъ, всѣ сообща приступили къ изслѣдованію благого дѣла. Мощи были обрѣтены и положены въ церкви св. апостоловъ въ Херсонѣ. Часть мощей взяли свв. братья и носили съ собою съ благоговѣніемъ, пока въ 867 году не отнесли въ Римъ. Въ этомъ сказаніи Паннонскихъ житій объ обрѣтеніи мощей св. Климента достойна вниманія замѣтка агіографа въ заключеніе разсказа: „якоже пишеть въ обрѣтеніи его“—стало быть жизнеписатель имѣлъ подъ руками, вѣроятно, подробное описаніе этого событія или самимъ св. Кирилломъ или его ученикомъ Климентомъ,—но такого описанія до насъ не сохранилось, другихъ свидѣтельствъ въ другихъ памятникахъ о такого рода описаніи нѣтъ, а посему и авторъ его неизвѣстенъ.

Другое благое дѣло, совершенное св. Кирилломъ во время пребыванія въ Херсонѣ,—это избавленіе христіанскаго города отъ нападенія хозарскаго воеводы. Когда онъ обложилъ городъ, то св. Кириллъ явился

---

[63]) Итальянская легенда, которая есть сокращеніе сказанія объ этомъ событіи въ житіи св. Константина; «Слово на принесеніе мощей св. Климента»,—«Сказаніе объ обрѣтеніи мощей въ рукоп. Минеѣ за январь л. 677 (М. Д. Ак.) и въ Четьи-Минеяхъ Макарія на Январь подъ 30 числомъ.—Духовн. Вѣст. ст. Платонова 331 стр. прим. 16.

[64]) Ириней — «противъ ересей» I, III, гл. 3. Оригенъ «о началахъ». Жизнь св. Климента.

въ станѣ военачальника и убѣдилъ его не дѣлать зла городу; своею бесѣдою онъ побѣдилъ ярость воеводы и до того повліялъ на него, что тотъ обѣщалъ принять христіанскую вѣру. Воевода, обложившій городъ, вѣроятно былъ какой-нибудь вассальный князекъ или начальникъ удалой дружины и дѣлалъ нападеніе на городъ съ цѣлью грабежа или полученія выкупа.

На обратномъ пути отъ военачальника въ Херсонъ напали, во время молитвы 1-го часа, на св. Кирилла угры, которые хотѣли его умертвить, но онъ силою св. слова укротилъ ихъ и они, не тронувъ ни его, ни сопровождавшихъ, удалились [65]). Въ концѣ X в. или началѣ XI в. нѣкоторыя толпы угровъ перешли чрезъ Днѣпръ, мимо Кіева, и заняли нынѣшнюю Венгрію, слѣд., угры или нынѣшніе мадьяры, какъ не бывшіе подданными кагана, тогда жили дружинами и производили нападеніе на мирныхъ жителей,—одной изъ таковыхъ дружинъ и попалъ въ руки св. Кириллъ.

Почувствовавъ себя приготовленными къ великой и всенародной борьбѣ съ хозарами, свв. братья, сѣвши на корабль, отправились изъ Херсона по Азовскому морю (Меотійскому озеру) къ такъ называемымъ Каспійскимъ воротамъ Кавказскихъ горъ. Пройдя чрезъ эти ворота, они вскорѣ очутились въ столицѣ—резиденціи кагана, гдѣ ихъ приняли съ честью, ибо они имѣли при себѣ письмо къ кагану отъ Византійскаго императора Михаила. Гдѣ же тогда была резиденція кагана и какого маршрута держались свв. братья во время пути? По общепринятому мнѣнію маршрутъ пути ихъ былъ слѣдующій: высадившись съ корабля на восточномъ берегу Азовскаго моря, они пѣшкомъ прошли нижнюю часть нынѣшнихъ: земли войска Донскаго и губ. Астраханской; пришли къ Каспійскимъ воротамъ, подъ которыми разумѣлся узкій проходъ въ Кавказскихъ горахъ, тянувшійся по западному берегу Каспійскаго моря чрезъ или около нынѣшнихъ городовъ: Кизляра, Тарки, Дербента и оканчивавшійся въ Баку. Если они прошли Каспійскія ворота, то, конечно, не могли очутиться въ столицѣ кагановъ—городѣ Итилѣ, который лежалъ при устьѣ Волги—для этого можно было не ходить къ Каспійскимъ воротамъ; а должны были прійти въ другое мѣстопребываніе кагановъ (каганы, какъ мы замѣтили при описаніи города Итиля, имѣли много резиденцій; вѣроятно, разное время года они проводили въ разныхъ городахъ), которые, судя по описанію ближайшихъ мѣстъ къ Кизляру Эбнъ-Гавнала, можно предположить недалеко отъ Дербента, въ мѣстности го-

---

[65]) Угры, по Карамзину, занимали полосу земли — Лебедію (въ Харьк. губ. г. Лебединъ), но они не были подданные хозаръ. «Ист. Русск. Госуд.» Карамзина.

рода Кизляра, богатаго виноградомъ и расположеннаго на лѣвомъ берегу Терека[66]). Во всякомъ случаѣ братьямъ проповѣдникамъ тяжело было пройти этотъ длинный путь до столицы кагана. Здѣсь св. Кириллу довелось спорить и съ хозарами, и съ іудеями и съ сарацинами и почти одному выдержать натискъ ослѣпленнаго лжевѣрія, но онъ съ торжествомъ вышелъ побѣдителемъ сарацинъ, іудеевъ и хозаръ. Споры ихъ съ Кирилломъ извѣстны въ Паннонскихъ Житіяхъ подъ названіемъ „преній“, содержаніе которыхъ, изложенное въ житіи св. Константина, приблизительно вѣрное и согласное съ дѣйствительными преніями св. Кирилла, показываетъ острый и сильный умъ въ защитѣ христіанства.

Хотя пренія св. Кирилла составляютъ, такъ сказать, зерно миссіи и слѣдовательно, на изложеніи ихъ мы должны бы больше остановиться, но въ виду обширности трактата преній для изложенія и въ виду того, что сами по себѣ онѣ не представляютъ по Паннонскимъ Житіямъ цѣльнаго чего-нибудь, а только отрывки, до насъ не дошедшаго, полнаго трактата преній, изложеннаго самимъ св. Константиномъ и переведеннаго въ 8 частяхъ на славянскій языкъ архіепископомъ св. Меѳодіемъ, мы ограничимся указаніемъ только тезисовъ преній.

Внѣшняя сторона преній состоитъ въ слѣдующемъ: пренія происходятъ за столомъ въ присутствіи кагана и представителей народа; каганъ долженъ былъ явиться судіей исхода преній, какъ лицо, воля котораго исполнялась подданными безпрекословно; такая обстановка преній была обычнымъ явленіемъ того времени и, слѣдовательно, составитель житій въ этомъ мѣстѣ не отступилъ отъ исторической дѣйствительности. Вопросы преній слѣдующіе: а) Лукавый совопросникъ, высланный хозарами для преній, спрашиваетъ св. Кирилла: почему вы въ своихъ рѣчахъ опираетесь на книги и оттуда почерпаете мудрость, а не изъ персей, какъ это мы дѣлаемъ, не гордясь писаніями? Св. Кириллъ, поставивъ въ параллель совопроснику голаго человѣка, которому никто не повѣрилъ бы, если бы тотъ сказалъ, что онъ богатъ и имѣетъ одежду и золото, затѣмъ спросилъ его о числѣ родовъ отъ Адама до Моисея,—на что, конечно, хозаринъ „изъ своихъ персей“ не извлекъ отвѣта. б) Когда прибылъ св. Кириллъ къ кагану и сѣлъ за столъ, то его спросили какого онъ рода и званія, дабы опредѣлить ему то или другое почетное мѣсто за столомъ; св. Кириллъ діалектически провелъ ту мысль, что онъ—внукъ Адамовъ. в) За обѣдомъ, по опредѣленному каганомъ положенію, провозгласившимъ „пьемъ во имя Бога, создавшаго всю тварь“, св. Кириллъ доказалъ въ спорѣ троичность лицъ въ Богѣ; іудеямъ дока-

[66]) «Духовный Вѣстникъ». ст. Платонова. стр. 333 пр. 18.

залъ воплощеніе Іисуса Христа отъ Пр. Дѣвы Маріи на основаніи своихъ соображеній и свидѣтельствъ ветхозавѣтныхъ св. мужей и пророковъ; спорилъ съ іудеями о законѣ обрѣзанія Моисея, который (законъ) съ пришествіемъ Іисуса Христа на землю долженъ быть оставленъ, ибо всѣ учрежденія и обряды въ Ветхомъ Завѣтѣ были только „сѣнью и прообразомъ Новаго Завѣта во Христѣ“. Потомъ велъ преніе объ иконахъ, за признаніе и воздаваніе чести которымъ іудеи и мусульмане обвиняли христіанъ въ идолопоклонствѣ, и наконецъ, спорилъ по вопросу о яденіи свинины и заячины, какъ пищѣ дозволенной Богомъ; судя по завѣту Его съ Ноемъ, это яденіе не противно духу истинной религіи. Такъ какъ на всѣ эти вопросы и темы св. Кириллъ велъ разумную и основательную бесѣду, то каганъ и начальники хозаръ просили его еще съ ними поразсуждать въ притчахъ и отвѣтить на слѣдующій ихъ вопросъ: „какая вѣра лучше всѣхъ?“ Разсужденія и доказательства св. Кирилла убѣдили всѣхъ, начиная съ кагана, въ томъ, что лучшая изъ всѣхъ вѣра христіанская. Этимъ пренія закончились, послѣдствіемъ которыхъ было обѣщаніе кагана въ будущемъ креститься, дозволеніе креститься всѣмъ желающимъ и принятіе христіанской вѣры 200-ми человѣкъ, которые, можно думать, были славяне, ибо съ ними скорѣе могъ сблизиться св. Кириллъ, какъ славянинъ, и на ихъ непредубѣжденныя вѣрованія скорѣе всего могъ повліять дѣйствіемъ своего разумнаго слова. Не маловажно также внесенное въ паннонскія житія рѣшеніе язычниковъ [67]), по которому тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ послѣ проповѣди св. Кирилла кланяться на западъ или молиться іудейски или мусульманскую вѣру примутъ, опредѣляется смертная казнь; ясно, что этимъ рѣшеніемъ не только дозволяется, но и поощряется принятіе христіанской вѣры преимущественно предъ другими, а желающимъ проповѣдывать христіанскую вѣру среди хозаръ давалась свобода наравнѣ съ проповѣдниками іудейской и магометанской вѣры, которые здѣсь успѣли уже пріобрѣсти гражданское положеніе; вмѣстѣ съ тѣмъ язычники послѣ этого избавились на нѣкоторое время отъ притязаній на ихъ религіозныя вѣрованія іудеевъ и магометанъ или сарацинъ. Коль скоро такъ, то плоды миссіи св. Кирилла и Меѳодія въ Хозаріи, помимо принятой христіанской вѣры 200-ми человѣкъ, имѣли важное значеніе въ будущемъ, при распространеніи христіанства на югѣ нынѣшней Россіи. И въ самомъ дѣлѣ,

---

[67]) «Иже отъ васъ на западъ кланяется, ли жидовски молитвы творитъ, ли срацинску вѣру держитъ, скоро смерть пріиметъ отъ насъ» (Пан. Жит.) смертную казнь, какъ наказаніе за отступничество отъ вѣры, опредѣляли въ закопѣ греки, агіографу же, какъ греку, вздумалось примѣнить этотъ законъ и въ Хозаріи, но въ дѣйствительности такого эдикта не могло быть.

послѣ миссіи св. братьевъ христіанство дѣлало въ Хозаріи новые успѣхи и вблизи этой страны, не смотря на сильную пропаганду іудеевъ. Епископы греческихъ городовъ сѣвернаго Черноморья и Тавриды всегда боролись съ іудеями и подвизались среди язычниковъ и даже самыхъ іудеевъ въ апостольскихъ трудахъ, а послѣ миссіи св. братьевъ христіанскіе проповѣдники могли уже свободно проповѣдывать среди язычниковъ. Въ заключеніе сказанія о миссіи говорится о томъ, что каганъ написалъ къ царю Михаилу дружелюбное письмо, въ которомъ благодарилъ царя за прибывшихъ къ нимъ проповѣдниковъ, хвалилъ св. Кирилла за его умную проповѣдь о вѣрѣ христіанской и св. Троицѣ въ частности и, наконецъ, увѣрялъ царя, что теперь онъ и всѣ ясно увидѣли, что христіанская вѣра есть истинная; въ силу этого онъ повелѣлъ желающимъ креститься, а самъ выражалъ только надежду въ будущемъ креститься,—ясно, что послѣднее обѣщаніе не составляло его внутренняго убѣжденія и желанія, а входило только въ планы его политики по отношенію къ Византіи. Съ честью и дарами были провожаемы св. братья-миссіонеры изъ столицы кагана въ обратный путь—въ Византію. Но отъ даровъ, предложенныхъ коганомъ, св. Кириллъ отказался и взамѣнъ ихъ выпросилъ освобожденіе плѣнныхъ грековъ, каковыхъ оказалось въ Хозаріи всего 20; съ ними то св. братья и отправились въ обратный путь.

На обратномъ пути, проходя по безводной пустынѣ и изнемогши отъ жажды, св. Кириллъ сотворилъ чудо претворенія воды горькой, какъ желчь, въ сладкую и холодную—годную для питья; пили всѣ, прохладились и прославили Бога. Въ Херсонѣ св. Кириллъ предсказалъ смерть архіепископа при слѣдующихъ обстоятельствахъ: будучи на вечерѣ у архіепископа Херсонскаго, онъ обратился къ святителю, прося у него послѣдняго отеческаго благословенія, тотъ преподалъ благословеніе и на вопросъ присутствующихъ, непонявшихъ поступка св. Кирилла, этотъ послѣдній только сказалъ, что „во истину отъ насъ отъидешь утро ко Господу (архіепископъ), оставль ны“—такъ и случилось. Недалеко отъ Херсона былъ городъ Фулла или Фульстъ [68]), въ

---

[68]) Подобный городъ существовалъ дѣйствительно въ Крыму, недалеко отъ Судака—древ. Сугдеи, хотя точно опредѣлить его мѣсто нельзя. Для такого предположенія даетъ основаніе а) уставъ императора Андроника Палеолога (1288—1328), въ которомъ подъ 99 числомъ читаемъ: Sugdaca simul et Phulla значитъ Фулла близокъ былъ къ Сугдеѣ или нынѣ Судаку, ибо эти оба города были въ одной митрополіи; б) жизнеописаніе еп. Іоанна Готескаго (ж. въ VIII в.) — въ немъ встрѣчается городъ Фулла и, наконецъ, в) уставъ Льва Философа, въ которомъ Фульская епархія приводится въ числѣ архіепископій на 36 мѣстѣ, вслѣдъ за епархіею Готескою и Сугдейскою. «Исторія христіанства въ Россіи до Владиміра». Арх. Макарія стр. 85. Розысканія о началѣ Руси, Илов. стр. 137.

которомъ жители были до того суевѣрны, что, продолжая обычаи своихъ отцовъ-язычниковъ, кланялись дереву—одному дубу сросшемуся съ черешнею и называемому ими Александромъ. Во время бездождія суевѣрные жители обращались къ нему съ молитвою, совершали около него различные дары, не допуская къ нему женщинъ. Когда св. Кириллъ узналъ объ этомъ, то смѣло отправился къ нимъ и заставъ ихъ во время совершенія требищъ, обратился къ нимъ съ рѣчью, въ которой весьма удачно обвинялъ ихъ суевѣріе; слово его подѣйствовало на суевѣрныхъ, и они, раскаявшись, позволили св. Кириллу взять топоръ и рубить дерево, а за тѣмъ сами послѣдовали его примѣру. Они надѣялись на это дерево, какъ источникъ дождя; въ силѣ дуба они были сильно увѣрены, но когда въ ночь послѣ сожженія дуба, пошелъ проливной дождь, то суевѣріе должно было замолчать. Миссія св. братьевъ въ Хозарію кончилась и они изъ Херсона прямо отправились въ Царьградъ, гдѣ царь и патріархъ Фотій и народъ приняли просвѣтителей съ честью, какихъ они были достойны какъ апостолы, проповѣдавшіе христіанскую вѣру среди язычниковъ, іудеевъ и магометанъ въ Хозаріи.

Зерно святаго слова, посѣянное просвѣтителемъ славянъ св. Кирилломъ на нивѣ религіи въ странѣ хозаръ, могло скорѣе всего пасть на сердца язычниковъ, и при томъ славянъ, которыхъ здѣсь было не малое число, какъ желавшихъ слушать проповѣдь христіанскаго учителя; изъ нихъ, вѣроятно, и составилась церковь еще во время пребыванія св. Кирилла въ столицѣ кагана. Итакъ св. Кириллъ особенно и братъ его св. Меѳодій уже вслѣдствіе проповѣди ихъ въ землѣ хозаръ, помимо своихъ послѣдующихъ трудовъ въ Моравіи и др. славянскихъ земляхъ, могутъ считаться поистинѣ апостолами славянъ и насъ русскихъ-славянъ.

С. Недѣльскій.

Естественный законъ въ Духовномъ мірѣ.

Профессора Генриха Дрюммонда.

(Продолженіе).

ГЛАВА IV.

Смерть.

Помышленія плотскія суть смерть.
Апостолъ Павелъ.

Я не удивляюсь тому, что люди страдаютъ, но часто удивляюсь тому, сколько они теряютъ. *Рескинъ.*

„Смерть, говоритъ Фаберъ, это невѣдомая страна, неизслѣдованная область". Поэзія касается ея, чтобы только на мгновеніе попарить надъ нею и отшатнуться съ ужасомъ. Исторія знаетъ ее только какъ всемірное явленіе. Философія находитъ ее въ числѣ тайнъ бытія, какъ единственную великую тайну небытія. Всѣ вклады въ этотъ страшный вопросъ отличаются существенной неопредѣленностью, и всѣ пути, по которымъ стараются приблизиться къ нему, какъ бы затуманены непроницаемымъ мракомъ. Но современная біологія нашла, что проникнуть въ эту безмолвную страну есть отчасти и ея задача, и вотъ являются научныя изслѣдованія о смерти. Правда, они не много прибавили къ прежнему понятію о смерти и не сильно измѣнили его. Мы по прежнему также мало знаемъ о томъ, что такое эта неизбѣжная смерть съ ея неизвѣстными послѣдствіями. Но мы яснѣе можемъ опредѣлить и придать болѣе точное значеніе этому важному явленію.

Интересъ изслѣдованія заключается здѣсь въ томъ, что смерть есть одно изъ выдающихся явленій природы, имѣющее общепризнанное духовное соотвѣтствіе. Выдающееся значеніе этого слова въ книгахъ Откровенія не можетъ быть преувеличено. Вслѣдъ за жизнью самымъ плодотворнымъ, часто встрѣчающимся символомъ въ религіи является

антитезисъ жизни—смерть. И съ того времени какъ раздался въ раю приговоръ: „въ день, въ который ты вкусишь отъ него, смертью умрешь“, это таинственное слово имѣло вѣчное значеніе во всѣхъ человѣческихъ дѣлахъ.

Несмотря на безпримѣрное удареніе на этомъ словѣ, въ христіанскомъ ученіи нѣтъ ни одного, которое производило болѣе слабое впечатлѣніе на обычный умъ. Таинственность, окружающая это слово въ естественномъ мірѣ, только сильнѣе скрываетъ его духовное значеніе. Отвращеніе, препятствующее людямъ изслѣдовать тайны этой „Царицы ужасовъ“, въ нѣкоторой степени заслуживаетъ уваженія. Но на долю теологіи достаются только самые неопредѣленные матеріалы для построенія системы, которая, разумно составленная, должна бы съ силой убѣдительности воздѣйствовать на всѣхъ людей и доставить христіанству самыя существенные доводы. Каково бы ни было ея значеніе въ прошломъ, но для современнаго міра ужасъ смерти исчезъ. Слово это стало привычно. Невѣдѣніе лишило могилу всѣхъ ея ужасовъ, а заурядность притупила жало смерти. Сама смерть нравственно умерла. Кто изъ насъ старается постичь вполнѣ значеніе такихъ, напримѣръ, словъ, какъ: „Сластолюбивая заживо умерла“? Кто придаетъ надлежащее значеніе метафорѣ въ словахъ Павла: „помышленія плотскія суть смерть“ или „возмездіе за грѣхъ—смерть? Или какая теологія перевела на языкъ человѣческой жизни страшное житейское значеніе слѣдующихъ словъ: „вы умерли въ беззаконіяхъ и грѣхахъ“? Попытаться сдѣлать эти слова еще разъ живыми и жгучими, вдохнуть въ эти износившіяся отъ времени выраженія истину, вложить глубочайшее этическое значеніе въ самый важный символъ природы и наполнить должными послѣдствіями мрачнѣйшую угрозу Откровенія—таковы вопросы, подлежащіе теперь нашему изслѣдованію.

Что же такое смерть? Возможно ли опредѣлить ее и въ ясныхъ словахъ выразить ея существеннѣйшее значеніе?

Самая новѣйшая и наиболѣе научная попытка опредѣлить значеніе смерти принадлежитъ біологическимъ изслѣдованіямъ Герберта Спенсера. Стараясь изслѣдовать значеніе жизни, онъ наталкивается на смерть и старается опредѣлить ее. Конечно, значеніе смерти зависитъ отъ того, какое значеніе мы придаемъ жизни. Опредѣленіе, придаваемое Гербертомъ Спенсеромъ жизни, хорошо извѣстно и не разъ подвергалось дѣльной критикѣ. Значительно освѣтивъ многія явленія жизни, оно, однако, не заняло въ наукѣ мѣста окончательнаго рѣшенія этого основного вопроса біологіи. Можно сказать, что ни одно изъ опредѣленій жизни, данныхъ по сіе время, не можетъ считаться даже приблизительно правильнымъ.

Таинственное свойство ея ускользаетъ отъ насъ, и мы принуждены довольствоваться внѣшними описаніями и опредѣленіями, оставляя самый вопросъ неразрѣшеннымъ. Однако, и философія и наука сильно обязаны Герберту Спенсеру за его таинственное разъясненіе главнаго явленія жизни, и въ послѣдующихъ главахъ мы увидимъ, что и религія у него въ долгу.

Мы видѣли, что опредѣленіе смерти зависитъ отъ опредѣленія жизни и потому мы прежде всего должны схватить наиболѣе существенныя черты живыхъ существъ. Для физіолога живой организмъ отличается отъ неживаго тѣмъ, что совершаетъ извѣстныя отправленія. Этихъ отправленій четыре: усвоеніе, потеря, воспроизведеніе и ростъ. Было бы въ высшей степени важно указать на соотвѣтствующія явленія въ области духовной жизни, прослѣдить за тѣмъ, какъ эти отправленія представляютъ собою истинное проявленіе духовной жизни, а невыполненіе ихъ причиняетъ духовную смерть. Но мы прямѣе достигнемъ нашей цѣли, если разсмотримъ послѣдніе біологическіе выводы Герберта Спенсера. Согласно его опредѣленію „Жизнь есть опредѣленное сочетаніе разнородныхъ измѣненій, одновременныхъ и послѣдовательныхъ, въ соотвѣтствіи съ внѣшними существованіями и послѣдствіями“, или короче: „постоянное приспособленіе внутреннихъ отношеній къ внѣшнимъ“. Одинъ или два примѣра помогутъ намъ уяснить себѣ эти важныя опредѣленія. Согласно имъ, существенная черта живаго организма состоитъ въ его жизненной связи съ общей окружающей его средой. Человѣкъ, напримѣръ, находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ землей и воздухомъ, со всѣми окружающими его предметами, съ солнечной теплотой, съ пѣніемъ птицъ, съ безчисленными явленіями и проявленіями природы и его собратьевъ, людей. На языкѣ біологіи это значитъ, что онъ находится въ соотношеніи съ своей средой, то есть въ дѣятельномъ и живомъ соотношеніи со всѣми этими предметами, по возможности вліяя на нихъ и въ особенности находясь подъ ихъ вліяніемъ. Въ силу именно этого соотношенія онъ и считается живымъ. До тѣхъ поръ, пока происходитъ это взаимодѣйствіе въ какомъ бы то ни было отношеніи, онъ живъ. Поддерживать это соотвѣтствіе, значитъ поддерживать жизнь. Если окружающая его среда мѣняется, онъ долженъ немедленно приспособиться къ этой средѣ. И онъ продолжаетъ жить только до тѣхъ поръ, пока успѣваетъ приспособляться къ одновременнымъ и послѣдовательнымъ измѣненіямъ среды, по мѣрѣ того, какъ они происходятъ. Что разумѣется подъ „измѣненіемъ среды“ можетъ быть ясно понято изъ примѣра, который вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе опредѣлитъ намъ тѣсную связь между средой и организмомъ. Возьмемте гражданскаго чиновника, средой котораго является ка-

кой нибудь округъ Индіи. Эта область вслѣдствіе частыхъ и продолжительныхъ засухъ подвергается періодическимъ голодовкамъ. Когда наступаетъ время такой голодовки, онъ немедленно приступаетъ къ тому, чтобы приспособиться къ этой внѣшней перемѣнѣ. Имѣя возможность передвигаться, онъ можетъ или переселиться въ болѣе плодородный округъ или, обладая покупными средствами, можетъ присоединить къ прежнимъ окружавшимъ его условіямъ новыя, доставляемыя привозомъ предметовъ, необходимыхъ ему для поддержанія жизни. Но, если онъ, по какимъ либо причинамъ, не приспособится къ измѣнившимся обстоятельствамъ, его тѣло перестаетъ соотвѣтствовать средѣ, его внутреннія отправленія не соотвѣтствуютъ внѣшнимъ условіямъ, и жизнь его должна прекратиться. При обыкновенныхъ условіяхъ, въ здоровомъ состояніи, человѣческій организмъ находится въ полномъ согласіи съ своей средой, но когда часть организма по болѣзни или по случайнымъ обстоятельствамъ становится внѣ согласія, то въ этомъ отношеніи она является мертвой.

Эта смерть, этотъ недостатокъ соотвѣтствія можетъ быть или частичный, или полный. Часть организма можетъ быть мертва по отношенію къ части окружающей ее среды или весь организмъ ко всей средѣ. Такъ у человѣка въ голодный годъ только извѣстная часть можетъ быть не въ соотвѣтствіи съ измѣнившейся средой. Предметы роскоши, которыми онъ прежде наслаждался, уже не ввозятся въ эту страну; нѣтъ животныхъ, доставлявшихся къ его столу. Они существуютъ, но внѣ области, съ которою онъ можетъ находиться въ соотношеніи. И по отношенію къ этимъ предметамъ онъ мертвъ. Можно отчасти сказать, что среда не соотвѣтствуетъ ему или что его организмъ не соотвѣтствуетъ средѣ, не могъ къ ней приспособиться. Но, какъ бы то ни было, онъ платитъ частичной смертью.

Затѣмъ представьте себѣ такой случай, когда человѣкъ не находится въ соотвѣтствіи со всей средой вслѣдствіе какого нибудь физическаго недостатка. Пусть болѣзнь или случай лишилъ его слуха. Глухой въ силу этого недостатка не можетъ быть въ соотвѣтствіи съ значительной и ясно опредѣленной частью своей среды, а именно со всѣми ея звуками. По отношенію къ этому міру звуковъ онъ уже не живетъ, онъ не чувствителенъ къ нимъ и поистинѣ мертвъ. Человѣкъ слѣпой не въ соотвѣтствіи съ другой обширной частью среды. Красоты моря и неба, очертанія облаковъ и горъ, черты и жесты друзей для него какъ бы не существуютъ.

Въ дѣйствительности они есть, но не для него; тутъ онъ еще болѣе мертвъ. Затѣмъ предположимъ, что его постигло умственное, мозго-

вое разстройство. Весь его мозгъ пораженъ и чувствительные нервы, посредствомъ которыхъ онъ входилъ въ общеніе съ средой, перестаютъ знакомить его съ тѣмъ, что происходитъ во внѣшнемъ мірѣ. Этотъ внѣшній міръ существуетъ, но не для человѣка, который мертвъ по отношенію къ нему. Итакъ область смерти расширяется, и человѣкъ становится все менѣе и менѣе живымъ. Но наконецъ поражена какая-нибудь существенная часть организма: легкія перестаютъ дышать, сердце биться. нѣтъ больше никакого соотвѣтствія ихъ съ окружающими ихъ условіями, и вещь, такъ какъ теперь организмъ сталъ вещью, оказывается мертвой.

Теперь разсмотримъ соотвѣтствующее явленіе смерти въ духовномъ мірѣ. Дѣятелей, съ которыми намъ придется имѣть дѣло, тоже два, какъ и прежде,—организмъ и среда. Отношеніе между ними можетъ по прежнему быть названо „соотвѣтствіемъ". И истина, которую намъ предстоитъ разъяснить, сводится къ тому, что духовная смерть есть недостатокъ соотвѣтствія между организмомъ и духовной его средой.

Что такое духовная среда? Это выраженіе очевидно требуетъ дальнѣйшаго опредѣленія, такъ какъ смерть есть относительное понятіе. И прежде, чѣмъ опредѣлить смерть въ духовномъ мірѣ, мы должны уяснить себѣ то особое значеніе, въ какомъ это слово употребляется. Мы лучше поймемъ свойство этихъ отношеній, если разсмотримъ слегка свойство среды вообще. Подъ естественной средой мы разумѣемъ все окружающее человѣка, весь внѣшній міръ, въ которомъ онъ живетъ и движется и существуетъ. Не обязательно включать въ это понятіе его одновременное соотношеніе со всею средой или съ частью ея, которая продолжаетъ быть независимой отъ этого соотношенія. И, дѣйствительно, существуетъ среда, которую онъ сознаетъ, и среда, которая внѣ его сознанія, и отсюдь не слѣдуетъ упускать изъ виду, что познаваемая имъ не есть вся среда, окружающая его. Все окружающее, все что внѣ его, сознанное и несознанное имъ, есть среда человѣка. Луна и звѣзды составляютъ часть ея, хотя днемъ онъ и не видитъ ихъ. Полярныя страны, часть этой среды, хотя онъ рѣдко сознаетъ ихъ вліяніе. Въ самомъ широкомъ смыслѣ, среда человѣка есть все, что не онъ.

Теперь ясно, что организмы согласуются со средой въ различныхъ степеняхъ полноты или неполноты. На низшей ступени біологической лѣстницы, мы встрѣчаемъ организмы, имѣющіе только самое ограниченное соотношеніе съ средой. Дерево, напримѣръ, находится въ соотношеніи съ почвой посредствомъ своего корня, съ солнечнымъ свѣтомъ и съ воздухомъ при помощи своихъ листьевъ. Но въ силу своего низкаго развитія оно отдѣлено отъ цѣлаго міра, съ которымъ соприкасаются

высшіе виды жизни. Лишенное передвиженія, оно неизбѣжно осуждено ограничить кругъ своего соотношенія, такъ что для громадной области окружающей его природы, оно какъ бы мертво. Относительно же сознанія можно было бы по праву сказать, что оно совсѣмъ не живо. Журчаніе ручья, омывающаго его корни, не доступно его воспріятію. Дивная жизнь насѣкомыхъ въ его тѣни не вызываетъ въ немъ ни малѣйшаго удивленія. Нѣжное материнство птицы, свившей гнѣздо въ его листвѣ, не пробуждаетъ въ немъ соотвѣтствующаго чувства. Дерево не можетъ быть съ ними въ соотвѣтствіи. Къ ручью, насѣкомому, птицѣ, оно нечувствительно, равнодушно, мертво. И эта неотзывчивость и есть смерть.

Птица, стоящая на болѣе высокой ступени жизненной лѣстницы, соотвѣтствуетъ болѣе обширной средѣ. И рѣка, и насѣкомыя представляютъ для нея нѣчто дѣйствительное. Она знаетъ, что находится по ту сторону холма; она прислушивается къ любовной пѣснѣ своего товарища. И этотъ болѣе развитой организмъ живъ по отношенію ко многому тому, что̀ внѣ міра, существующаго для дерева. Птица, такъ сказать, болѣе жива, чѣмъ дерево; она находится въ соотвѣтствіи съ бо̀льшей сферой окружающей ея среды. Но жизнь птицы еще не самая высшая жизнь. Даже въ средѣ, непосредственно окружающей птицу, есть многое, по отношенію къ чему можно считать ее мертвой. Помѣстите организмъ болѣе развитой, помѣстите самого человѣка въ эту самую среду и посмотрите на сколько онъ болѣе полонъ жизни. Сотни вещей, которыхъ птица никогда не замѣчала ни въ насѣкомомъ, ни въ рѣкѣ, ни въ деревѣ, обращаютъ на себя его вниманіе. Каждое чувство его имѣетъ нѣчто ему соотвѣтствующее. Каждая способность его имѣетъ соотвѣтствующее упражненіе. Человѣкъ есть множество соотвѣтствій и въ силу этого, въ силу того, что онъ живъ для безчисленныхъ предметовъ и вліяній, къ которымъ низшіе организмы мертвы, онъ изъ всѣхъ созданій наиболѣе полонъ жизни.

Относительность смерти теперь довольно ясна. Даже оставляя человѣка въ сторонѣ, мы видимъ, что всѣ организмы отчасти живы, отчасти мертвы. Дерево, насколько оно соотвѣтствуетъ ограниченной сферѣ своей среды,—живетъ, по отношенію же ко всему остальному безконечному міру оно мертво. Значительно большая сфера доступна насѣкомому и птицѣ. И, однакожь, и ихъ сфера ничтожна въ сравненіи съ остальнымъ міромъ, по отношенію къ которому они мертвы. И всѣ организмы точно также живы и мертвы. Живы въ предѣлахъ ихъ соотвѣтствія, мертвы ко всему внѣ этихъ предѣловъ. Однако, по мѣрѣ того, какъ мы восходимъ по лѣстницѣ жизни, область смерти все уменьшается, а границы жизни все болѣе расширяются во всѣ стороны. Но до появленія человѣка нѣтъ

организма, который бы соотвѣтствовалъ всей средѣ. Ни одинъ не соотвѣтствуетъ крайнимъ сферамъ, которыя какъ бы не существуютъ для обитателей самыхъ сокровенныхъ областей.

Теперь невольно рождается вопросъ: находится ли человѣкъ въ соотвѣтствіи со всей средой, со всѣмъ міромъ, окружающимъ его? Дойдя до самаго высшаго изъ живущихъ организмовъ, можемъ ли мы сказать, что окончательный ударъ нанесенъ царству смерти? Охватилъ ли онъ своими ограниченными чувствами послѣднія предѣлы безграничнаго пространства? Въ сознаваемой имъ средѣ заключается ли вся его среда? Или же въ числѣ этихъ внѣшнихъ крайнихъ сферъ, есть хотя одна такая, которую онъ не охватываетъ своими многочисленными соотношеніями? Если да, то это—смерть. Вопросъ о жизни и смерти для него есть такимъ образомъ вопросъ о величинѣ той среды, которую онъ не способенъ охватить. Если остается одинъ кругъ или сегментъ круга внѣ его соотвѣтствій, котораго человѣкъ не узналъ и не находится во взаимодѣйствіи съ нимъ, то онъ мертвъ относительно его.

Каково же дѣйствительное положеніе человѣка? Находится ли человѣкъ въ соотвѣтствіи со всей средой или нѣтъ? На это можетъ быть только одинъ и при томъ отрицательный отвѣтъ. О людяхъ вообще нельзя сказать, чтобы они находились въ живомъ соотношеніи съ той частью окружающей ихъ среды, которая называется духовнымъ міромъ. Вводя новый терминъ „духовнаго міра", мы, замѣтьте себѣ, отнюдь не вводимъ новаго дѣятеля. Онъ составляетъ существенную часть прежняго понятія. Мы слѣдовали шагъ за шагомъ за постоянно расширяющейся средой и теперь достигли ея крайнихъ предѣловъ. Духовный міръ есть просто самый отдаленный крайній сегментъ, кругъ или круги естественнаго міра. Для удобства мы отдѣляемъ ихъ, какъ отдѣляемъ растительный міръ отъ животнаго. Но и растительный и животный—одинъ и тотъ же міръ. Они только различныя части одной и той же среды. И естественный и духовный міръ тоже одно. Внутренніе круги мы называемъ естественными, внѣшніе духовными. И называемъ ихъ духовными просто потому, что они дальше, если не для всѣхъ, то для большинства изъ насъ. То, съ чѣмъ мы находимся въ соотношеніи, мы называемъ естественнымъ; съ чѣмъ мы не находимся въ соотношеніи или съ чѣмъ мы имѣемъ мало соотношенія, мы называемъ духовнымъ. Но когда появляется подходящій для соотвѣтствія организмъ, организмъ, который можетъ свободно сообщаться съ этими отдаленными областями, различіе неизбѣжно исчезаетъ и духовное становится только болѣе отдаленными областями естественнаго.

Теперь относительно большинства существующихъ, относительно множества людей, развѣ нельзя утверждать, что они находятся внѣ соотношенія съ этою отдаленною сферой? Предположимъ, что мы для большей наглядности дадимъ названіе этой самой отдаленной сферѣ окружающей насъ среды. Предположимъ, что мы назовемъ ее Богомъ. Предположимъ далѣе, что для болѣе яснаго выраженія этого личнаго соотношенія мы возьмемъ другое слово и назовемъ это общеніемъ. Мы можемъ теперь болѣе точно опредѣлить духовное соотношеніе различныхъ людей: Тѣ, которые находятся въ общеніи съ Богомъ, живутъ, которые же не находятся въ общеніи съ Нимъ,—мертвы.

Размѣръ или глубина этого общенія, различныя степени соотношенія въ различныхъ личностяхъ и большая или меньшая полнота жизни, какъ непосредственный плодъ общенія, не составляютъ предмета нашего изслѣдованія въ настоящее время. Задача наша состоитъ въ томъ, чтобы изслѣдовать главное свойство духовной смерти. И мы нашли, что она состоитъ въ недостаткѣ общенія съ Богомъ. Недуховный человѣкъ—тотъ, кто живетъ въ тѣсной средѣ этого здѣшняго міра. „Сластолюбивая заживо умерла“ или „помышленія плотскія суть смерть“. Плотскія помышленія, выражаясь научнымъ языкомъ, ограничиваютъ сферу среды до обычнаго уровня плотскаго человѣка. Изъ этого не слѣдуетъ, чтобъ человѣческій духъ нерелигіозный былъ неизбѣжно порочень. Духъ плоти φρόνημα τῆς σαρκὸς по самой природѣ своей, по своей ограниченности способностей и по своему временному влеченію есть θάνατος — смерть.

Этотъ земной духъ можетъ быть благороденъ, обогащенъ образованіемъ, возвышенъ, доблестенъ и чистъ. Но если онъ не вѣдаетъ Бога? Что пользы, хотя бы онъ въ своемъ общеніи охватывалъ звѣзды небесъ или бездны вершинъ и пространствъ. Звѣзды неба—не небо; пространство—не Богъ. Этотъ духъ, конечно, имѣетъ жизнь, но жизнь сообразную съ своимъ уровнемъ. Тутъ не видно слѣдовъ смерти, онъ можетъ даже вполнѣ легко сносить свои лишенія и по своему чувствовать удовлетвореніе. Мы отнюдь не рисуемъ себѣ чудовищемъ владѣльца этого плотскаго духа. Мы сказали, что онъ можетъ быть возвышенъ, добродѣтеленъ и чистъ.

Растеніе не чудовище, хотя и мертво къ голосу птицъ, не чудовище и тотъ, кто мертвъ къ голосу Бога. Мы просто утверждаемъ теперь, что онъ мертвъ.

Нужно особенно обратить вниманіе на то, что для каждаго, истинно изучающаго природу, Богъ существуетъ. Какъ бы Его ни называли—Создателемъ, Верховнымъ Существомъ, Великой Первопричиной, Силой, ведущей къ справедливости,—во всякомъ случаѣ у науки есть

Богъ; и тотъ, кто вѣруетъ въ нее, вопреки всѣмъ возраженіямъ, имѣетъ свою богословію. Если мы будемъ вникать въ суть предметовъ, а не ограничиваться словами, мы вскорѣ замѣтимъ, что у человѣка науки есть и богословія и Богъ, крайне поразительныя богословія и Богъ, внушающій крайнее благоговѣніе и полный славы. Я говорю, что тотъ человѣкъ вѣритъ въ Бога, кто чувствуетъ себя въ присутствіи Силы, отдѣльной отъ него, неизмѣримо высшей, чѣмъ онъ,—Силы, наблюденіемъ Которой онъ поглощенъ, въ познаніи Которой онъ находитъ увѣренность и счастье. И такова теперь природа для человѣка науки. Но къ сожалѣнію замѣтимъ, что такова она для очень немногихъ. Ихъ собственное признаніе говоритъ противъ нихъ. Что они поглощены наблюденіемъ, мы охотно вѣримъ. Что они могли бы найти увѣренность и счастье въ познаніи Его, тоже возможно, еслибы они дѣйствительно испытывали это. Но именно этого-то, судя по ихъ словамъ, у нихъ и нѣтъ.

То, что они отрицаютъ,—не есть Богъ, а ихъ соотношеніе съ Нимъ. Самое признаніе Непознаваемаго, есть печальное сознаніе въ томъ, что есть среда превыше ихъ, и соотвѣтствіе съ которой имъ недоступно. И чувство этой недоступности дѣлаетъ ихъ Бога Невѣдомымъ Богомъ, и вотъ почему они являются мертвыми.

Мы этимъ отнюдь не говоримъ и не подразумѣваемъ, что нѣтъ Бога въ природѣ и не утверждаемъ отсутствіе естественной религіи. Мы даже увѣрены, что безъ религіи природы религія не полна, и безъ Бога въ природѣ Богъ откровенія не совсѣмъ понятенъ и лишь отчасти познаваемъ. Богъ не можетъ быть ограниченъ только внѣшней, высшей сферой окружающей насъ среды. Онъ живетъ и движется и пребываетъ во всемъ. Ищущіе Его только въ отдаленныхъ сферахъ могутъ найти Его, но не во всей полнотѣ.

Христіанинъ, не знающій Бога въ природѣ, т. е. не соотвѣтствующій всей средѣ, навѣрное отчасти мертвъ. Авторъ „Ecce Homo“ отчасти правъ, когда говоритъ: „Я думаю, что посторонній зритель сказалъ бы, что хотя въ христіанствѣ есть нѣчто значительно болѣе глубокое, высокое и болѣе облагораживающее, однако же, заурядный человѣкъ науки въ настоящее время чтитъ болѣе грозное и великое Божество, чѣмъ заурядный христіанинъ. Во многихъ христіанахъ понятіе о Богѣ унижено ребяческимъ и узкимъ ученіемъ. Вѣчный, Безконечный и Всеобъемлющій представленъ главой клерикальныхъ интересовъ, какъ какой-нибудь священнослужитель, школьный учитель или филантропъ. Но человѣкъ науки знаетъ, что Онъ вѣченъ. Въ астрономіи, въ геологіи онъ знакомится съ безчисленными тысячелѣтіями Его жизни. Человѣкъ науки стремится въ настоящее время осуществить безконечность Бога.

Онъ слѣдитъ за Нимъ до самыхъ неподвижныхъ звѣздъ,—разстояніе. невыразимое никакими цифрами. А для теолога безконечность и вѣчность слишкомъ звучатъ пустыми словами въ примѣненіи къ Предмету его поклоненія. Онъ не осуществляетъ ихъ въ дѣйствительныхъ явленіяхъ и опредѣленныхъ вычисленіяхъ". Примемъ этотъ выговоръ. Правило, въ силу котораго недостатокъ есть смерть, приложимъ всюду. Не знающій Бога въ природѣ живетъ не вполнѣ. Обратное же положеніе не вѣрно и на эту сторону дѣла мы и обращаемъ главное вниманіе. Знающій только Бога въ природѣ не живетъ. Нѣтъ соотвѣтствія съ невѣдомымъ Богомъ и все не сводится непрерывно къ опредѣленной Первопричинѣ. Нѣтъ ассимиляціи естественнаго закона, нѣтъ роста Образа Всеобъемлющаго. Быть въ соотвѣтствіи съ Богомъ, какимъ рисуетъ его наука, конечно, не значитъ жить. „Сія же есть жизнь вѣчная, да знаютъ Тебя, Единаго Истиннаго Бога и посланнаго Тобою Іисуса Христа.

Крайне важно уяснить себѣ, что отсутствіе истиннаго Свѣта означаетъ нравственную смерть. Не только естественный міръ погружается во мракъ для нашего разума, но и исторія подтверждаетъ, что частичное, а затѣмъ и полное нравственное затмѣніе всегда слѣдовало за потерей вѣры въ личнаго Бога. Сотни разъ было указано, что при этомъ исчезаетъ не нравственность въ отвлеченномъ смыслѣ, но является отсутствіе основаній и утвержденія для нея. Нѣтъ ничего, чтобы могло воскресить ее изъ мертвыхъ. Человѣкъ по отношенію къ ней вполнѣ предоставленъ самому себѣ. Предположивъ даже, что нравственныя явленія имѣютъ свою основу въ человѣческой жизни, что у природы есть религія, символомъ которой является наука, все-таки одинъ Богъ можетъ спасти міръ отъ нравственной смерти. Нравственность имѣетъ власть предписывать, но не двигать. Природа направляетъ, но не контролируетъ, какъ мудро высказано въ одной изъ недавнихъ статей, богатой любопытными афоризмами. „Хотя упадокъ религіи можетъ оставить нетронутымъ всѣ предписанія нравственности, онъ изсушаетъ ихъ внутреннюю силу. Искренняя вѣра людей выражаетъ и опредѣляетъ глубину ихъ нравственной природы, и нельзя лишиться ея безъ того, чтобы не изсякло одушевленіе, при чемъ неизбѣжно всѣ докучливыя желанія и шумныя страсти, которыя были удалены, снова успѣшно выдвигаются впередъ. Вѣра въ вѣчно живущій и совершенный верховный Духъ надъ вселенной облекаетъ нравственныя свойства безпредѣльностью и вѣчностью и возвышаетъ ихъ съ случайной арены человѣческаго общества до несгибнущей сферы всебытія. Находясь такимъ образомъ въ самой сущности вещей, они оправдываютъ и поддерживаютъ

идеальную оцѣнку совѣсти, усиливаютъ сознаніе виновности, поддерживаютъ каждую разумную надежду и помогаютъ волѣ человѣка одержать побѣду при каждомъ искушеніи". Смерть души, предоставленной самой себѣ, тѣмъ болѣе ужасна, что нравственность имѣетъ основу въ человѣческомъ обществѣ и природа религію, а это значитъ, что природа и нравственность имѣютъ всѣ данныя для добродѣтели, но не имѣютъ жизни, оживляющей ее.

Въ удаленіи души отъ Бога лучшая теологія видитъ въ концѣ концовъ причину грѣха. Грѣхъ есть просто отступничество отъ Бога, невѣріе въ Бога. Грѣхъ проявляется въ своемъ истинномъ видѣ, когда потребность сознанія въ святости, представляясь человѣку какъ любовное подчиненіе Богу, отбрасывается имъ съ отвращеніемъ. Здѣсь грѣхъ является въ своемъ истинномъ видѣ, какъ отвращеніе отъ Бога, и въ то время, какъ вина человѣка усиливается, происходитъ огрубеніе сердца, вслѣдствіе подавленія высшихъ двигателей. Вотъ что значитъ беззаконіе тѣхъ, которые отверглись отъ Христа и не хотятъ вѣрить въ заповѣдь, о которой такъ часто упоминается въ Новомъ завѣтѣ; это невѣріе и есть замкнутость сердца отъ высочайшей любви. Другой взглядъ на грѣхъ, и въ настоящее время вѣроятно общепринятый, состоитъ въ томъ, что грѣхъ есть себялюбіе, т. е. то же самое, только съ другой точки зрѣнія. Очевидно, что если разумъ отворачивается отъ извѣстной сферы нашей среды, то поступаетъ такъ только подъ вліяніемъ искушенія соотвѣтствія съ другой ея частью. Это искушеніе въ сущности только и можетъ происходить изъ одного источника—изъ любви къ самому себѣ. Всѣ соотвѣтствія нерелигіознаго человѣка сосредоточиваются на немъ самомъ. Онъ обожаетъ самого себя. Себялюбіе, а не самоотверженность, независимость, а не подчиненіе—вотъ правила его жизни. А это и есть вмѣстѣ съ тѣмъ самый жалкій и обычный видъ идолопоклонства.

Но, съ какой бы точки зрѣнія мы ни разсматривали грѣхъ, мы всегда увидимъ его близкое соотношеніе съ смертью. Если грѣхъ есть удаленіе отъ Бога, то это самое удаленіе и есть смерть, или недостатокъ соотвѣтствія. Если грѣхъ есть себялюбіе, то послѣднее происходитъ въ ущербъ жизни и послѣдствіемъ является смерть. „Любящій душу свою, погубитъ ее", сказалъ Христосъ.

Но очевидность этого омертвѣнія нравственной природы, отдѣлившейся отъ Бога, мы почерпаемъ не только изъ теологіи или исторіи, но даже изъ аналогіи съ природой, и каждый можетъ ожидать этого

неизбѣжнаго послѣдствія. Развитіе любого организма, въ какомъ бы то ни было направленіи, зависитъ отъ его среды. Живая клѣтка, лишенная воздуха, неизбѣжно умретъ. Сѣмя, лишенное влаги и подходящей температуры, будетъ цѣлыя столѣтія лежать въ землѣ, какъ въ могилѣ. И человѣческая природа точно также подчинена тѣмъ же условіямъ. Она можетъ развиваться только въ надлежащей средѣ. Какіе бы зародыши мыслей или добродѣтели, какіе задатки геніальности или таланта ни лежали скрыто въ груди человѣка, но безъ соотвѣтствія съ надлежащей средой, развитіе пріостанавливается, самыя блестящія данныя для жизни остаются неосуществленными, и мысль и добродѣтель, геній и талантъ—мертвы. Истинная среда нравственной жизни есть Богъ. Только тутъ пробуждается совѣсть, загорается любовь. Обязанность становится геройствомъ и оживаетъ та справедливость, которая одна должна вѣчно жить. Но если нѣтъ этой атмосферы, высохшая душа должна погибнуть просто отъ недостатка надлежащаго воздуха. И смерть ея есть вполнѣ естественная смерть. Это не исключительное правило, относящееся только къ атеизму. При тѣхъ же условіяхъ, при тѣхъ же ложныхъ отношеніяхъ къ своей средѣ и поэтъ, и музыкантъ и художникъ одинаково погибли бы для поэзіи, музыки и искуства. Каждая среда есть причина. Ея дѣйствіе на меня какъ разъ соразмѣрно моему соотвѣтствію съ ней. Если я соотвѣтствую части ея, то только часть меня находится подъ ея воздѣйствіемъ. Если я больше соотвѣствую, большая часть меня находится подъ ея вліяніемъ, наконецъ, если я въ соотвѣтствіи со всей средой, она вся воздѣйствуетъ на всего меня. Если я въ соотвѣтствіи съ міромъ, я становлюсь отъ міра; если съ Богомъ, то становлюсь божественнымъ. Какъ безъ соотвѣтствія человѣка науки съ естественной средой, не могло бы быть ни науки, никакого дѣйствія, основаннаго на знаніи, такъ безъ общенія съ духовной средой не можетъ быть никакой религіи. Не желая совершенствовать наши религіозныя отношенія, мы отказываемъ душѣ въ ея величайшемъ правѣ—въ правѣ на дальнѣйшее развитіе.

Мы уже допускали, что человѣкъ, не знающій Бога, можетъ не быть чудовищемъ, но мы не можемъ сказать, чтобы онъ не былъ карликомъ.

Карликомъ онъ именно долженъ быть въ силу чисто естественныхъ законовъ. Вы можете лишить развитія душу, какъ и растеніе, лишая ее необходимой среды. Такая душа можетъ нѣкоторое время считаться какъ бы живой. Она можетъ не обнаруживать никакихъ признаковъ атрофіи. Но ея добродѣтель такъ или иначе отличается блѣдностью цвѣтка, росшаго въ темнотѣ, или травинки, никогда не видавшей солнечнаго свѣта, и никакимъ благоуханіемъ не вѣетъ отъ нея.

Съ точки зрѣнія нравственности такой организмъ можетъ представляться образцомъ безупречной жизни; но для науки онъ представляется задержаннымъ въ своемъ развитіи, а для религіи зрѣлищемъ трупа или живого мертвеца.

И мы вслѣдъ за Рёскинымъ невольно повторяемъ: „мы не удивляемся тому, что люди страдаютъ, но часто дивимся тому, что они теряютъ".

Свобода, любовь и вѣра.

V.

Въ тѣсномъ единеніи между собою находятся какъ понятія о свободѣ любви и вѣрѣ, такъ и дѣятельное осуществленіе ихъ человѣкомъ. Если только дѣйствующая любовью вѣра вполнѣ соотвѣтствуетъ тому значенію, которое дается или установляется для нея христіанствомъ, то свобода, какъ для вѣры, такъ и для любви, является необходимымъ, жизненнымъ условіемъ. Безъ свободы не можетъ быть вѣры, какъ не можетъ быть и любви, ибо можно только свободно вѣрить, какъ только свободно можно любить. Тяжелый жизненный опытъ давнымъ давно уже убѣдилъ все человѣчество въ невозможности подневольной любви; грубѣйшій деспотъ знаетъ, что насиліемъ не можетъ быть вызвана любовь ни одного человѣческаго существа. Но пренебреженіе, съ которымъ относятся къ вѣрѣ, все еще оставляетъ мѣсто надеждѣ на подневольную вѣру, какъ на своего рода поддѣлку, служащую замѣною вѣрѣ дѣйствительной. Стоитъ, конечно, отнестись къ вѣрѣ съ вѣрою же, отказаться отъ упованій на безвѣрную вѣру, чтобы затѣя оказалась не только дерзко-смѣхотворною, но даже и преступною. Свободою движутся и существуютъ какъ любовь, такъ и вѣра. Безъ свободы не можетъ быть вѣры, какъ нѣтъ и не можетъ быть любви. Отрицаніе свободы равносильно отрицанію и любви и вѣры, а походъ противъ свободы, кѣмъ бы ни предпринимался онъ, есть походъ противъ любви и вѣры, или, по крайней мѣрѣ, противъ жизненнаго ихъ проявленія.

И, однако, именно на свободу совершается въ настоящемъ случаѣ нѣкое ополченіе, а однимъ изъ его проповѣдниковъ является г. Розановъ, о которомъ снова должны сказать мы нѣсколько словъ для вступленія.

Что есть свобода? Отрада жизни, удовольствіе, наслажденіе, радость или и нравственный долгъ, по временамъ и тяжкій, но необходимый для человѣчности существованія, для соблюденія нравственнаго достоинства человѣческаго? Какъ часто мы *предаемся* наслажденіямъ, *отдаемся*

впечатлѣніямъ, *забываемся* въ вихрѣ внѣшнихъ воздѣйствій именно для того, чтобы стряхнуть съ себя бремя свободы, которое должны нести, чтобы быть людьми, чтобы оставаться подобіемъ Божіимъ, идти впередъ по пути нравственнаго совершенствованія. Разочаровался въ свободѣ г. Розановъ именно потому, что она представлялась ему только радостью и не оправдала надеждъ, на нее возлагавшихся. Онъ почиталъ ее поставщицею радости, а она предъявляла и суровыя требованія или, по крайней мѣрѣ, сама по себѣ и сама отъ себя никакихъ радостей не доставила, въ силу чего и утратила въ глазахъ г. Розанова всякое значеніе, сдѣлалась бросовою, никуда негодною вещью.

„Свобода—это радость,“ говоримъ мы, восклицаетъ г. Розановъ (Свобода и вѣра стр. 270), но эта „радостность свободы“ припоминается ему только заднимъ числомъ. „Послѣ тысячелѣтней стѣсненности, говоритъ онъ, чувство свободы было безконечно *радостно*... Когда и вчера ничего не давило меня, какую *радость* можетъ дать мнѣ то, что и сегодня меня никто не давитъ. Здѣсь нѣтъ положительнаго, что *насыщало* бы; только ничто не *томитъ*, не *мучитъ*, но развѣ это то, что нужно человѣку?.. Она (свобода) испытана, и не то, чтобы въ испытаніи оказалась *горькою*; этого чувства не было; но она оказалась какъ-то *прѣсна*, безъ особеннаго *вкуса*, безъ сколько-нибудь *яркой ощутимости* для человѣка... Такимъ образомъ чувство свободы было *радостно*, пока она была тожественна съ высвобожденіемъ, сливалась съ понятіемъ независимости... Былъ феодальный гнетъ—и было *радостно* высвобожденіе изъ подъ него; былъ гнетъ церкви надъ совѣстью—и всякая иронія надъ нею давала *наслажденіе*... Побужденіе, лежавшее въ основѣ тысячи движеній, правда носитъ то же названіе (свободы), но *каковъ его смыслъ* и *какова точная цѣна* для человѣка? Съ паденіемъ всякихъ путъ, *что собственно значитъ свобода для человѣка*? (Стр. 266).

Конечно, она боѣле не нужна. Долой ее! Не надобно ее болѣе!

Съ этой только исключительно точки зрѣнія, руководствуясь только мѣркою доставляемаго удовольствія и чувственнаго наслажденія, подвергаетъ г. Розановъ своей критикѣ свободу. Другой критической мѣрки, другой исходной точки для критики въ данномъ случаѣ для него не существуетъ. *Тѣшила* свобода, доставляла удовольствіе—и была хороша, представляла даже нѣкоторую цѣну; перестала *тѣшить*—и потеряла всякую цѣну, сдѣлалась никуда негодною, бросовою вещью. Г. Розановъ пробуетъ свободу *на вкусъ* и находитъ ее не *насыщающею*, не имѣющею, правда, *горькаго* вкуса, но и не имѣющею особеннаго вкуса вообще (не *пикантною*), лишенною *яркой ощутимости*, не доставляющей вслѣдствіе того ни *наслажденія*, ни *радости*. Чего же больше и требовать отъ нея?

на что она болѣе можетъ годиться? Рѣшено: она не имѣетъ *ни цѣны, ни смысла.* Эту точку зрѣнія назвали бы мы грубо-аристиповскою, если бы гг. Соловьевъ и Тихомировъ не придали уже ей совершенно согласно названія, *звѣриной*, хотя, кажется, и на другомъ основаніи, чѣмъ выше нами указано. Охотно съ своей стороны присоединяемся къ этому отзыву, тѣмъ болѣе, что всѣмъ извѣстенъ примѣръ героини басенъ Крылова, производившей оцѣнку очковъ совершенно съ той же точки зрѣнія, съ какой г. Розановъ производитъ оцѣнку свободы и употреблявшей только болѣе многосложные пріемы (прижиманіе къ темени, нюханіе лизаніе т. е. то же, что пробованіе на вкусъ и т. д.). Громадная разница полагается тѣмъ, что означенная выше героиня все-таки знала дѣйствительное назначеніе очковъ, цѣль ихъ существованія, тогда какъ г. Розановъ совсѣмъ не вѣдаетъ истиннаго назначенія свободы и полагаетъ, что она дается или пріобрѣтается *только* для удовольствія, наслажденія, родости и потѣхи.

Наслажденія, радости и потѣхи... *Насыщеніе, сытость,* какъ нѣчто положительное, не являлось, по словамъ г. Розанова, послѣдствіемъ свободы, какъ отрицательнаго понятія, какъ простого отрѣшенія отъ путъ, какъ отсутствія всякихъ путъ, т. е. какъ отсутствія всякаго присутствія вообще, какъ пустоты, которую можно наполнить, но которая можетъ и оставаться не наполненною или затянуться внѣшними воздѣйствіями, упраздняющими значеніе свободы. Насыщеніе, ощущеніе сытости можетъ, конечно, доставлять *наслажденіе* (а не радованіе), но нельзя наслаждаться простымъ отсутствіемъ всего, ибо нѣтъ того, *что* могло бы доставлять наслажденіе, *чѣмъ* можно было бы наслаждаться. Отрицательныя послѣдствія свободы, перечисляемыя г. Розановымъ, какъ-то отсутствіе чувства *горечи* на ряду съ отсутствіемъ всякаго *особеннаго вкуса* и отсутствіемъ *всякой яркой ощутимости* объясняютъ также отсутствіе самовозникновенія *наслажденія*, а не радости. Описаніе благъ, производимыхъ свободою, какъ чисто отрицательнымъ моментомъ, въ извѣстной степени является у г. Розанова даже преувеличенымъ: онъ называетъ свободу *прѣсною*, забывая, что отсутствіе всякаго присутствія, даже и *прѣсностью* обладать не можетъ, ибо прѣсность есть уже *нѣчто*: онъ упрекаетъ свободу въ отсутствіи „яркой ощутимости“, позабывая, что простое отсутствіе всякихъ воздѣйствій, хотя бы даже и стѣсняющихъ, и вообще ощутимо быть не можетъ. Правда, ничто не *томитъ*, не *мучитъ*, ничто и никто не *давитъ*, ибо ничто и никто не воздѣйствуетъ вообще, а потому въ освобожденной душѣ образуется пустота, которая до восполненія необходимо можетъ порождать только ощущеніе пустоты, чувство отсутствія всякаго присутствія, т. е. тоску, скуку, taedium vitae—пред-

течу самоубійства. Но образующаяся пустота можетъ быть механически восполняемою извнѣ или свободно восполняемою изнутри.

Постигаемая и критикуемая г. Розановымъ свобода по существу своему стоитъ не только не выше, но даже гораздо ниже *звѣриной*. Что дѣлаетъ звѣрь, вырвавшійся или выпущенный на свободу? Онъ вытягиваетъ мускулы, какъ не могъ вытягивать ихъ въ клѣткѣ, производитъ движенія, которыя въ клѣткѣ производить не могъ, прыгаетъ и мечется, какъ не могъ прыгать и метаться, пока клѣтка стѣсняла его, являлась для него опредѣлительницею. Онъ не только наслаждается свободою, но, можно даже сказать, и радуется, пользуясь свободою, какъ возможностью опредѣлять себя, понаскольку, разумѣется, звѣрь можетъ опредѣлять себя. Въ сущности не онъ и опредѣляетъ себя, какъ не онъ былъ стѣсненъ и предѣлами клѣтки, а мускульная сила, ищущая простора и проявленія. Ея энергія задерживаема была предѣлами клѣтки, стѣсняющими условіями ея, накопляясь все болѣе и болѣе отъ механическаго воздѣйствія корма, какъ сдерживаемая механическими препятствіями пружина, не могущая проявить воздѣйствія механическихъ же законовъ, скрывающихся въ ней самой, въ самой природѣ ея. Препятствія устранились—пружина свободно совершила весь репертуаръ своего относительнаго самоопредѣленія и перестала быть свободною, сдѣлавшись частью механическаго міра необходимости, вполнѣ равночестною всѣмъ остальнымъ частямъ его. Если бы пружина обладала самочувствіемъ, то свобода, которою она пользовалась во весь періодъ расправленія, т. е. во весь періодъ, когда свобода собственно и существовала для нея, уже, конечно, не представлялась бы *прѣсною*, а во всякомъ случаѣ сопровождалась бы въ ней самымъ *яркимъ ощущеніемъ*,—*наслажденіемъ* или страданіемъ. Но вѣдь пружина не только *испытывала* свою свободность отъ стѣсненій, какъ отсутствіе *давленія*, какъ прекращеніе *томленія* и *скуки*, но, хотя, конечно, по своему только, и *пользовалася* своею свободой, осуществляла свою свободу. Прекратилася самодѣятельность или относительная самодѣятельность пружины,—прекратилась для нея и свобода; совокупность другихъ механическихъ воздѣйствій природы сдѣлала ее снова вполнѣ страдательною рабою, хотя и въ измѣненномъ уже, конечно, видѣ. То же совершается и со звѣремъ, вырвавшимся или выпущеннымъ на свободу. Мускульная сила, пользуясь отсутствіемъ сдерживающихъ препятствій, ищетъ проявить свою самодѣятельность, осуществить себя въ внѣшнемъ мірѣ, пока имѣется избытокъ ея въ экономіи животно-механическихъ силъ. Истощился этотъ избытокъ, возстановилось искомое равновѣсіе — прекратилася и свобода, и относительная самодѣятельность животнаго, и наслажденіе свободою. Вырвавшійся на свободу звѣрь или

скотъ осуществилъ немногосложный репертуаръ своей кажущейся свободы, а, осуществивъ его, едва успѣвъ насладиться, уже

Какъ работникъ подъяремный,
Безсловесный, глупый волъ,
Не смотря на міръ надземный,
Онъ обходитъ злачный долъ,

будучи вполнѣ рабомъ и этого злачнаго дола, и всей остальной матеріальной обстановки, его окружающей. Пустота, образовавшаяся въ немъ отрѣшеніемъ отъ путъ, отсутствіемъ прежнихъ стѣсненій, сразу же вполнѣ возмѣстилася въ немъ зависимостью отъ злачнаго дола и всего тому подобнаго. Звѣрь, по своему, благодушествуетъ, найдя себѣ новыхъ поработителей. Но если между отрѣшеніемъ и возмѣщеніемъ прошелъ бы нѣкоторый промежутокъ времени, звѣрь, по совершеніи своего обязательнаго репертуара, конечно, томился бы длящеюся своею свободностью, скучалъ бы и, если бы могъ разсуждать, то, конечно, разсуждалъ бы, согласно г. Розанову: каковъ смыслъ свободы и какова точная цѣна ея для меня — звѣря? И онъ по своему былъ бы совершенно правъ. Для скотины свобода, конечно, не имѣетъ ни цѣны, ни смысла. Но вѣдь и скотъ наслаждался свободою, только пока *пользовался* ею (а не *испытывалъ* ея только, пробуя ее на вкусъ), пока осуществлялъ относительную свою *самодѣятельность*.

„Никѣмъ не было замѣчено, что смыслъ свободы есть собственно субъективный и она не можетъ быть понимаема въ смыслѣ требованія универсальнаго". Такъ разсуждаетъ далѣе г. Розановъ, (Свобода и вѣра, стр. 218). Правда, ни одинъ разумный мыслитель не противопоставлялъ субъективнаго универсальному, ибо не только разумный мыслитель, но и сколько-нибудь не по наслышкѣ только знакомый съ философіей человѣкъ не отожествлялъ субъективнаго съ индивидуальнымъ. Универсальное же противоположно не субъективному, а только и исключительно индивидуальному, какъ общее противоположно частному. (Въ первой статьѣ мы доказали, что „г. Розановъ не понимаетъ простого различія между внутреннимъ и субъективнымъ" Р. Б. I, стр. 14). Слова г. Розанова, вѣроятно, должны обозначать, что для *нѣкоторыхъ*, а не для *всѣхъ* нужна свобода, что она нужна для однихъ и не нужна для другихъ. Этого разумные мыслители, конечно, не говорили. Но именно всѣ разумные мыслители, когда-либо разсуждавшіе о свободѣ, подразумѣвали, что „смыслъ ея есть собственно субъективный", хотя, конечно, не отожествляли субъективности ни съ индивидуальностью, ни съ внутренностью предмета, а развѣ только съ способностью предмета опредѣляться

изнутри, изъ самого себя и черезъ самого себя, т. е. съ способностью самодѣятельности и самоопредѣленія. Г. Розановъ смѣшиваетъ *свободность*, какъ отсутствіе опредѣляющихъ извнѣ воздѣйствій, съ *свободою*, какъ свойствомъ и назначеніемъ самодѣятельнаго и самоопредѣляющагося субъекта. Квартира свободна, пока ее не займутъ; домъ „свободенъ отъ постоя", пока не выйдетъ новаго распоряженія; человѣкъ свободенъ по самому назначенію своему быть самоопредѣляющимся и самодѣйствующимъ подобіемъ Божіемъ, хотя это назначеніе и не можетъ препятствовать ему злоупотреблять свободою, чтобы черезъ нее отдавать себя во власть грѣха. Квартира и домъ черезъ свою *свободность* не производятъ въ себѣ никакого измѣненія; человѣкъ черезъ свою *свободу* опредѣляетъ самого себя и притомъ опредѣляетъ добро или худо, къ добру или къ худу, т. е. осуществляетъ нравственное добро или нравственное зло.

Внутренней свободы человѣка одолѣть и побѣдить внѣшними мѣрами и внѣшними воздѣйствіями, конечно, нельзя, къ чему бы ни направляла она человѣка (ибо онъ можетъ и отдавать ее во власть грѣху, т. е. свободно же попирать свою свободу); но можно въ извѣстной степени ослаблять и изводить ее измором, обрекая ее на бездѣйствіе, дѣлая несвободнымъ внѣшнее ея проявленіе, осуществленіе ея въ внѣшнемъ мірѣ. Человѣческая свобода, т. е. та именно свобода, о которой не вѣдаетъ г. Розановъ, не можетъ, въ особенности же при *свободности* внѣшняго ея проявленія, оставаться „прѣсною" или—да простятъ намъ повтореніе такого слова—„лишенною особеннаго вкуса", но воистину можетъ являться источникомъ не только наслажденія, а и радованія, если только призванный къ ней человѣкъ дѣйствительно пользуется ею. „Свободность", о которой разсуждаетъ г. Розановъ, принимая ее за свободу, есть только абсолютная или относительная пустота, отсутствіе всякаго присутствія, нѣчто вполнѣ и безусловно безсодержательное. Это—своего рода нирвана, въ которой человѣкъ ничего ни найти, ни ощутить не можетъ, если ничего не привнесетъ въ нее. А что же можетъ и что же долженъ привнести онъ въ эту *свободность?* Да именно *свободу*, какъ самодѣятельность и самоопредѣленіе. Г. Розановъ, и не подозрѣваетъ, что на ряду съ отрицательною *свободностью* существуетъ, или скорѣе, требуется и положительная свобода, какъ самодѣятельность и самоопредѣленіе.

Если только vigilantibus jura sunt scripta, т. е. если только для бодрствующихъ пишутся права, а не пользующіеся никакихъ правъ своихъ не чувствуютъ и не ощущаютъ, то и *свободность* чувствуется только тѣми, которые нуждаются въ ней, бодрствуютъ для проявленія своей свободы, для

пользованія ею ради осуществленія преднамѣченныхъ цѣлей, а не для испытыванія и пробованія ея на вкусъ въ ожиданіи, что она дастъ что-нибудь сама собою. Но что же можетъ дать она, будучи сама по себѣ безсодержательною? Чѣмъ достигать ее, если почитать ее не средствомъ, а цѣлью? Устраненіемъ, отрѣшеніемъ, разрушеніемъ... Но все есть стѣсненіе для чего-либо, а потому для доставленія себѣ абсолютной свободности слѣдовало бы устраниться отъ всего, отрѣшиться отъ всего, разрушить все или другими словами уйти всецѣло отъ объекта внѣшняго проявленія свободы или разрушить, уничтожить всецѣло самый объектъ. Ни то, ни другое не представляется, однако, достижимымъ во всей полнотѣ. Освобождаясь отъ одного, мы остаемся въ подчиненности у другого или сами отдаемся въ такую подчиненность, если не опредѣляемъ самихъ себя, если не проявляемъ своей самодѣятельности. При отсутствіи *свободы* въ положительномъ значеніи этого слова, отрицательная свобода или *свободность* не имѣетъ рѣшительно никакого значенія, ибо составляетъ только небытіе или отсутствіе всякаго присутствія, пустую форму, какъ пространство или время безъ наполняющихъ ихъ бытія и движенія. Въ сущности же *свободность* сама по себѣ не имѣетъ и этого значенія формы, присущей пространству и времени, ибо она тожественна только съ отсутствіемъ чего бы то ни было, съ отрицаніемъ абсолютнымъ.

Нужна ли *свободность* для обладающаго *свободою*, т. е. для человѣка, какимъ онъ отчасти есть и какимъ прежде всего долженъ быть, осуществляя свое назначеніе? Какъ духъ, человѣкъ могъ бы вполнѣ обходиться и безъ нея, но призванный жить и дѣйствовать во плоти, онъ не можетъ проявлять своей свободы, осуществлять своей свободы, когда возникаютъ препятствія, могущія оказаться и неодолимыми, когда имѣются „путы“, могущія быть и нерасторжимыми. Правда, для атлетовъ внутренней свободы, вполнѣ вооруженныхъ и „бронею вѣры и любви и шлемомъ надежды спасенія“ (1 Ѳесс. V, 8), такія стѣсненія и путы являются только препятствіями для служенія ихъ другимъ, для осуществленія въ внѣшнемъ мірѣ излюбленнаго и предположеннаго добра; но для слабѣйшихъ они являются вдвойнѣ пагубными, такъ какъ и лишаютъ ихъ помощи со стороны сильнѣйшихъ, дѣлая помощь эту неосуществимой, и ихъ собственную внутреннюю свободу глушатъ невозможностью внѣшняго проявленія, обрекаютъ на внѣшнее бездѣйствіе, берутъ, какъ уже сказали мы выше, измором. *Свободность,* которую отожествляетъ г. Розановъ съ *свободою*, не вѣдая понятія о свободѣ, составляетъ такимъ образомъ необходимое habeas corpus для проявленія и осуществленія свободы. Безъ нея внутреннюю свободу можно въ нѣкото-

рыхъ случаяхъ проявлять и осуществлять только вынужденнымъ бездѣйствіемъ или смертью. Если я не могу исполнять моего долга, то я могу умереть за него, какъ могу не дѣлать противнаго, т. е. коснѣть въ бездѣйствіи. Но если страданія и смерть являются иногда добрыми и успѣшными проповѣдниками истины, то нельзя желать, чтобы они являлись единственными?

„Съ паденіемъ всякихъ путъ, что собственно значитъ свобода для человѣка?—восклицаетъ г. Розановъ (стр. 266).—Но что значитъ „паденіе всякихъ путъ"? Все внѣшнее можетъ быть или становиться „путами" для человѣка. Вчера освободившись отъ титана, мы можемъ отдаваться сегодня во власть любого пигмея, какъ вырвавшійся на (относительную) свободу волъ привлекается „злачнымъ доломъ" и, удерживая относительно свободный бѣгъ свой, вполнѣ порабощается сочною травою. Паденіе „всякихъ" путъ было бы тожественно съ уничтоженіемъ всего внѣшняго міра. Но такая *свободность* или такая безпрепятственность свободнаго самоопредѣленія ни для кого и не нужна, ни для кого и не желательна. Не объ абсолютной свободности и безпрепятственности идетъ и можетъ идти рѣчь, а только объ удаленіи такихъ препятствій, которыя не имѣютъ ни смысла къ существованію, ни права существовать, которыя противопоставляются тому, что, по существу своему, можетъ быть только свободнымъ, и составляютъ гарантію зла и тормазъ къ осуществленію добра. Свобода, къ которой призываетъ апостолъ, свобода, въ которой видитъ Церковь основу нравственности и о которой говоримъ мы, должна быть полною и совершенною; свободность (безпрепятственность) должна и можетъ быть только исключительно относительной. „Паденіе всякихъ путъ" не создаетъ свободы для человѣка, а только образуетъ въ немъ духовную пустоту и упраздняетъ самое его существованіе или жизнь, если образовавшаяся пустота не восполняется въ немъ свободою въ смыслѣ самоопредѣленія и самодѣятельности. При относительномъ разрушеніи, при паденіи не всѣхъ, а только нѣкоторыхъ путъ образующаяся пустота можетъ становиться и ареною для новыхъ воздѣйствій порабощающаго внѣшняго міра, затягиваться мусоромъ и тиною внѣшнихъ воздѣйствій безъ всякаго преуспѣянія человѣка къ свободѣ, если онъ не пользуется ею, т. е. свободою, не опредѣляетъ себя. Только г. Розановъ можетъ отожествлять безпрепятственность и независимость со свободою. Для него-то, въ виду его непониманія, мы и должны были придумать новый терминъ: свободность.

Г. Розановъ завѣряетъ, что свобода сопровождалась *радованіемъ* на первыхъ порахъ, т. е. тогда, когда она собственно достигалася, была

объектомъ стремленія, и что она же становилася *прѣсною и т. д.*, когда достигалася. Въ этомъ онъ видитъ своего рода историческую преемственность, доказывающую тщету и несостоятельность самой свободы. Но все это доказываетъ только непониманіе сущности свободы со стороны г. Розанова. „Чувство свободы, говоритъ онъ, было радостна, пока она была тожественна *съ высвобожденіемъ*“ (курсивъ подлинника). Спрашиваемъ и г. Розанова и всѣхъ знакомыхъ съ исторіей: свободнымъ ли или несвободнымъ актомъ было высвобожденіе, для тѣхъ по крайней мѣрѣ, кто принималъ сознательное участіе въ немъ? Разумѣется, да! Но если такъ, то свобода была сопровождаема радованіемъ, пока она свободно осуществлялась, пока она была самодѣятельностью, и она же, т. е. та же свобода, оказалася *прѣсною*, когда сдѣлалась готовымъ, даннымъ состояніемъ, т. е. безпрепятственностью, отсутствіемъ нѣкотораго присутствія или относительною пустотой, которою уже, конечно, наслаждаться нельзя и которой нечему радоваться, если она ни къ чему не служитъ, ни къ чему не ведетъ, не является условіемъ дальнѣйшей самодѣятельности и самоопредѣленія. Для нѣкоторыхъ добытое состояніе, какъ безпрепятственность, открыло возможность самодѣятельности и самоопредѣленія и сопровождалось радованіемъ за будущее, за то, что въ этой возможности заключалося, но стало *прѣснымъ и т. д.*, оставшись только состояніемъ, а не дѣятельностью, не сдѣлавшись условіемъ и предметомъ пользованія. Но въ томъ то и дѣло, что свобода есть дѣятельность, процессъ, а не состояніе, какъ независимость, безпрепятственность, пустота, отсутствіе стѣсняющаго присутствія и тому подобное. Свобода силою дается, силою поддерживается, силою существуетъ и только напряженіе этой силы сопровождается радованіемъ и наслажденіемъ. И тѣ, которые ошиблись въ своихъ расчетахъ, т. е. хотѣли воспользоваться открывшеюся безпрепятственностью для цѣлей свободы и не воспользовались ею, мысленно опредѣляли себя, мысленно являлися самодѣятельными, а потому радовались и этому мысленному пользованію свободой и надеждою на осуществленіе ея въ предвкушаемомъ будущемъ. Свободности, безпрепятственному состоянію радоваться нельзя, какъ нельзя радоваться голому, простому отсутствію и пустотѣ. Они и наслажденія доставлять не могутъ, какъ не могутъ имѣть ни вкуса, ни ощутимости, и только по излишней снисходительности могутъ именоваться *прѣсными*. Въ нихъ можно видѣть только основу предстоящихъ радостей, а не самую радость; они могутъ доставлять только отвлеченное, теоретическое наслажденіе.

Такова истинная разгадка смущающей г. Розанова дилеммы.

Можно ли вообще пріятностью или непріятностью, производимымъ наслажденіемъ, радованіемъ, удовольствіемъ измѣрять и опредѣлять внутреннее достоинство свободы, хотя бы и въ истинномъ значеніи этого слова, т. е. въ томъ его смыслѣ, который остается для г. Розанова непонятнымъ? Можетъ ли полагаться въ основу такого рода критики христіанскій эпикуреизмъ, гедонизмъ или вообще признаніе наслажденія и удовольствія мѣрою? Полезно было бы г. Розанову отрезвиться хотя бы чуднымъ „псалмомъ жизни“ поэта Лонгфелло, выясняющимъ, что цѣна жизни опредѣляется вовсе не пріятностью или непріятностью чувствъ, послѣдовательно ею производимыхъ, а чѣмъ-то другимъ высшимъ, хотя и болѣе отдаленнымъ. „Не наслажденіе и не печаль, говорится между прочимъ въ этомъ псалмѣ, — составляютъ намѣченную намъ цѣль и путь, но дѣйствовать должны мы, чтобы каждое завтра находило насъ далѣе, чѣмъ сегодня“, — а „далѣе“ именно въ смыслѣ свободнаго самоусовершенствованія. Не испытываніе тѣхъ или иныхъ внутреннихъ ощущеній, не отвѣдываніе тѣхъ или иныхъ вкусовъ составляетъ цѣль нашего существованія на землѣ, но только и исключительно дѣятельность, какъ свободное, нравственное самоопредѣленіе и притомъ религіозное самоопредѣленіе подъ руководствомъ голоса, призывающаго насъ къ свободѣ. „Не простое знаніе, но дѣятельность по мѣрѣ твоего знанія, говоритъ, напримѣръ, Фихте, составляетъ твое назначеніе; такъ громко звучитъ изъ внутренняго міра души моей, если я хотя на мигъ углублюсь въ себя и сосредоточу на себѣ свое вниманіе. Не для празднаго созерцанія и разсматриванія самого себя, не для лелѣянія наилучшихъ ощущеній; нѣтъ, для дѣятельности ты здѣсь существуешь. Дѣятельность и одна только дѣятельность опредѣляетъ цѣну твою“. Такъ разсуждаетъ и философъ идеалистъ, котораго никоимъ уже образомъ нельзя заподозрить въ увлеченіи утилитарною практичностью вѣка.

Не иначе, по существу, училъ и Божественный Основоположникъ христіанства. „По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Не всякій, говорящій Мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царствіе небесное, но исполняющій волю Отца Моего небеснаго“ (Матѳ. VII, 20, 21), т. е. осуществляющій ее свободнымъ своимъ самоопредѣленіемъ. „Многіе скажутъ мнѣ въ тотъ день: Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали и не Твоимъ ли именемъ бѣсовъ изгоняли? и не Твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? (22, 23)“. Такимъ образомъ ни изгнаніе бѣсовъ, ни пророчество, ни совершеніе чудесъ, ни всѣ вообще психическіе процессы, которые въ человѣкѣ происходятъ, не имѣютъ, сами по себѣ, положительнаго значенія и не составляютъ цѣны человѣка. Только нравственный процессъ свободнаго самоопредѣленія имѣетъ такое положительное значеніе и опре-

дѣляетъ цѣну человѣка. „Итакъ, всякого, кто слушаетъ слова Мои сіи и *исполняетъ* ихъ уподоблю мужу благоразумному, который построилъ домъ свой на камнѣ... А всякій, кто слушаетъ слова Мои сіи, и не *исполняетъ* ихъ, уподобится человѣку безразсудному, который построилъ домъ свой на пескѣ. (Матѳ. VII, 24—25).

Что же уподобляется въ данномъ случаѣ песку и камню? Подъ пескомъ подразумѣвается просто отсутствіе всякого основанія. Это ясно изъ передачи тѣхъ же словъ у Луки, говорящаго о человѣкѣ, „построившемъ домъ на землѣ безъ всякого основанія“. Камень—не слушаемое слово Божіе, а исполняемое, черезъ исполненіе, а не черезъ воспріятіе становящееся для человѣка жизненной твердыней. Слушающій и исполняющій подобенъ человѣку, строющему домъ, который *копалъ, углубился* и положилъ основаніе на камнѣ (Лук. VI, 47, 48). Но онъ копалъ и углублялся не для того, чтобы обрѣсть слушаемое слово; оно уже само собою черезъ слушаніе давалось ему, — для того, чтобы черезъ исполненіе придать ему значеніе основоположнаго камня. Подъ копаніемъ и углубленіемъ подразумѣвается именно осуществленіе слова въ самомъ себѣ путемъ самоопредѣленія на его основаніи черезъ положеніе его въ основу своего самоопредѣленія. Уже для положенія его въ основу себя надо углубиться въ себя, опредѣлить себя согласно полагаемой основѣ для дальнѣйшаго самоопредѣленія. За Христомъ слѣдовали толпы, упивавшіеся Его словами, находившіе удовольствіе въ слушаніи Его словъ,—и не задававшіеся даже мыслью являться исполнителями словъ, опредѣлять на основаніи ихъ всю свою жизнь, осуществлять ихъ въ жизни. И фарисеи жадно прислушивались къ словамъ Его и, какъ видно изъ многихъ мѣстъ Писанія, не всегда только съ злорадною цѣлью. И Иродъ съ удовольствіемъ встрѣтилъ присланнаго къ нему Пилатомъ Іисуса, потому что давно уже слышалъ о Немъ. Сосредоточенность на теоріи, способность удовлетворяться однимъ только слушаніемъ и изученіемъ словъ была больнымъ мѣстомъ Израеля во дни появленія христіанства и оставалось таковымъ же и во всѣ позднѣйшія времена. Важно уже то, что могъ на почвѣ іудейства возникнуть и обсуждаться вопросъ о томъ, что болѣе необходимо: изученіе закона или его исполненіе? Самая подчиненность нравственности ряду отдѣльныхъ, многочисленныхъ законовъ, самая закономѣрность нравственности вынуждала и оправдывала постановку этого вопроса, а существованіе вопроса уже придавало теоретическій характеръ всему религіозно-нравственному строю, хотя бы и раздавались голоса, отдающіе практикѣ предпочтеніе. Что предпочтительнѣе — изученіе или дѣло? Такой вопросъ обсуждался уже въ древніе времена. Раби Акиба отдавалъ предпочтеніе изученію; раби Тархонъ — исполненію и наконецъ оба пришли къ соглашенію,

что изученіе важнѣе, ибо оно предшествуетъ дѣлу. (Midrasch Schir-ha Schirim uebers v. Wünsche II, 14) Р. Гамнуна говоритъ: Судъ надъ человѣкомъ на томъ свѣтѣ вчинается только за пренебреженіе ученіемъ... И какъ судъ за неизученіе закона предшествуетъ суду за неисполненіе его, такъ точно и возмездіе за изученіе закона предшествуетъ возмездію за его исполненіе (Кидушинъ 40 б). „Израиль говоритъ Пресвятому: Владыка міра! Не суди, насъ какъ горожанъ, которые не всегда чисты отъ грабежа, разврата и ложной присяги, а выйдемъ въ поле и я покажу тебѣ ученыхъ, занимающихся ученіемъ въ уединеніи и въ нуждѣ. (Эрубинъ 21 б). Да будетъ домъ твой мѣстомъ сходки мудрецовъ; лежи въ прахѣ у ногъ ихъ и пей съ жадностью слова ихъ (Пирке Аботъ I, 4). Когда въ городъ твой приходитъ ученый, не думай, что ты не нуждаешься въ немъ, но садись передъ нимъ на землю и принимай со страхомъ и уваженіемъ всякое его слово, (Аботъ раби Натанъ 6). Три есть степени посѣщающихъ молитвенный домъ (бетъ га мидрашъ—домъ ученія): ходящіе и не дѣлающіе имѣютъ заслугу хожденія; исполняющіе и не ходящіе имѣютъ заслугу исполненія; ходящій и исполняющій—праведникъ; не ходящій и не исполняющій—нечестивецъ (Пирке-Аботъ V, 14) Іошуа, сынъ Перахіевъ, говоритъ: выбери себѣ учителя и пріобрѣти себѣ товарища по ученію и суди всегда о человѣкѣ съ хорошей стороны (Пирке-Аботъ I, 6). Раби Гилель говаривалъ: Тщеславіе губитъ славу: кто не увеличиваетъ выученнаго, утрачиваетъ и то, что имѣетъ. Кто не хочетъ учиться, не достоинъ жить, а кто дѣлаетъ для себя изъ ученія вѣнецъ, заслуживаетъ погибели (Пирке-Аботъ I, 13) Р. Елеазаръ говаривалъ: Старательно изучай науку и знай, что возражать невѣрующему. Знай также, предъ кѣмъ работаешь и кто цѣнитель работы твоей, имѣющій дать тебѣ заработную плату. (Пирке-Аботъ II, 19).

Такимъ образомъ ученіе, слышаніе, и независимо уже отъ исполненія, представляетъ для іудейства самостоятельную стоимость, значеніе и заслугу, какъ совершаемое для Бога, какъ усердіе къ Богу, и только уступаетъ совокупности слушанія и исполненія въ качествѣ праведности и совершенства. „Если два соученика, занимаясь какимъ-либо вопросомъ изъ закона, держатся различнаго мнѣнія, и каждый подкрѣпляетъ его различными основаніями, Богъ ставитъ то въ заслугу и тому и другому, ибо и каждое дыханіе пріятно Богу. (Midrasch Schir ha Schirim I, 2, p. 16). Раби Іона говорилъ: если два члена ученой школы, занимаясь изслѣдованіемъ закона, не соглашаются въ приводимыхъ толкованіяхъ, Богъ говоритъ по отношенію къ каждому: любовь ко мнѣ его знамя! Раби Ако говорилъ: не вѣдающій (амъ га эрецъ—народъ земли), читающій, вашбатъ—ты долженъ ненавидѣть

вмѣсто: вахабатъ — ты долженъ любить (хотя черезъ то и получается противоположный смыслъ, творится богохульство) вызываетъ у Бога слова: и его неразличеніе буквъ дорого мнѣ (Midrasch Schir ha Schirim II, 4 p. 59). Теоретичность іудейства выражается между прочимъ въ толкованіяхъ на слова Пѣсни пѣсней: есть шестьдесятъ царицъ и восемьдесятъ наложницъ и дѣвицъ безъ числа (VI, 8) „Р. Іишакъ примѣнялъ стихъ къ числу отдѣловъ закона. Шестьдесятъ царицъ—шестьдесятъ трактатовъ закона (галахотъ); восемьдесятъ наложницъ изображаютъ восемьдесятъ отдѣленій торы священниковъ (Левитъ), безчисленныя дѣвы—безчисленныя тосафотъ, согласующіяся между собою... Р. Іуда баръ Илаи примѣняетъ стихъ къ древу жизни въ саду Эдемскомъ. Шестьдесятъ царицъ—союзы ученыхъ, занимающіеся закономъ подъ сѣнью древа жизни въ саду Эдемскомъ... Дывъ безъ числа—безчисленные ученики, различествующіе въ мнѣніяхъ". (Midrasch Schis ha Schirim VI, 9 p. 156).

И въ противовѣсъ всему этому культу религіознаго знанія, ученія, теоріи, какъ имѣющихъ самостоятельную цѣнность для Бога и представляющихъ самостоятельную заслугу со стороны человѣка, звучатъ слова бывшаго фарисея и ученика фарисеевъ, ставшаго апостоломъ христіанства. „Если имѣю пророчество и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе, такъ что и горы переставлять, а не имѣю любви—то я *ничто*". (1 Кор. XIII, 2). Любовь же и есть исходъ внутренняго міра изъ самого себя для внѣшняго выраженія для осуществленія въ внѣшнемъ, ибо истинная вѣра для апостола есть „вѣра дѣйствующая *любовью*. (Галат. V, 6). Если—не Павлу, конечно, а одностороннимъ, близорукимъ послѣдователямъ Павла,—возражаетъ апостолъ Іаковъ: но хочешь ли знать, неосновательный человѣкъ, что вѣра безъ дѣлъ мертва, ибо, какъ тѣло безъ духа мертво, такъ и вѣра безъ дѣлъ мертва (Іак. II, 20, 26),—то самъ Павелъ не менѣе сильно опровергъ уже узкость и односторонность тобою пониманія его словъ, указаніемъ на то, что только *дѣйствующая* любовью вѣра, есть вѣра живая, а не мертвая. Дѣйствующая—стало быть и не остающаяся достояніемъ одного только внутренняго міра, не пребывающая чувствомъ только и настроеніемъ, но исходящая, осуществляющаяся дѣйствіемъ во внѣ. „Кто говоритъ: я люблю Бога, а брата своего ненавидитъ, тотъ лжетъ, ибо не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ? (1 Іоан. IV, 20). Подобно тому и Іаковъ, говоря о мертвенности вѣры безъ дѣлъ подразумѣвалъ подъ дѣлами исполненіе заповѣди любви,—„исполненіе закона царскаго по Писанію: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя (Іак. II, 8).

Если теорія сама по себѣ представляла для іудейства уже нѣкоторое значеніе, а сосредоточенность на теоріи, занятіе теоріею, ради Бога,

какъ предмета ея, составляла уже нѣкоторую передъ Богомъ заслугу, то для апостола отрѣшенная отъ практики, какъ жизнедѣятельности, сосредоточенность на теоріи олицетворяетъ собою только нравственную ложь. „Кто говоритъ: я позналъ Его, но заповѣдей его не соблюдаетъ, тотъ лжетъ и нѣтъ въ немъ истины“ (1 Іоан. II, 3 — 5), т.-е. и самое познаніе его есть ложное или по крайней мѣрѣ мнимое для него, имъ самимъ не понимаемое познаніе. „Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего тотъ пребываетъ во свѣтѣ и нѣтъ въ немъ соблазна. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ, и не знаетъ куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза“. (1 Іоан. II, 9—11). Подъ ненавистью подразумѣваетъ апостолъ не злобное чувство, не враждованіе, не осужденіе, а только отсутствіе любви, пренебреженіе братомъ, равнодушіе къ нему, почитаніе его не заслуживающимъ любви, посвящаемой Богу и приберегаемой для Бога. Μισεω значитъ ненавижу, но въ то же время презираю, гнушаюсь. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ Н. З. оно прямо обозначаетъ „презрѣть, пренебречь“ и переводъ черезъ „ненавидѣть“ затемняетъ истинный смыслъ. (Матѳ. VI, 24. Лук. XIV, 26, XVI, 13. Іоан. XII, 25. Римл. IX, 13).

Итакъ, по апостолу, религіозное познаніе, какъ бы ни возникало оно (вѣрою, прозрѣніемъ, пророчествомъ, изученіемъ и т. п.) не само для себя является цѣлью и не можетъ быть истиннымъ для человѣка иначе, какъ становясь предметомъ дѣятельности, исполненія. Ограничивающій себя Богопознаніемъ уже предъявляетъ нѣкоторую заслугу по ученію іудаизма; но онъ—„ничто“ для апостола Павла и „лжецъ“ для апостола Іоанна. (Въ этомъ никакого противорѣчія не заключается: онъ—ничто самъ по себѣ, и—лжецъ, если себя чѣмъ либо почитаетъ). Не можемъ по сему случаю не сдѣлать поправки къ знаменитымъ и относительно глубокимъ по значенію словамъ Паскаля: „если необходимо познавать предметы міра сего, чтобы любить ихъ, необходимо любить божественные предметы (les choses divines), чтобы знать ихъ“. Неопредѣленность выраженія „божественные предметы“ (les choses divines) побудила Паскаля остановиться на половинѣ пути, а потому и высказать только половину истины, дающую поводъ къ заблужденію. Богопознаніе невозможно, по апостолу, безъ любви къ ближнимъ, безъ человѣколюбія, ибо безъ этой любви невозможна и любовь къ Богу. Познаніе истины невозможно безъ свободнаго осуществленія познаваемаго дѣломъ, безъ свободнаго самоопредѣленія человѣческаго. Процессъ христіанскаго познаванія, если не тождественъ, то по крайней мѣрѣ идетъ рука объ руку съ процессомъ нравственнаго совершенствованія, нравственнаго самоопредѣленія. Впрочемъ

и не тождественен ли? Только философское наше несовершенство препятствуетъ намъ до сего времени постигать, что любовь есть именно познающій, всепроникающій опытъ и что нужно именно любить, чтобы познавать. „Любовь, разсуждалъ еще Фихте старшій, есть источникъ всякой увѣренности, всякой истины, и всякой дѣйствительности". Впрочемъ къ понятію о любви намъ придется еще вернуться въ концѣ нашего труда:

Справедливость побуждаетъ насъ сказать, что теоретическое направленіе, будучи господствующимъ въ средѣ іудейства, не было, однако, исключительнымъ и нарушалось протестами въ сторону практики, въ сторону *исполненія*. Эти протесты заключаютъ въ себѣ даже нѣкоторую долю сходства съ ученіемъ христіанства. Или Сынъ Человѣческій, имѣя дѣло съ духомъ своего времени, пользовался уже готовыми формами накопившагося протеста, т.-е. такъ сказать, самоотрицанія фарисейской законности, влагая только въ эти формы вящую жизнь и усиливая самое содержаніе протеста, или преданіе іудейское не осталось вполнѣ чуждымъ проповѣди Божественнаго Учителя и занесло на скрижали свои отдѣльные отголоски Его, когда-то оглашавшей всю Палестину проповѣди. Да и странно было бы, если бы оно не заимствовало уже рѣшительно ничего изъ огласительныхъ словъ Того, кто исходилъ Палестину изъ края въ край и по вся дни учительствовалъ во храмѣ. „Раби Елеазаръ, сынъ Азаріи, говорилъ: „Кто учитъ добру, но отстаетъ въ его исполненіи, подобится дереву со многими вѣтвями, но слабыми корнями; первый бурный вѣтеръ вырветъ его изъ почвы... Напротивъ, тотъ, у кого дѣла превосходятъ мудрость, подобится дереву, хотя и менѣе вѣтвистому, но крѣпкому корнями; никакая буря не сдвинетъ его съ мѣста, (Пирке-Абетъ III, 17). Елиза бенъ Абуя говорилъ: „Кто творитъ много благочестивыхъ дѣлъ и тщательно читаетъ въ законѣ, подобится человѣку построившему домъ такимъ образомъ, что въ основаніи положены камни, на которыхъ уже покоятся кирпичи. Если придутъ потоки и ударятся о стѣны, опасности уже не предстоитъ никакой. Напротивъ, не совершающій добрыхъ дѣлъ, но свѣдущій въ законѣ, подобенъ человѣку, полагающему въ основаніе своего дома кирпичъ, а на немъ уже строющій изъ камня. Когда потокъ напираетъ на стѣны зданія, онъ подмываетъ основы и рушитъ зданіе". (Аботъ раби Натанъ 23).

Внѣшнее сходство уподобленія явно и не подлежитъ никакому сомнѣнію; но изъ за этого внѣшняго сходства формъ не слѣдуетъ упускать изъ виду и кореннаго различія самихъ ученій. Познаніе, не скрѣпляемое исполненіемъ, цѣнится низко, но во всякомъ случаѣ является уже основаніемъ, уподобляется кирпичу. Христіанская притча гласитъ (у Луки), что не исполняющій

строитъ зданіе безъ всякаго основанія, на самой землѣ, ничего не кладетъ въ основаніе, а если упоминается о пескѣ (у Матѳея), то для того только, чтобы указать на еще болѣе нетвердую почву, внѣ всякаго указанія на полагаемое основаніе. Слушаніе въ притчѣ Христа является не положеніемъ основъ, не дѣятельностью, а совершенно ничѣмъ, отсутствіемъ обоснованія зданія, отсутствіемъ всякой дѣятельности, хотя, разумѣется, только тогда, когда оно не сопровождается исполненіемъ или не служитъ ему залогомъ. Въ притчахъ іудейскихъ учителей нѣтъ еще увѣренности въ томъ, что и познаваніе само по себѣ не представитъ рѣшательно никакой уже заслуги,—допускается, можетъ быть, нѣкоторая надежда, на то, что и при оказавшейся ошибкѣ, при крушеніи жизненнаго труда, положеніе познавательныхъ основъ такъ или иначе зачтется, какъ усердіе къ Богу, какъ для Него предпринятая работа. Ничто не исключаетъ такой надежды на пріятность Богу даже и ошибочныхъ трудовъ, ради Него предпринятыхъ, а вся ранѣе изложенная нами теорія іудейства служитъ и оправданіемъ и подкрѣпленіемъ такой надежды. Христосъ всякое, не переходящее въ дѣло пріобрѣтеніе познанія не называетъ даже трудомъ; Павелъ говоритъ, что такое познаніе есть *ничто*; Іоаннъ и отрѣшенныя отъ исполненія, какъ дѣла, познаніе и любовь къ Богу безъ любви къ ближнимъ называетъ торжественно *ложью*. Все это громовые удары, хотя бы и очистительные, для іудейской теоріи, выраженной даже и въ наиболѣе близкихъ къ христіанству формахъ. Все это составляетъ новую, существенно принадлежащую христіанству силу.

Каково же сущность того познанія, той теоріи, тожественность свою съ которыми на первыхъ же порахъ такъ упорно отрицаетъ христіанство—и отрицаетъ, конечно, уже на всѣ времена, разъ навсегда, на всѣ вѣки? Да не подумаютъ читатели, что рѣчь идетъ только о какомъ-либо софистическомъ знаніи, о какомъ-либо раціонализмѣ (хотя такое познаніе и можетъ въ концѣ концовъ становиться раціональнымъ), о какомъ-либо самочинно-пытливомъ буквоѣдствѣ. Вернемся для разсмотрѣнія вопроса къ преддверію той самой притчи Христовой, которая послужила основой всего настоящаго нашего разсужденія. „Берегитесь лжепророковъ, которые приходятъ къ вамъ въ овечьей шкурѣ, а внутри суть волки хищные... По плодамъ ихъ узнаете ихъ. Не всякій говорящій мнѣ: Господи! Господи! войдетъ въ царствіе небесное, но творящій волю Отца Моего Небеснаго. Многіе скажутъ Мнѣ въ тотъ день: Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали и не Твоимъ лиименемъ мы бѣсовъ изгоняли? и не твоимъ ли именемъ многія чудеса творили? И тогда объявлю имъ: Я никогда не зналъ васъ; отойдите отъ меня дѣлающіе беззаконіе. Итакъ всякаго, кто слушаетъ слова Мои сіи и исполняетъ ихъ

уподоблю и т. д... а всякаго, кто слушаетъ слова Мои сіи и не исполняетъ ихъ, уподоблю и т. д. (Матѳ: VII. 15. 20—26). Замѣтьте, что Христосъ не оспариваетъ ни дѣйствительности пророчества отъ Его имени, ни изгнанія бѣсовъ и совершенія чудесъ Его же именемъ. Пророчества очевидно происходили, бѣсы—дѣйствительно изгонялись, чудеса—во истину совершались и все это отъ имени Христова, по убѣжденію тѣхъ, которыми все сіе производилось. И эти творящіе беззаконіе, жизненно-отрѣшенные отъ Христа люди, очевидно, по своему вѣровали въ Него, призывая имя Его, и вѣровали сильно, такъ что этою вѣрою, благодаря ей, могли и пророчествовать, и бѣсовъ изгонять и творить чудеса, знаменія и проявленія силы (здѣсь употреблено именно выраженіе δυνάμεις πολλὰς ἐποιήσομεν—сотворили многія силы). Стало быть, и увѣчная дѣлами, мертвая дѣлами вѣра, какъ психическая сила, притомъ же воздѣйствующая на внѣшній міръ, можетъ совершать проявленія силы при убѣжденіи дѣйствующихъ, что они дѣйствуютъ во имя Господне, хотя Господь и не вѣдаетъ ихъ, понаскольку, конечно, Онъ можетъ не вѣдать что-либо и кого-либо. Возможность такой чудодѣйственной вѣры, не заключающей въ себѣ ни святости, ни оправданія, вполнѣ удостовѣряетъ намъ Павелъ словами: если я имѣю даръ пророчества, и знаю всѣ тайны, и имѣю всякое познаніе и *всю вѣру — такъ что и горы переставлять*, а не имѣю любви, — то я ничто. (1 Кор. XIII. 2). Такъ же и Іаковъ почитаетъ отрѣшенную отъ дѣлъ, отъ практическаго осуществленія вѣру вполнѣ возможною, въ качествѣ психической силы и, хотя мертвенною для спасенія и оправданія, но живою, можетъ быть, для чудесъ, „Покажи мнѣ вѣру безъ дѣлъ твоихъ... Ты вѣруешь, что Богъ единъ: хорошо дѣлаешь; и бѣсы вѣруютъ и трепещутъ". Возможность и существованіе такой вѣры вполнѣ подтверждается и самою исторіею новозавѣтной. Ученики говорили Іисусу о человѣкѣ, который именемъ Его изгоняетъ бѣсовъ, не ходя съ ними, и просили запретить ему. „Не запрещайте, сказалъ Іисусъ, ибо никто сотворившій чудо именемъ Моимъ, не можетъ скоро злословить Меня (Марк. IX 38. 39. Лук. IX. 48). Имя Іисуса очевидно для бѣсовъ имѣло силу и въ устахъ вѣрующаго, хотя и не ходящаго за Нимъ, ибо они, т.-е. бѣсы также вѣровали и трепетали, а изгоняющій очевидно вѣровалъ въ Того, Кому и бѣсы повинуются, хотя можетъ быть тѣмъ и исчерпывалась вся его вѣра. Но въ Христа, страшнаго для бѣсовъ, очевидно твердо онъ вѣрилъ. Такимъ же образомъ и вѣра, творящая чудеса, равносильна для меня вѣрѣ въ существованіе чудодѣйственной силы, являющейся мнѣ на потребу, въ мое распоряженіе при пламенномъ зовѣ моемъ къ ея источнику, при твердой моей увѣренности, что просящему

дается и стучащему отворяется. Но Христосъ не есть только расточитель чудодѣйственной силы, и вѣра въ молитвенную доступность мнѣ этой силы отнюдь не есть вѣра во Христа. отнюдь не имѣетъ спасающаго значенія. Однако, она все же есть вѣра и чудо можетъ являться ея послѣдствіемъ.

Кто податель чудодѣйственной силы пламенно, но недостойно просящему? Господь. Кто творящій беззаконіе, хотя и съ пламенною вѣрою просящій? Ничто,—отвѣчаетъ за насъ апостолъ. Но почему же Богъ исполняетъ его, зиждущуюся на мертвой, не оправдывающей вѣрѣ молитву? Да, можетъ быть, именно для того, чтобы расширить въ немъ вѣру, умножить ее и придать ей оправдывающее значеніе, направить ее на жизнь и дѣятельность, обратить ее въ дѣйствующую любовью. Къ тому же развѣ, совершая чудо по молитвѣ просящаго, Богъ непремѣнно только самаго недостойно просящаго имѣетъ въ виду, а не иныхъ еще многихъ, въ которыхъ знаменіемъ должна быть пробуждена и укрѣплена дремлющая или слабѣющая вѣра? На это послѣднее обстоятельство особенно указываетъ Златоустъ, которому мы и предоставимъ теперь рѣчь для удостовѣренія главной занимающей насъ мысли. „Нѣкоторые говорятъ, что представляемые Спасителемъ люди потому не получать спасенія, что они притворно исповѣдуютъ Господа. Если такъ, то Спаситель говоритъ противъ своего намѣренія. Такъ какъ Онъ въ семъ мѣстѣ хочетъ показать, что вѣра безъ дѣлъ ничего не значитъ, а потому, распространяя сію мысль, присовокупляетъ и чудеса, показывая тѣмъ, что не только вѣра, но и чудеса не приносятъ никакой пользы тому, кто производитъ ихъ безъ добродѣтели. А если бы они (осуждаемые Господомъ) не творили чудесъ, то Онъ никакъ бы здѣсь не упомянулъ о чудесахъ, да и они не дерзнули бы во время суда сказать Ему о чудесахъ. Къ тому же и самый отвѣтъ ихъ и вопросная форма этого отвѣта показываютъ, что они творили чудеса. Именно потому, что они увидятъ конецъ, совершенно противный ихъ ожиданію, такъ какъ здѣсь они по своимъ чудесамъ были для всѣхъ предметомъ почитанія, а тамъ увидятъ себя опредѣленными къ наказанію, и говорятъ они въ изумленіи и удивленіи: „Господи! Господи! не отъ Твоего ли имени мы пророчествовали? Какъ же теперь ты отвращаешься отъ насъ? Что значитъ страшный и неожиданный этотъ исходъ?“ Но пусть они удивляются тому, что, сотворивши столько чудесъ, подверглись наказанію: ты не удивляйся, ибо вся сія благодать была ничто иное какъ даръ подавшаго оную, а тѣ ничего отъ себя не прибавили, почему справедливо и наказываются, будучи неблагодарными и нечувствительными передъ Тѣмъ, Кто далъ имъ, хотя и недостойнымъ, благодать чудотворенія. Такъ, неужели скажешь, со-

вершая дѣла нечестія, они вмѣстѣ производили чудеса? На сіе нѣкоторые говорятъ, что они не въ то время, когда чудодѣйствовали, вели себя нечестиво, а уже послѣ развратились и совершали дѣла преступныя. Но это также совершенно противно намѣренію Спасителя, ибо Онъ хочетъ доказать, что ни вѣра, ни чудеса ничего не значатъ безъ добродѣтельной жизни". (Бесѣда на Матѳея I. 488).

Утвердившись и ободрившись согласностью съ Златоустомъ, станемъ, продолжать ходъ нашего изложенія. Отвергаемые Христомъ очевидно дѣйствительно совершали чудеса и дѣйствительно его именемъ, а стало быть дѣйствительно вѣровали въ Него и полагали себя стоящими въ общеніи съ Нимъ, взывая къ нему: Господи! Господи! въ теченіе всей своей земной жизни, хотя и не исполняя воли Отца Его Небеснаго (Матѳ. VII 22. 31). Какъ же Онъ объявляетъ имъ: Я никогда не зналъ васъ (23), если Онъ слышалъ взыванія ихъ, исполнялъ ихъ прошенія и черезъ то творилъ чудеса по ихъ просьбѣ? Слова Всевѣдущаго, что Онъ „не зналъ" нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ „незнанія" и притомъ полнаго и безусловнаго. Онъ зналъ о ихъ существованіи, зналъ и ихъ молитвы, и ихъ чудеса и всѣ ихъ свойства, зналъ, что они и что въ нихъ, но не зналъ ихъ въ качествѣ своихъ Ему, не входилъ въ общеніе съ ними, хотя и творилъ чудеса черезъ нихъ, короче сказать, не пребывалъ въ нихъ, вопреки всѣмъ ихъ самообольщеніямъ. Онъ не могъ имѣть общенія съ ними, какъ и они не стояли въ дѣйствительномъ общеніи съ Нимъ, а только обманывали самихъ себя, можетъ быть, и наслаждаясь этимъ мнимымъ общеніемъ, какъ всякимъ услаждающимъ обманомъ. „Если мы говоримъ, что имѣемъ общеніе съ Нимъ, а ходимъ во тьмѣ, то мы лжемъ и не поступаемъ по истинѣ; если же ходимъ во свѣтѣ, подобно, какъ онъ во свѣтѣ, то имѣемъ общеніе другъ съ другомъ, и Кровь Іисуса Христа, Сына Его, очищаетъ насъ отъ всякаго грѣха (I Іоанн. I 6. 7). Кто говоритъ, что онъ во свѣтѣ, а ненавидитъ брата своего, тотъ еще во тьмѣ. Кто любитъ брата своего, тотъ пребываетъ во свѣтѣ и нѣтъ въ немъ соблазна. А кто ненавидитъ брата своего, тотъ находится во тьмѣ и во тьмѣ ходитъ и не знаетъ куда идетъ, потому что тьма ослѣпила ему глаза" (I Іоанн. II 9—11). Ясно, что отвергаемые Христомъ призыватели Его и чудотворцы, хотя и имѣли вѣру въ Него какъ силу,—вѣру, какъ ощущеніе зависимости, и при этомъ вѣру по напряженности способную творить чудеса, такъ что и горы передвигать, не имѣли вѣры производящей любовь, дѣйствующей любовью, а потому не стояли въ общеніи съ ближними, не стояли въ общеніи съ Нимъ и пребывали для Него безусловно чужими, а не своими, вынуж-

дающими Его своимъ призывомъ на послѣднемъ судѣ къ грозному отвѣту: я никогда не зналъ васъ.

Вѣра, напряженная даже до способности совершать чудеса, наряду съ непрестаннымъ взываніемъ къ предмету вѣры, не исключаетъ такимъ образомъ возможности жизненнаго обихода въ отрѣшенности отъ Христа, имѣющей скорбно узнаться только въ послѣдній день, да и то только изъ устъ самаго Судіи. Вѣра, наряду со всякимъ познаніемъ, пророчествомъ и знаніемъ всѣхъ тайнъ, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ, наряду съ наслажденіемъ этимъ познаніемъ и радованіемъ ему не исключаетъ возможности пребывать внѣ общенія со Христомъ, „затворится внѣ царствія", по чудному выраженію церковной пѣсни. Вѣра же безъ осуществленія ея во внѣшнемъ мірѣ, безъ выраженія ея творческимъ дѣломъ и ведетъ именно къ такому „затворничеству" одиночествующаго духа въ самомъ себѣ, къ замкнутости его въ самомъ себѣ. Для себя вѣруетъ онъ, если даже и обольщаетъ себя мыслью, что вѣра его пріятна Богу; для себя и себя ради взываетъ онъ, себѣ призывая на помощь и въ себѣ чувствуя необходимость пособія,—и какъ черезъ вѣру, такъ и черезъ призываніе ни съ людьми, ни съ Богомъ не входя въ общеніе. Чисто психическими послѣдствіями призываній и суетной вѣры, съ которой они совершаются, могутъ являться въ немъ, по соотношенію психическихъ состояній, и умиленія, и наслажденія, и восторгъ; они ничуть не выводятъ его изъ состоянія замкнутости, ни съ кѣмъ и ни съ чѣмъ не вводятъ его въ общеніе. Онъ умиляется, восторгается, наслаждается для себя и вообще живетъ только собою.

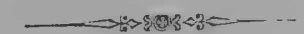
Не мы произносимъ это страшное осужденіе; оно прямо и непосредственно явствуетъ изъ словъ Христа, изъ согласнаго хора апостольскихъ изреченій. Но, скажутъ намъ, Христосъ говоритъ: отойдите отъ Меня дѣлающіе беззаконія!—сперва объявивъ, что эти творящіе беззаконія и пророчествуютъ Его именемъ, и призываютъ Его, и совершаютъ отъ имени Его чудеса, а не говоритъ: отойдите отъ Меня вѣрующіе и ничего не творящіе, т.-е. полнотою бездѣйствія сохраняющіе свою невинность. Жалкое и губительное лукавство совѣсти! Развѣ не говоритъ передъ этими словами Христосъ, что только по плодамъ узнается дерево? Развѣ не говоритъ онъ тотчасъ послѣ этихъ словъ, о слушающемъ и *исполняющемъ* слова Его и о слушающемъ и *неисполняющемъ*, подразумѣвая подъ послѣднимъ именно представителя тѣхъ, которымъ говорится: Я никогда не зналъ васъ! Беззаконіе на языкѣ Н. З. обозначаетъ не нечестіе (ἀδικία) и не грѣхъ (ἀμάρτημα), а понятіе болѣе общее, которому и нечестіе и грѣхъ только подчинены въ качествѣ видовъ, — не противузаконіе, а только противуположность праведности

(ἀδικία συνή), т.-е. именно неисполненіе закона, какъ положительнаго требованія. Это доказывается всѣми случаями, когда употреблено слово беззаконіе (ἀνομία), а эти случаи—на перечетъ и всякій справедливость словъ нашихъ легко можетъ повѣрить. (Римл. IV, 7; VI, 19. Евр. VIII. 11; X, 7, 1. Іоан. III, 4. Матѳ. VII, 23; XIII, 41; XXIII, 28: XXIV, 12, 2. Кор. VI, 14. Евр. I, 9. Тит. II, 14, 2. Ѳесс. II, 7).

Беззаконіе—не грѣхъ, неправедность или нечестіе, какъ дерево не есть береза, дубъ или липа, но грѣхъ есть беззаконіе, какъ береза есть дерево. Осуществленное дѣйствіемъ беззаконіе есть уже грѣхъ. „Всякій, дѣлающій грѣхъ дѣлаетъ и беззаконіе и грѣхъ есть беззаконіе“ (1, Іоан. III, 4). Само по себѣ беззаконіе есть противуположность праведности. Всякое дѣйствіе, не будучи праведнымъ, является уже беззаконіемъ. Но полное бездѣйствіе? Возможно ли оно для живущаго? Можетъ ли человѣкъ воздерживаться отъ всякой дѣятельности вообще? Если не дѣйствуетъ духъ, то свободно дѣйствуетъ плоть и производитъ дѣла плоти; если человѣкъ не опредѣляетъ себя духомъ, то плоть опредѣляетъ его и отъ его лица совершаются дѣла плоти. Положимъ, что человѣкъ можетъ замкнуться, затвориться въ плоти своей и при внѣшнемъ бездѣйствіи дѣйствовать на плоть, порабощая ее, достигая такимъ образомъ только полнаго равновѣсія двухъ природъ своихъ, невозмутимости самого себя. Такого человѣка нельзя назвать бездѣйствующимъ въ полномъ значеніи этого слова, хотя дѣятельность его отнюдь и не переходитъ на внѣшній міръ; онъ побѣждаетъ плоть свою, порабощаетъ ее, пресѣкаетъ для себя возможность зла, дѣлаетъ себя безвреднымъ, короче сказать, развиваетъ въ себѣ цѣлый міръ отрицательныхъ достоинствъ. Можно ли такого человѣка назвать творящимъ беззаконіе? Изъ устъ апостола Павла раздается ему приговоръ. „Если я роздамъ все имѣніе мое и отдамъ тѣло мое на сожженіе, а любви не имѣю, нѣтъ мнѣ въ томъ пользы“. Но, скажутъ намъ, онъ ли не имѣетъ любви, когда и весь трудъ свой, и все порабощеніе плоти, и весь подвигъ уравновѣшиванія самого себя предпринялъ онъ изъ любви къ Богу? Можетъ ли это быть такъ? Не есть ли любовь его одно только самообольщеніе? Ясный и опредѣленный отвѣтъ на эти вопросы даетъ намъ апостолъ Іоаннъ. „Не любящій брата своего, котораго видитъ, какъ можетъ любить Бога, котораго не видитъ“ (1, Іоан. IV, 20). Бога никто никогда не видѣлъ. Если мы любимъ другъ друга, то Богъ въ насъ пребываетъ, и любовь Его совершенна есть въ насъ (1, Іоан. IV, 12) Ибо это есть любовь къ Богу, чтобы мы соблюдали

заповѣди Его. (1, Іоан. V, 3) И кромѣ апостольскихъ свидѣтельствъ Самъ уже Господь говоритъ: Если любите Меня, соблюдите Мои заповѣди (Іоан. XIV, 15). Кто имѣетъ заповѣди Мои и соблюдаетъ ихъ, тотъ любитъ Меня... Не любящій Меня не соблюдаетъ словъ Моихъ; слово же, которое вы слышите, не есть Мое, но пославшаго Меня Отца (Іоан. XIV, 21, 24). Въ чемъ же состоятъ эти заповѣди или что главенствуетъ въ нихъ?

Н. Аксаковъ.



НОЧЬ.

По Уралу среди башкиров.

Разсказъ.

— Ухъ, темень какая! — говоритъ прiисковый довѣренный, вышедшiй со свѣчею въ рукѣ проводить васъ.

— Если ужь вы такъ торопитесь, непремѣнно въ ночь хотите ѣхать, продолжаетъ онъ, — все-жь пообождали бы часъ —другой; заря занялась бы, тогда самый разъ ѣхать. Темнѣе ночки становятся, къ августу время, — добавляетъ онъ, заглядывая съ крыльца на темное усѣянное яркими звѣздами iюльское небо.

Но все готово къ отъѣзду; вещи привязаны и уложены въ плетенку, хозяинъ которой, ямщикъ-башкиръ, уже вспрыгнулъ на козлы, предварительно поплотнѣе запахнувшись въ овчинный тулупъ, и вы сами заносите въ повозку ногу.

— Право, обождать бы, еще разъ говоритъ довѣренный, видя, что вы окончательно примостились па сидѣньи и что ваше намѣренье ѣхать тотчасъ—непоколебимо.

— Эй, Ахметка! въ ту же минуту кричитъ довѣренный, — отворяй ворота.

— Отворямъ! раздается невдалекѣ голосъ невидимаго за темнотою Ахметки, и въ то же время дѣйствительно начинаютъ скрипѣть отворяемыя ворота.

— Трогай!

Колокольчики, до этого изрѣдка и какъ бы робко позвякивавшiе, сразу берутъ тономъ выше, и вы знаете, что, стòитъ только выѣхать за ворота, переѣхать плотину и выбраться на ровную дорогу, запоютъ они свою однообразную, убаюкивающую, но звонкую пѣсню подъ аккомпаниментъ конскаго топота и покрикиванiя ямщика.

Довѣренный идетъ близъ таратайки и говоритъ:

— Жаль, что мало у насъ погостили; хозяина не дождались; быть можетъ, встрѣтите его на главномъ пріискѣ; тамъ есть чего посмотрѣть; помудренѣе здѣшняго устройство; шахты есть; жильное золото разрабатываютъ, а здѣсь розсыпь; больше старательскія работы производятся. Право, жаль.

— Ахметка! затворяй ворота, кричитъ онъ, когда плетенка только, что очутилась за ними.

— Затворямъ!—слышите вы уже позади себя.

— Эй ты, тетеревъ, — обращается между тѣмъ довѣренный къ ямщику,—какъ плотиной поѣдешь, близъ середки правѣе держи; обсыпалось тамъ немного, такъ въ воду не угоди. Да еще, какъ выѣдешь на дорогу, верстахъ въ трехъ, не далѣе, ее перекопали.

— Развѣдки дѣлали, такъ ямъ накопали, а огородить еще не успѣли,—мѣняя интонацію, объясняетъ довѣренный въ вашу сторону.

— Слышишь что-ли?—окликаетъ онъ ямщика.

— Слышимъ, какъ не слышимъ, равнодушно отзывается этотъ.

— То-то „слышимъ“, собака ты этакая! разгонишь лошадей, да и...

— Знаете, опять обращается довѣренный въ вашу сторону,— былъ со мной такой случай...

Но къ сожалѣнію нельзя было дослушать, въ чемъ онъ состоялъ, такъ какъ въ эту минуту таратайка, очутившись на небольшомъ спускѣ къ плотинѣ, ускорила движеніе и любезный разсказчикъ остался позади.

— Счастливаго пути! слышатся его пожеланія.

— Смотри, собака! черезъ минуту долетаетъ его крикъ, — въ Махмуткиной спроси у башкиришекъ, цѣлъ-ли мостъ черезъ рѣчку... дожди были... снесло...

Слова долетаютъ все отрывочнѣе; наконецъ совсѣмъ замолкаютъ.

Ночь такъ тиха, что, обернувшись, видите, какъ трепетнымъ огонькомъ горитъ свѣча въ рукѣ заботливаго довѣреннаго, который все еще стоитъ у воротъ, очевидно дожидаясь той минуты, когда плетенка благополучно прослѣдуетъ чрезъ плотину.

То тамъ, то здѣсь въ разбросанныхъ домикахъ пріиска видны огни; слышенъ стукъ ночного караульщика; гдѣ-то усердно лаетъ собака; потянуло дымкомъ, запахло навозомъ. Глазъ, послѣ свѣтлой комнаты все еще не свыкшійся съ темнотой, напряженно всматривается въ нее. Подъ ногами справа виднѣется металлическое зеркало пруда, которое трепетными искорками отражаетъ въ себѣ небо съ его звѣздами и подчеркиваетъ своимъ отраженнымъ слабымъ мерцаніемъ темноту пропасти, какую взоръ встрѣчаетъ слѣва: вы уже на плотинѣ. Невольно

хватаешься руками за края таратайки, принимая каждый толчекъ отъ подвернувшагося подъ колесо камешка за начало паденія въ обѣщанный посрединѣ провалъ.

Лошади идутъ шагомъ. Вотъ ямщикъ почти останавливаетъ ихъ; нагибается, смотритъ внизъ подъ колеса, что-то ворчитъ себѣ подъ носъ, наконецъ хлещетъ кнутомъ коренника.

— Тише, тише!

Таратайка порывисто подается впередъ. Правое заднее колесо, очевидно, теряетъ точку опоры, потому что плетенка рѣшительно накреняется въ эту сторону.

— Стой, стой!

— Но, но, шельма! относится башкиръ по адресу своихъ лошадей и для возбужденія въ нихъ бодраго настроенія духа еще разъ хлещетъ ихъ кнутомъ.

Таратайка дѣлаетъ еще одно судорожное движеніе и опять начинаетъ катиться ровно.

Плотина кончилась. Прудъ со своимъ отблескомъ остается позади. Становится значительно темнѣе, особенно потому, что въ эту минуту дорога подбѣгаетъ къ цѣлымъ горамъ промытаго песку, заслоняющимъ горизонтъ.

Еще поворотъ. Пріискъ со своими огоньками, прудъ, пески,—все скрылось за ближайшимъ пригоркомъ. Даже звуки населеннаго мѣста какъ-то разомъ заглохли; зато колокольчики дѣлаются все говорливѣе и звонче.

Плетенка выбралась на ровную дорогу и, слегка поскрипывая всѣмъ своимъ составомъ, бойко подается впередъ на встрѣчу не то кусту, не то уцѣлѣвшему при дорогѣ дереву, которое кажется разбойникомъ, выжидающимъ только вашего приближенія, чтобы ударить.

— Швить!—задѣваютъ вѣтви дерева за кузовъ, и вотъ оно уже позади.

— А что тамъ, сбоку въ травѣ? Не то медвѣдь притаился, не то камень лежитъ; не разберешь.

Отводите взоръ. Кругомъ толпятся невысокія оголенныя горы, по склонамъ которыхъ, чудится вамъ, безшумно движутся въ темнотѣ не то всадники, не то стадо. Думается, освѣтись внезапно мѣстность,— все это откроется удивленному взору.

— Вотъ, вотъ, кто-то показался на вершинѣ ближайшей горы, мягкимъ контуромъ рисующейся на темномъ небѣ, темноту котораго она превозмогла своею черною массой.

Показался и плавно поскакалъ въ противоположную отъ васъ сторону.

— Ахъ, это то же одинокое дерево, отъ быстраго бѣга лошадей уплывающее назадъ.

Никого нѣтъ; кругомъ пустыня, и все-таки сквозь звонкую пѣснь колокольчиковъ напряженному слуху все чудится вокругъ невнятный шепотъ.

Вотъ пахнуло ароматомъ какой-то душистой травы; грудь жадно дышитъ. А сверху миллъярдами блестящихъ лучистыхъ глазъ смотритъ глубокое небо.

Однако что-то не по себѣ.

— Ахъ, да, вспомнилъ: третья верста съ перекопанной дорогой.

— Ямщикъ! знаешь дорогу? Въ ямы не попади.

Башкиръ отвѣчаетъ не сразу; онъ слегка хлещетъ лошадей и говоритъ:

— Знамъ.

Лошади бѣгутъ ровно.

— Зачѣмъ Шакирку не дождался? не ожиданно повертывается башкиръ на козлахъ,—хорошо бы угощалъ; ай-ай богаты человѣкъ! поясняетъ онъ свою мысль.

— Кто это Шакирка?

— Кто! Шакирка Имамбаевъ—прiискàмъ хозяинъ.

— Ахъ, да. Очень богатый?

— Хай-хай...й! сказать нельзя.

— А давно у него прiиски?

— Годàмъ три будетъ. Прiискàмъ сначала русакъ хозяинъ былъ—Ганьшинъ; а потòмъ Шакирка бралъ.

— Кто онъ, башкиръ?

— Татаръ. Ай, ай умны человѣкъ; прикàщикамъ у Ганьшинъ былъ, а теперь сама хозяинъ.

— А Ганьшинъ гдѣ?

— По мiру гулялъ [1])! засмѣялся башкиръ.

— Какъ такъ?

— Шакирка пустой песокъ мылъ; нѣтъ золота. Отдай, говоритъ, мнѣ прiискъ, на моя счастья; тебѣ одинъ убытокъ. Бралъ; ай, ай золото хорошà пошелъ. Умны человѣкъ!

---

[1]) Пошелъ.

Башкиръ опять хлестнулъ коренника.

— Откуда онъ, Имамбаевъ-то?

— Наша мѣста; деревня Юлукъ лежа̀лъ [1]) лавкамъ держалъ; хлѣбамъ торговалъ. Голодны годъ ай, ай многа фа̀йда [2]) бралъ.

— Ну?

— Хлѣбамъ скупалъ; тридцать копѣекъ пудъ бралъ; два̀ годъ держалъ. Голодный годъ два шесть гривенъ пускалъ. Большой фа̀йда бралъ. Ай, ай умны человѣкъ!

— Кто же у него за такую цѣну хлѣбъ покупалъ?

— Покупалъ! Начальство бралъ, способіе башкуртъ давалъ; русакъ бралъ, самъ башкуртъ бралъ.

— Гдѣ-жъ башкиру или мужику такія деньги взять?

— Зачѣмъ деньга̀? Такъ бралъ; лошадя̀мъ мѣнялъ. Жеребца пять рубля гулялъ, кобыла три, коровамъ три; овца̀мъ дарамъ гулялъ; все равно кончалъ-бы; трава̀мъ нѣтъ, ничего нѣтъ. Шакирка ай, ай много сѣнамъ готовлялъ. Умны человѣкъ...

Башкиръ принужденъ былъ неожиданно ёкнуть на послѣднемъ слогѣ, такъ какъ плетёнка передними своими колесами попала въ какую-то вымоину; затѣмъ то же повторилось съ задними.

Руки невольно хватаются за края повозки.

— Тише, тише! Стой!

За разговорами незамѣтно подошла третья верста, по всей вѣроятности. Встревоженному воображенію представляется, что чрезъ мгновеніе полетишь въ яму.

— Стой же, тебѣ говорятъ.

Но башкиръ уже придержалъ лошадей; вотъ совсѣмъ остановилъ. Онъ соскакиваетъ съ козелъ и, бросивъ вамъ возжи на колѣни, на нѣкоторое время скрывается въ темнотѣ.

Лошади фыркаютъ и отряхиваются. Колокольчики тихонько позвякиваютъ, какъ-бы переговариваясь, что бы имъ такое новое запѣть, когда лошади тронутся вновь.

— Сабака! — ругается возвращающійся башкиръ, — са̀мымъ середкамъ копалъ и загородки не ставилъ.

Онъ беретъ лошадей подъ узцы и ведетъ въ обходъ. Чувствуешь, какъ накреняется повозка, переѣзжая колесами чрезъ колеи дороги, какъ трясется по неровностямъ почвы, какъ вновь выѣзжаетъ на дорогу, лента

---

[1]) Жилъ. [2]) Прибыли.

которой едва-едва сѣрѣетъ на черной массѣ поля и терятся въ двухъ шагахъ впереди.

Башкиръ показывается сбоку, на ходу вскакиваетъ на козлы и, подобравъ возжи, ухарски вскрикиваетъ на лошадей, которыя дружно прибавляютъ ходу.

— Охъ вы, милашки!

Если громкій говоръ колокольцевъ въ силахъ преодолѣть пустоту безмолвной ночи, то крикъ ямщика звучитъ глухо и теряется въ воздухѣ, не отражаясь отъ горъ, которыя мало-по-малу успѣли раздвинуться, и дорога выбѣгаетъ въ обширную, ровную долину. Горизонты расширяются; уже видны не отдѣльныя горы, а цѣлыя гряды ихъ, смутно рисующіяся на темномъ горизонтѣ, повидимому заволакиваемомъ облаками. Одно изъ нихъ успѣло медленно и незамѣтно взобраться едва не до средины неба и краемъ своимъ погасить одну-двѣ яркихъ звѣзды, отчего остальныя еще ярче заблестѣли, искрясь и дрожа въ воздухѣ. Вотъ прозрачный краешекъ облака добрался и до ослѣпительно яркаго серебрянаго Юпитера и покрылъ его какъ-бы прозрачной кисеей. Планета поблекла и превратилась въ матовую точку. На краю неба беззвучно красным пламенемъ вспыхнула на мгновеніе зарница, и какъ бы въ отвѣтъ ей со средины темнаго неба въ то же мгновеніе сорвалась и укатилась за горизонтъ яркая звѣзда, оставивъ по себѣ на минуту молочный слѣдъ, замѣтный для зрѣнія, не смотря на то, что онъ пришелся какъ разъ посрединѣ Млечнаго пути, кольцомъ охватившаго небо и приковавшаго его къ землѣ, зайдя за ея края.

Глазъ тонетъ въ пучинѣ безграничнаго океана звѣздъ, слухъ какъ-бы улавливаетъ величественную, но тихую гармонію ихъ стремительнаго и вмѣстѣ неуловимаго движенія.

А на землѣ какая тишина! Не шелохнетъ! Даже неугомонный ночной пѣвецъ полей—коростель не смѣетъ нарушить таинственное молчаніе этой ночи, обнявшей землю, которая въ благоговѣніи внимаетъ тихимъ звукамъ, льющимся оттуда, съ неба.

— Но что это?! Ясно звучитъ тихая мелодія, теряясь въ трезвонѣ колокольчиковъ...

— Ахъ, шутъ тебя... Это вашъ башкиръ вполголоса затянулъ пѣсню.

— Ямщикъ! часто поешь?—спрашиваете вы башкира, давъ ему кончить пѣснь.

— Поемъ.

Онъ быстро повертывается на сидѣньи.

— Серсамъ [1]) легка, говоритъ онъ, дѣлая рукою жестъ вокругъ,—хараша наша мѣста, хай хараша.

— Какъ тебя зовутъ?

— Кирамка. А что?

— Ничего. Есть у тебя жена?

— Нѣтъ! коротко отвѣчалъ башкиръ; голосъ у него свѣжій и звонкій; темнота мѣшаетъ разглядѣть черты его лица; кажется, что это молодой человѣкъ.

— Когда будешь жениться?

— Наша женатый.

— Какъ же говоришь, что у тебя нѣтъ жены?

— Помиралъ наша баба.

— А... а, вотъ въ чемъ дѣло! Отчего „помиралъ“?

Очевидно подобный вопросъ показался башкиру дикимъ; онъ ухмыльнулся.

— Ха, отчего помиралъ! Смерть пришелъ и помиралъ.

— Отчего смерть-то пришла?

— Богъ посылалъ; Богамъ спорить не будешь.

— Хворала твоя баба?

— Хворалъ, какъ не хворалъ. Лихоманка его кончалъ; въ самый голодный годъ помиралъ; одинъ баранчукъ [2]) тоже помиралъ, четыре живъ остался. Наша самъ лихоманкамъ лежалъ, чуть-чуть не помиралъ. Аа, ай, много людя голодный годъ канчалъ.

— Все лихоманкой?

— Ейе [3]), кора съ дерева ашали [4]); брюхамъ яманъ [5]). Если бы не способіе, весь башкуртъ кончалъ, душа живой не остался бы; ей Богу!

Башкиръ обратилъ свое вниманіе на лошадей, убавившихъ ходу при подъемѣ на легкую возвышенность.

— Эхъ вы, милашка! обратился онъ къ нимъ съ вѣжливымъ окликомъ и поочередно всѣхъ стегнулъ кнутомъ.

Милашки прибавили ходу и шибко понеслись подъ уклонъ, заставляя колокольчики захлебываться подъ дугой.

— Тише ты, тише!

Отъ горизонта успѣли еще подняться двѣ-три тучки и болѣе и болѣе заполоняли небо. Зарница время отъ времени продолжала вспыхивать краснымъ огнемъ, точно кто за горами пытался и не могъ зажечь фейерверкъ.

---

[1]) Ребенокъ, мальчикъ. [3]) Да. [3]) Ѣли. [4]) Для желудка не хорошо. [5]) Сердцу легко.

— Такъ много умерло башкиръ?

— Ха...а! Считать нельзя!—обернулся опять Кирамка.

Онъ помолчалъ и вдругъ, повышая голосъ, сказалъ:

— Башкуртъ—дуракъ, собака башкуртъ!

— Отчего такъ?

— Землямъ есть — не пашетъ; русакъ пашетъ. Лѣсамъ есть — арендамъ сдавалъ; самому печкамъ топить нечѣмъ. Лѣнтяй, собака башкуртъ! еще разъ воскликнулъ Кирамка въ негодованіи, что особенно отразилось на спинѣ коренника.

— Кому въ аренду лѣсъ сдали?

— Кому! Имамбаеву; Шакиркѣ; три волости, верстъ на пятьсотъ ему арендамъ сдавалъ.

— Зачѣмъ?

— Дура...акъ башкуртъ, лѣнтяй, опять началъ свое Кирамка,— самъ бы лѣсъ рубилъ, городъ тащилъ, продавалъ; сѣемъ-сахарамъ купилъ, бабамъ тащилъ.

— А теперь Имамбаевъ рубитъ?

— Шакирка. Кончалъ лѣсъ! обвелъ Кирамка вокругъ по оголенной мѣстности,—и тамъ скоро кончалъ,—указалъ онъ кнутомъ на отдалившіяся горы.

— Жалко? Зачѣмъ же, говорю, сдавали?

— Зачѣмъ! Шакирка старшинамъ „гостинасъ“ [1]) давалъ; каждому тысяча рублей давалъ.

— А старшинъ кто выбираетъ? чего вы смотрите?

— Башкуртъ выбираетъ, наша выбиралъ.

— И ты выбиралъ?

— Говорю, наша выбиралъ; наша [2]) —соцкій; наша Кирамеддинъ Ишмуратовъ, предсѣдатель избирательной комиссіи.

— Что, что?—переспрашиваете вы, не довѣряя своему уху.

— Предсѣдатель избирательной комиссіи Кирамеддинъ Ишмуратовъ,—необыкновенно важно повторяетъ башкиръ на своемъ курьезномъ выговорѣ.

— Такъ ты старшинъ выбиралъ?

— Наша.

— А „гостинасъ“ получилъ?

Слышно, какъ Кирамка тихо хохочетъ.

---

[1]) Гостинецъ, взятку.
[2]) Т.-е.—я.

— А какъ-же, наконецъ, отзывается онъ,—Шакирка наша сорокъ рубля давалъ.

Баба купимъ,—въ скобкахъ замѣтилъ онъ, —старшина саемъ [1]) пять фунтà давалъ. Ха, всякій башкуртъ „гостинясъ" получалъ: рублевкамъ—два; кто „саемъ" бралъ.

Кирамка опять обратилъ усиленное вниманіе на лошадей; оправился на козлахъ, плотнѣе запахнулся въ тулупъ и еще разъ повторилъ:

— Башкуртъ—дуракъ, собака башкуртъ, лѣнтяй!

Зарница особенно ярко вспыхнула; сквозь облака то тамъ, то здѣсь проглядывали звѣзды. Юпитеръ особенно упорно боролся съ тучками, пользуясь каждымъ неплотнымъ мѣстомъ въ нихъ, чтобы послать на землю свои электрическіе лучи.

— Дождь завтра будетъ, Кирамка?

— Нѣтъ, отзывается онъ,—къ утру всѣ туча кончалъ; уйдутъ.

Кирамка жмется отъ предъутренней горной свѣжести и прилаживается поудобнѣе, очевидно собираясь вздремнуть.

Глаза устали всматриваться въ темноту ночи и липнутъ; локоть пришелся противъ края тарантаса и бьется объ него; но вамъ не хочется пошевельнуться; нога тоже неловко подвернулась и неприкрыта полой; холодитъ; дрожь по ногѣ пробирается далѣе, пробѣгаетъ по спинѣ мурашками, разсыпается въ затылкѣ. Сквозь полузакрытыя вѣки видно, что край ближайшей къ небосклону тучки сталъ какъ-будто бы свѣтлѣе остальныхъ, и невольно приходитъ на умъ соображеніе, что не будь облаковъ на горизонтѣ, въ лицо глянула-бъ уже занимающаяся заря, на которой красиво и рѣзко обозначились бы прихотливымъ узоромъ отбѣжавшія горы.

Глаза закрываются. Проходитъ минутъ пять, а можетъ быть, и десять, можетъ быть, всѣ полчаса. Въ головѣ проходитъ одна мысль за другою, одно воспоминаніе порождаетъ другое, мѣшаясь другъ съ другомъ, путаясь и перебиваясь.

А изъ внѣшняго міра между тѣмъ до сознанія теперь только и доходитъ, что однообразный, безъ устали повторяемый колокольчиками напѣвъ:

— Транъ-транъ, тринъ-тра-ра; транъ-транъ, тринъ-тра-ра...,

. . . .

Вдругъ звонъ колокольчиковъ сразу умолкаетъ, и чуткій сонъ прерывается.

---

[1]) чая.

— Что такое? въ чемъ дѣло?

Повозка стоитъ среди улицы; Кирамка слѣзаетъ съ козелъ.

Совсѣмъ свѣтло; какъ и предсказывалъ башкиръ, на небѣ — ни облачка; звѣзды поблекли, зато на востокѣ яркимъ пламенемъ пылаетъ восходъ.

— Фухъ, какъ свѣжо! Что за деревня? пріѣхали?

— Нѣть еще, — отвѣчаетъ Кирамка, привязывая къ ручкѣ козелъ возжи,—калякàть малà-малà надо; дождя были; поди постамъ тутъ одна мѣста канчалъ.

Предсѣдатель избирательной коммиссіи, оказавшійся бронзовымъ бородатымъ мужчиной лѣтъ за сорокъ, чтò такъ не вязалось съ его молодымъ голосомъ и дѣтской улыбкой, игравшей на лицѣ, Карамеддинъ Ишмуратовъ отходитъ къ ближайшей избенкѣ и немилосердно начинаетъ стучать кнутовищемъ въ ставни.

— Эй, хай, хай,—кричитъ онъ на своемъ гортанномъ нарѣчіи.

Усталыя лошади переминаются съ ноги на ногу; легкій паръ поднимается отъ ихъ спинъ. Неподалеку высится минаретъ мечети, красиво рисуясь на утреннемъ небѣ; цѣлый рядъ башкирскихъ домишковъ, большею частью безъ крышъ съ однимъ потолкомъ изъ дерна, поросшаго высокимъ бурьяномъ, убѣгаетъ за пригорокъ.

Долго усилія Кирамки не приводятъ ни къ чему; только гдѣ-то неподалеку залаяла собака. Наконецъ, изъ избы глухо послышался отвѣтный голосъ. Началось перекликиваніе.

— Ага, ага, якши — говоритъ Кирамка, отходя отъ окна, онъ подбѣгаетъ къ повозкѣ, трогаетъ лошадей, на ходу, по кучерскому обычаю, вскакивая на козлы.

Проѣхали деревню, спугнувъ съ середины улицы стадо козъ и гусей, осторожно переѣхали какой-то чрезвычайно ветхій мостъ и выбрались на пригорокъ.

Солнце какъ будто бы того только и ждало, въ тотъ же мигъ пославъ свой первый лучъ на отпотѣвшую росою землю. Позолотились маковки горъ, заиграли брилліанты на мокрой травѣ, заблестѣли отливая пурпуромъ, окна въ неожиданно открывшемся взору селеніи, которое спустилось по склону горы къ дымившейся въ этотъ мигъ небольшой рѣчкѣ.

— Что за пріискъ?—спрашиваете вы Кирамку, видя, что среди селенія высится, блестя на солнцѣ, характерная труба пріисковой промывательной машины.

— Сулеймановскій пріискъ Шакирки,—отвѣчаетъ башкиръ.

Станція, пріѣхали!

Петръ Рыбаковъ

Избраніе римскаго первосвященника.

Каждому, вѣроятно, извѣстно, что глава римско-католической церкви избирается пожизненно; поэтому избраніе новаго папы обусловливается кончиною его предшественника. Такимъ образомъ смерть римскаго первосвященника и избраніе ему преемника,—эти два событія настолько тѣсно и неразрывно связаны между собою, что, задавшись цѣлью представить полную картину избранія и коронованія папы, я не могу пройти молчаніемъ событія, которыя неизмѣнно слѣдуютъ съ момента наступленія смертнаго часа римскаго первосвященника.

Наступленіе послѣднихъ минутъ земной жизни римскаго первосвященника, если только смерть не постигаетъ его внезапно, носитъ въ себѣ отпечатокъ нѣкоторой торжественности, которая вполнѣ приличествуетъ высокому сану главы римско-католической церкви.

Предчувствуя приближеніе смерти, папа приказываетъ созвать всѣхъ своихъ домашнихъ прелатовъ и главныхъ сановниковъ своего двора, произноситъ въ ихъ присутствіи исповѣданіе вѣры, даруетъ окружающимъ отпущеніе грѣховъ, причащается и получаетъ напутствіе въ жизнь вѣчную отъ кардинала великаго пенитенціарія [1]).

---

[1]) Считаю не лишнимъ сдѣлать здѣсь краткую замѣтку о кардиналахъ.

Впервые число кардиналовъ не было ограничено, только папа Сикстъ V (1585—1590) опредѣлилъ это число цифрою 70. Но не всегда, однако, узаконенное число семидесяти достигало своей нормы.

Между кардиналами только *шесть* имѣютъ санъ епископскій и именуются *кардиналами-епископами;* имъ принадлежатъ подгородныя Риму епархіи: Остія, Чивитта-Векія, Сабина, Фраската, Альбано, Палестрина.

Старшій изъ нихъ или *кардиналъ-деканъ* всегда бываетъ епископомъ Остіи и пользуется исключительнымъ правомъ посвящать новоизбраннаго папу въ высшія степени священства, если онъ имѣетъ только степень діакона или пресвитера. *Пятьдесятъ кардиналовъ* принадлежатъ къ степени пресвитерской *и четырнадцать* къ діаконской.

Кардиналы, живущіе въ Римѣ, составляя собственно верховный совѣтъ папскій въ консисторіи, имъ предсѣдательствуемой, участвуютъ также съ другими прелатами въ различныхъ духовныхъ конгрегаціяхъ.

Кардиналъ-камерлингъ предсѣдательствуетъ въ палатѣ или камерѣ финансовой и заступаетъ первое мѣсто, во время вакантности папскаго престола, управляя дѣлами вмѣстѣ съ тремя кардиналами степеней епископской, пресвитерской и діаконской.

Если умирающій чувствуетъ въ себѣ еще силы, онъ проситъ у высокочтимыхъ кардиналовъ молитвъ за него, поручаетъ имъ церковь и убѣждаетъ дать ему въ преемники изъ ихъ среды самаго достойнаго пасти стадо Христово, совѣтуетъ имъ имѣть, по силамъ возможности, единодушіе въ избраніи новаго папы, обозначаетъ мѣсто своего погребенія и преподаетъ кардиналамъ апостольское благословеніе [2]).

Послѣ того, какъ душа папы переселилась изъ сего міра къ вѣчному упокоенію, кардиналъ-камерлингъ повергается съ молитвою ницъ передъ тѣломъ, окропляетъ его святою водою и, приблизившись къ почившему, зоветъ его трижды по имени, данному ему при св. крещеніи, при этомъ онъ трижды ударяетъ по головѣ первосвященника серебрянымъ молоточкомъ. Затѣмъ, обратившись къ присутствующимъ, произноситъ: „Папа умеръ“, и здѣсь же изъ аппартаментовъ почившаго первосвященника извѣщаетъ объ его кончинѣ отсутствающихъ кардиналовъ, нунціевъ [3]) и дипломатическій корпусъ, акредитованный при Ватиканѣ.

Кардиналъ статсъ-секретарь, въ качествѣ министра иностранныхъ дѣлъ, есть душа совѣта папскаго въ его сношеніяхъ со всѣми державами.

Кардиналъ-секретарь—внутреннихъ дѣлъ.

Кардиналъ-викарій долженъ быть всегда епископомъ потому, что онъ намѣстникъ папы, по управленію собственно римскою паствою, къ качествѣ епископа столицы Рима.

Кардиналъ великій пенитенціарій (духовникъ) пользуется властью вязать и рѣшать наравнѣ съ папою, торжественно отпускаетъ грѣхи въ страстную седмицу и напутствуетъ въ часъ смертный самого папу.

Кардиналы датарій и канцлеръ заняты текущими дѣлами, одинъ всѣми прошеніями, поступающими на имя папы, а другой—буллами, отъ него исходящими.

Папа назначаетъ кардиналовъ изъ всѣхъ націй, при чемъ принимаетъ во вниманіе заявленныя желанія католическихъ государей относительно возведенія того или другаго лица въ кардинальскій санъ.

Вновь назначенные кардиналы приносятъ присягу папѣ въ повиновеніи.

Они имѣютъ извѣстные знаки отличія, именно: титулъ «Eminentissimus», «Vestra Eminentia», красную шляпу и наконецъ пурпурное одѣяніе.

[2]) Такъ было 7-го февраля 1878 г. при кончинѣ папы Пія IX. Почти всѣ наличные въ Римѣ кардиналы окружали постель Пія IX. Передъ наступленіемъ агоніи, одинъ изъ присутствующихъ кардиналовъ (Биліо) попросилъ папу благословить соборъ кардиналовъ и Пій IX, поднявъ руку, сдѣлалъ благословляющій знакъ.

[3]) Папа, какъ глава католической церкви, пользуется представительными органами, которые дѣйствуютъ во имя его въ разныхъ мѣстностяхъ земнаго шара.

Эти представители называются *легатами* и раздѣляются на три разряда:

a) *legati a latere*, b) *nuntii*, которые по сану своему обыкновенно бываютъ епископами или архіепископами «in partibus infidelium». Съ точки зрѣнія международнаго права, тѣ и другіе имѣютъ рангъ дипломатическихъ представителей перваго класса, т.-е. пословъ и c) *internuntii*, которые не имѣютъ епископскаго сана и признаются, какъ дипломатическіе агенты второго класса, слѣдовательно, какъ посланники или полномочные министры.

Отъ исчисленныхъ категорій легатовъ, которые обозначаются общимъ названіемъ *«legati dati»*, такъ какъ они спеціально уполномачиваются или назначаются въ качествѣ легатовъ, различаются *«legati nati»*, урожденные легаты, которые пользуются этимъ титуломъ отъ того, что онъ усвоенъ ихъ кафедрѣ, но это титулъ безъ власти.

Этотъ институтъ, въ прежнія времена имѣвшій практическое значеніе, въ настоящее время означаетъ только почетный титулъ для нѣкоторыхъ архіепископовъ, какъ напримѣръ, архіепископы: Кельнскій, Пражскій, Зальцбургскій и Гнезненскій, имѣютъ до сихъ поръ почетный, титулъ прирожденныхъ легатовъ.

Тѣло почившаго первосвященника, омытое теплою водою съ виномъ и ароматными травами, спустя 24 часа послѣ смерти, бальзамируется и, облаченное въ самыя дорогія первосвященническія одѣянія, полагается на парадное ложе, покрытое красною шелковою матеріею съ золотымъ шитьемъ. Двѣ первосвященническія шляпы, въ знакъ его двойной юрисдикціи, полагаются въ ногахъ; ноги же усопшаго обуваются въ красныя туфли, а на руки надѣваютъ красныя шелковыя перчатки.

При облаченіи присутствуютъ камерлингъ, мажордомъ, ризничій и нѣсколько тайныхъ камергеровъ, при чемъ ризничій беретъ себѣ епитрахиль и шапочку, а подризничій башмаки почившаго. Эти вещи, по очень древнему обычаю, принадлежатъ по смерти папы названнымъ лицамъ.

Тѣло усопшаго первосвященника, положенное на парадное ложе, окруженное 12-ю зажженными свѣчами, духовенствомъ, читающимъ заупокойныя молитвы и почетной стражей, выставляется для поклоненія въ капеллѣ за рѣшеткою, между брусками которой выставляютъ ноги почившаго, чтобы желающіе могли ихъ лобызать.

Всегда былъ обычай, когда папа умиралъ въ Квириналѣ [4]), выставлять тѣло его, для поклоненія народу, въ Паулинской капеллѣ. Если папа умиралъ въ Ватиканѣ [5]), то тѣло выставляли въ Сикстинской капеллѣ, сохранившей имя своего основателя папы Сикста IV (1471—1484).

Тѣло папы Пія IX, въ виду политическихъ обстоятельствъ, было выставлено въ церкви св. Петра.

Послѣ бальзамированія тѣла, внутренности папы кладутся въ металлическій ящичекъ, который тщательно запечатывается, на ящичкѣ дѣлается надпись съ обозначеніемъ времени смерти и папствованія умершаго [6]). Этотъ ящичекъ, согласно обычаю, отвозится въ церковь св. Анастасія и Викентія [7]), гдѣ, послѣ благословенія ихъ настоятелемъ, полагаются въ нарочно устроенной гробницѣ.

---

[4]) Квириналъ былъ лѣтнимъ обиталищемъ папъ и даже мѣстомъ ихъ избранія. Здѣсь, послѣ кончины Пія VII (1800—1823) и Льва XII (1823—1829), собирались кардиналы для возведенія на папскій престолъ Пія VIII (1829—1830) и Григорія XVI (1831—1846).

[5]) Ватиканъ—нынѣшняя постоянная резиденція папъ.

[6]) На ящикѣ, содержавшемъ внутренности папы Пія IX (1846—1878) была слѣдующая надпись: «Praecordia sanctaememoriae Pii papae IX, abiit die septima mensis Februarii anno MDCCCLXXVIII. Pontificatus anno XXXII». (Внутренности священной памяти папы Пія IX, умеръ въ седьмой день мѣсяца февраля 1878 г., въ годѣ первосвященства 32-й).

[7]) Въ Римѣ находятся три церкви, посвященныя этимъ святымъ; та, о которой здѣсь идетъ рѣчь, находится у фонтана Треви, и въ настоящее время, управляемая францисканцами, носила она прежде названіе первосвященнической, какъ содержащая въ своемъ округѣ квиринальскій дворецъ.

Въ подземной капеллѣ этой церкви помѣщены внутренности папъ и возлѣ главнаго алтаря находится надгробная плита, гдѣ начертаны имена папъ, съ Сикста V до Льва XII включительно, внутренности коихъ находятся въ этой капеллѣ.

Въ этой церкви, впервые, были положены внутренности папы Сикста V, такъ какъ онъ былъ первымъ папою, умершимъ въ Квиринале.

Если папа умираетъ въ Ватиканѣ, внутренности его переносятся въ подземелье базилики св. Петра [8]).

Въ теченіе 9 дней, по смерти папы, служатся во дворцѣ заупокойныя богослуженія (novendiales), предписанныя буллами папъ Пія IX— „In eligendis" и Григорія XV—„Decet Romanum Pontificem".

Особенною торжественностію отличались заупокойныя служенія по Піѣ IX.

Въ Сикстинской капеллѣ, въ присутствіи собора кардиналовъ и римской знати, по срединѣ возвышалась четыреугольная гробница съ гербами почившаго папы. На четырехъ сторонахъ гробницы красовались художественно исполненные барельефы съ аллегорическими изображеніями. По срединѣ гробницы, на нѣкоторомъ возвышеніи, была возложена папская тіара.

Погребеніе папы совершается въ одинъ изъ девяти дней послѣ его кончины, иногда даже на десятый.

Тѣло, окропленное святою водою, обернутое красною шелковой матеріею, съ лицомъ, покрытымъ бѣлымъ шелковымъ покрываломъ, полагается въ гробъ, обитый малиновымъ атласомъ.

Вмѣстѣ съ тѣломъ кладется въ гробъ пергаментъ, заключенный въ жестяной футляръ цилиндрической формы. На пергаментѣ обозначается возрастъ умершаго первосвященника, его жизнеописаніе и главнѣйшія событія его первосвященства. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ гробъ кладутъ три бархатныхъ красныхъ кошелька, содержащіе монеты съ изображеніемъ умершаго папы, вычеканенныя въ его царствованіе.

Въ первомъ кошелькѣ находятся золотыя, во второмъ серебряныя и въ третьемъ бронзовыя монеты, число которыхъ опредѣляется числомъ лѣтъ царствованія первосвященника. Такъ въ гробъ папы Пія IX были положены кошельки съ 32 монетами въ каждомъ.

Затѣмъ гробъ завинчивается и запечатанный передается кардиналами капитулу, при чемъ составляется и прочитывается актъ, удостовѣряющій эту передачу. По прочтеніи акта гробъ съ тѣломъ помѣщается сперва въ свинцовый съ гербами умершаго, а затѣмъ въ дубовый гробы. Къ свинцовому прикладываются печати капитула Ватикана, Камерлинга и Мажордома. На дубовомъ гробѣ изображается крестъ съ

---

[8]) Левъ XII, въ 1829 г. хотя и умеръ въ Ватиканѣ, пожелалъ, чтобы его внутренности были перенесены къ св. Анастасію.

папской тіарой, гербъ усопшаго и дѣлается надпись, съ указаніемъ, что въ немъ покоится тѣло такого-то Римскаго первосвященника. Послѣдній гробъ запечатывается тѣми же печатями и переносится въ подземный склепъ базилики Св. Петра или другой церкви. Этою формальностью оканчивается печальная церемонія погребенія Папы. Отсутствующіе кардиналы, оповѣщенные о кончинѣ Папы, ожидаются для выбора ему преемника, согласно конституціи Григорія X, изданной въ 1274 г., только 10 дней. Въ это же время, подъ личнымъ наблюденіемъ Кардинала—Камерлинга, приготовляются отдѣльныя помѣщенія или кельи для кардиналовъ, участвующихъ въ избраніи первосвященника (конклавъ). Эти кельи нумеруются и распредѣляются между кардиналами по жребію, и тогда каждый изъ кардиналовъ на дверяхъ своей кельи выставляетъ свой гербъ. Кельи кардиналовъ, возведенныхъ въ этотъ санъ только что умершимъ Папою, обиваются фіолетовою саржею, а прочія—зеленою. Всѣ выходы задѣлываются на глухо, кромѣ двери, чрезъ которую кардиналы входятъ въ конклавъ. Эта дверь запирается потомъ двумя замками внутри и двумя снаружи; въ ней дѣлается окно, закрытое всегда занавѣсомъ, чрезъ которое кардиналы даютъ аудіенцію посланникамъ. Кардиналъ, вышедшій изъ конклава, хотя бы даже по болѣзни, теряетъ право участвовать въ выборѣ Папы. При избраніи Папы Льва XIII было 64 кардинала, въ виду чего въ Ватиканскомъ дворцѣ было устроено 64 кельи. Самое избраніе происходитъ въ придворной Ватиканской капеллѣ, именуемой Сикстинской.

Капелла эта, приготовленная къ избранію первосвященника, имѣетъ слѣдующій видъ: по бокамъ ея, съ двухъ сторонъ, расположены троны или возвышенныя сѣдалища подъ балдахинами. На этихъ тронахъ помѣщаются кардиналы—избиратели. Передъ каждымъ трономъ находится маленькій столъ съ бумагою, перьями и чернилами. Нѣкоторыя сѣдалища и балдахины задрапированы зеленою матеріею—это мѣста кардиналовъ, участвовавшихъ въ избраніи умершаго Папы, другіе же задрапированы фіолетовою матеріею [9]).

Изъ постановленій, соблюдаемыхъ кардиналами для избранія новаго Папы, можно указать на слѣдующія: передъ вступленіемъ въ конклавъ кардиналы имѣютъ десять собраній или конгрегацій, на которыхъ читаются конституціи Папы Григорія X (1271—1276), которыя служатъ какъ бы уставомъ, конклава,—Папы Юлія II (1503—1513), порицающаго симоническія избранія; Папы Пія IX (1559—1565) и Григорія XV (1621—1623), обозначающія правила и церемоніи, ко-

---

[9]) При избраніи Папы Льва XIII, въ 1878 г., только четыре трона были задрапированы зеленою матеріею.

торыя должны произойти въ конклавѣ. Разбивается кольцо Рыбаря [10]). Избираются должностныя лица конклава, какъ-то: церемоніймейстеръ, секретарь свящ. собора кардиналовъ, ризничій, подризничій, духовникъ, 2 доктора, аптекарь, хирургъ, 4 цирульника, 35 служителей, каменщикъ и столяръ; равнымъ образомъ назначаются къ кардиналамъ конклависты (духовные или свѣтскіе прислужники). Каждый кардиналъ беретъ съ собою въ конклавъ двухъ или трехъ конклавистовъ. Это родъ почетныхъ секретарей, которые должны раздѣлять съ кардиналами ихъ уединеніе и разгонять ихъ скуку при строгомъ и продолжительномъ заключеніи; на нихъ также лежатъ обязанности держать келью въ чистотѣ и носить для кардиналовъ и для себя пищу и все нужное изъ вертящихся поставцевъ, чрезъ которые имъ это передается. За этими поставцами прелаты имѣютъ строжайшій надзоръ, чтобы, вмѣстѣ съ пищею, не было принесено къ кому нибудь изъ кардиналовъ письмо или записка, такъ какъ имъ во время конклава запрещается всякое сношеніе съ внѣшнимъ міромъ. И наконецъ опредѣляютъ жребіемъ, кому изъ кардиналовъ достанется какая келья. Спустя 10 дней, которые полагаются на заупокойныя службы, похороны, приспособленіе помѣщенія для конклава, кардиналы собираются въ базиликѣ Св. Петра или въ иномъ мѣстѣ, смотря по удобству и времени, и слушаютъ обѣдню въ честь Св. Духа, которую служитъ кардиналъ - деканъ, при чемъ избранный прелатъ произноситъ рѣчь о необходимости избрать достойнѣйшаго преемника (Proeligendo Summo Pontifice); этою рѣчью кардиналы приглашаются совершить скорое избраніе того изъ нихъ, котораго они считаютъ достойнѣйшимъ носителемъ столь высокаго сана.

Выслушавъ мессу и рѣчь, кардиналы по два въ рядъ идутъ, при пѣніи гимна Св. Духу, въ капеллу, въ которой послѣ молитвы (Deus, qui corda fidelium), кардиналъ-деканъ читаетъ постановленія объ избраніи Папы и о конклавѣ, которыя кардиналы клянутся соблюдать, и краткою рѣчью увѣщеваетъ ихъ дать Церкви добраго пастыря. Послѣ сего кардиналы принимаютъ дворянъ, прелатовъ и посланниковъ. Въ тотъ же день всѣ собираются въ Сикстинскую капеллу, въ которой присягаютъ конклависты и всѣ, стерегущіе конклавъ. Вечеромъ карди-

---

[10]) Кольцо Рыбаря (Annulus Piscatoris), одинъ изъ перстней Папы, такъ называется потому, что на золотой овальной пластинкѣ этого кольца находится изображеніе Апостола Петра, вытаскивающаго, сидя въ лодкѣ, сѣти изъ моря. На этомъ кольцѣ находится имя Папы, на внутренней сторонѣ овала находятся имена Мажордома, ювелира Апостольскаго дворца, и гравера. Это кольцо служитъ для прикладыванія печатей къ папскимъ грамотамъ, исходящимъ изъ Апостольской секретарской палаты.

налъ-деканъ велитъ звонить въ колокола для закрытія конклава, и кардиналъ-камерлингъ, съ первымъ кардиналомъ епископомъ, съ первымъ кардиналомъ-пресвитеромъ и съ первымъ кардиналомъ-діакономъ, съ величайшею тщательностью осматриваютъ конклавъ, чтобы въ немъ не оставалось никого болѣе, кромѣ тѣхъ лицъ, которыя допускаются постановленіями о конклавѣ. Съ этого времени никто уже не выходитъ изъ конклава, и если выходитъ, то уже невозвращается. Когда такимъ образомъ кардиналы запрутся въ конклавѣ, то церемоніймейстеръ всякій день утромъ и вечеромъ обходитъ все помѣщеніе конклава, звонитъ въ колокольчикъ и говоритъ „Jn Capellam Domini" [11]), при послѣднемъ звонкѣ каждый кардиналъ выходитъ изъ своей кельи въ сопровожденіи конклавистовъ и идетъ въ Сикстинскую капеллу, примыкающую къ ватиканской базиликѣ.

Среди этой капеллы ставится столъ, подлѣ котораго садятся избранные по жребію ревизоры балотировки (scrutatores). На столѣ кладется таблица съ формою присяги, по которой каждый кардиналъ, прежде чѣмъ подавать голосъ, клянется Христомъ Спасителемъ, имѣющимъ судить его, что онъ избираетъ того, кого по Богу считаетъ достойнымъ избранія, и что то же сдѣлаетъ и въ прибавочномъ голосѣ (in accessu). На томъ же столѣ ставится чаша, куда кладутся письменныя голоса кардиналовъ. Прежде баллотировки кардиналъ-деканъ въ этой капеллѣ служитъ обѣдню въ честь Св. Духа, на которой причащаетъ всѣхъ кардиналовъ, а послѣ обѣдни краткою рѣчью внушаетъ имъ подумать серьезно объ избраніи Папы, потомъ читаются буллы Папъ, касающіяся до этого избранія; изъ капеллы выходятъ конклависты и запирается дверь. Затѣмъ послѣдній кардиналъ-діаконъ беретъ шары, на которыхъ написаны имена всѣхъ присутствующихъ кардиналовъ, произноситъ имена вслухъ, считаетъ шары и кладетъ ихъ въ фіолетовый мѣшокъ, и, послѣ сотрясенія вынимаютъ оттуда шесть шаровъ. Тѣ, имена которыхъ значатся на первыхъ трехъ шарахъ, бываютъ въ тотъ день ревизорами баллотировки (scrutatores), а остальные три должны отбирать билеты у кардиналовъ, которые остались по болѣзни въ своихъ кельяхъ (infirmarii); для этого они получаютъ ящикъ, запертый на ключъ, съ отверстіемъ въ крышкѣ, куда больные кардиналы опускаютъ свой письменный голосъ. За симъ приступаютъ къ избранію папы, которое должно быть совершено только однимъ изъ трехъ слѣдующихъ способовъ.

---

[11]) Намъ кажется, что этотъ возгласъ должно быть скорѣе переведенъ «въ капеллу, господа!..» а не «въ капеллу Господа».

Первый способъ избранія называется „electio quasi per inspirationem“ (избраніе какъ бы по вдохновенію), когда всѣ кардиналы, какъ бы вдохновленные Св. Духомъ, провозглашаютъ единодушно кого-либо изъ своей среды верховнымъ первосвященникомъ.

Второй способъ, — „electio per compromissum“ (избраніе черезъ посредника), когда кардиналы, желая приступить къ избранію Папы, поручаютъ осуществленіе своего избирательнаго права нѣкоторымъ изъ нихъ (не менѣе трехъ), чтобы они, вмѣсто всѣхъ, предусмотрѣли пастыря католической церкви. При этомъ всѣ кардиналы даютъ обѣщаніе, что избранный такимъ путемъ будетъ почитаться законнымъ и истиннымъ Папою.

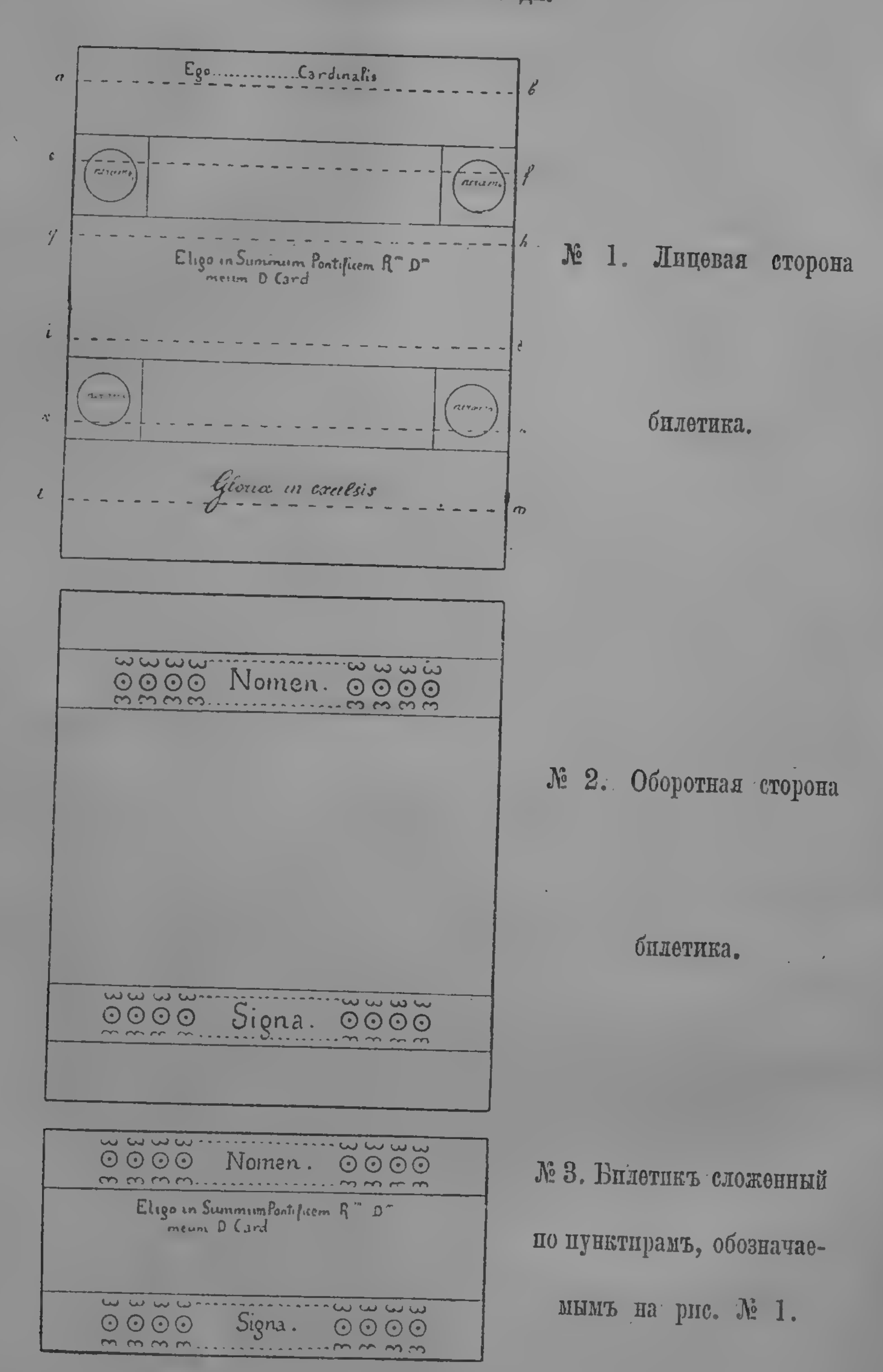
Два приведенные способа избранія примѣнялись весьма рѣдко, самый же обыкновенный способъ избранія, это такъ называемый—„electio per scrutinium“, состоящій въ закрытой подачѣ голосовъ посредствомъ билетиковъ. Избраннымъ считается получившій двѣ трети всѣхъ голосовъ [12]), если же требуемаго большинства голосовъ не окажется, то къ состоявшемуся производству выбора присоединяется добавочное производство (accessus), въ видахъ достиженія необходимаго большинства. Такъ какъ этотъ способъ чаще примѣняется къ выборамъ, чѣмъ первые два, то любопытно разсмотрѣть его подробнѣе, и прежде всего выяснить себѣ форму билетиковъ, при посредствѣ которыхъ происходитъ выборъ первосвященника.

Билетики эти, печатанные, раздѣлены на три части.

Въ верхней части лицевой стороны напечатаны слова: „Ego... Card. (Я... кард.)“ на такомъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы между ними избиратель могъ написать свое собственное имя; немного ниже, въ двухъ небольшихъ квадратикахъ, помѣщаются кружки изъ краснаго воска для припечатыванія билетиковъ. На второй или средней части находятся слова: „Eligo in Summum Pontificem Reverendis. Daminum meum D. Cardinalem...“ „(избираю въ верховные первосвященники достопочтеннѣйшаго Господина моего Кардинала)...“ къ этимъ словамъ приписывается имя, въ чью пользу подаютъ голосъ. Въ нижней части опять находятся два небольшіе квадратика съ восковыми кружками, и немного ниже избирателемъ пишется какое-нибудь число и изрѣченіе изъ священнаго писанія, напримѣръ: „18. Gloria in excelsis“,—(18. Слава въ вышнихъ)“—что служитъ какъ бы девизомъ билетика.

---

[12]) Въ 1878 г. кардиналъ Іоакимъ Печчи (Левъ XIII), при первомъ голосованіи (утромъ 19 февраля) получилъ 19 голосовъ изъ 59, при второмъ (вечеромъ того же дня)—29 и при третьемъ (утромъ слѣдующаго дня)—44 голоса, что и составило требуемое большинство.



№ 1. Лицевая сторона билетика.

№ 2. Оборотная сторона билетика.

№ 3. Билетикъ сложенный по пунктирамъ, обозначаемымъ на рис. № 1.

Билетики, служащіе для добавочнаго производства выбора „(accessus), имѣютъ ту же форму и тотъ же текстъ, только вмѣсто словъ „Eligo in Summum Pontificem“ напечатано: Accedo Reverendiss. D. meo, D. Cardin“...

Приготовленные такимъ образомъ билетики, по числу кардиналовъ, кладутся на двухъ дискосахъ, находящихся на столѣ передъ алтаремъ. Съ этихъ дискосовъ избиратели, взявъ билетики, пополняютъ требуемыя слова, при чемъ, по возможности, измѣняютъ свой почеркъ, чтобы нельзя его было узнать. На каждомъ билетикѣ непремѣнно должно быть обозначено имя только одного избираемаго, а не нѣсколькихъ лицъ. Печати должны быть не гербовыя, которыя кардиналы употребляютъ обыкновенно при запечатаніи писемъ, а особенныя, и настолько простыя, чтобы ими легко было клеймить. На подобныхъ печатяхъ обыкновенно вырѣзывается или число, или буква, или же одно какое-нибудь изображеніе.

Билетики пишутся кардиналами за пюпитромъ, который поставленъ такъ, чтобы пишущій былъ видѣнъ всѣми, но чтобы никто не могъ прочесть то, что онъ пишетъ. Сложивъ и запечатавъ написанный билетикъ каждый кардиналъ беретъ его двумя пальцами и въ поднятой рукѣ относитъ къ алтарю, гдѣ стоитъ большая серебряная чаша [13]), приготовленная для билетиковъ и покрытая широкимъ дискосомъ, на которомъ выгравировано изображеніе Св. Духа. Здѣсь, передъ алтаремъ, колѣнопреклоненный кардиналъ нѣкоторое время молится и внятнымъ голосомъ произноситъ: клятву: „Testor Christum Dominum, Qui me judicaturus est, me eligere quem secundum Deum judico eligi debere, et quod idem in accessu praestabo“. (Клянусь Христомъ Господомъ, Который будетъ меня судить, что я избираю того, кого, по Богу, считаю долженствующимъ быть избраннымъ, и что я тоже исполню и въ accessus.

Послѣ этого онъ кладетъ билетикъ на блюдо и съ него опускаетъ въ чашу, затѣмъ вновь преклоняется передъ алтаремъ и возвращается на свое мѣсто.

Еслибы случилось, что присутствующій въ капеллѣ кардиналъ, по слабости, не могъ-бы подойти къ столу, гдѣ находятся билетики, то младшій ревизоръ баллотировки подноситъ къ нему дискосъ, откуда избиратель, взявъ одинъ билетикъ, секретно на своемъ мѣстѣ пишетъ все, что требуется и, по совершеніи присяги, передаетъ его сло-

---

[13]) На подставкѣ чаши находятся священныя изображенія и гербъ вакантнаго престола, состоящій изъ двухъ ключей, положенныхъ на церковной хоругви.

женнымъ и запечатаннымъ тому-же ревизору, который и опускаетъ его въ чашу, гдѣ находятся и остальные билетики.

Если-бы нѣкоторые кардиналы-избиратели, по болѣзни, не могли присутствовать въ капеллѣ и находились въ своихъ кельяхъ, то три кардинала, заранѣе избранные для отобранія отъ нихъ голоса, приходятъ къ нимъ съ ящичкомъ, о которомъ выше было упомянуто.

Этотъ ящичекъ ревизоры, прежде чѣмъ передать его инфирмаріямъ (такъ называются кардиналы, выбранные для отобранія голоса у отсутствующихъ больныхъ кардиналовъ), открываютъ и показываютъ всѣмъ присутствующимъ, чтобы они могли видѣть, что онъ пустой и ничего въ себѣ не содержитъ.

Затѣмъ онъ запирается на ключъ, который кладется на алтарѣ.

Инфирмаріи, взявъ запертый ящикъ съ маленькимъ дискосомъ, гдѣ положены билетики по числу больныхъ кардиналовъ, приходятъ въ келью къ каждому изъ нихъ.

Больные, секретно отъ присутствующихъ, пишутъ билетики, запечатываютъ ихъ и, съ указанной клятвою, опускаютъ черезъ щель въ ящикъ. Если-бы случилось такъ, что больные до такой степени слабы, что не въ состояніи писать, то за нихъ это дѣлаетъ кто-либо изъ присутствующихъ, согласно ихъ указанію, присягнувъ при этомъ о сохраненіи тайны написаннаго.

Отобравъ, такимъ образомъ, отъ больныхъ голоса, кардиналы-инфирмаріи возвращаются въ капеллу съ ящичкомъ, который ревизоры открываютъ и публично пересчитываютъ находящіеся въ немъ билетики, и, найдя число ихъ соотвѣтствующимъ числу больныхъ, опускаютъ ихъ въ чашу.

Для того, чтобы подача голосовъ слишкомъ не затягивалась отсутствіемъ инфирмаріевъ, эти послѣдніе пишутъ свои билетики и кладутъ ихъ въ чашу не въ очередь, а тотчасъ послѣ кардинала-декана, который первый, согласно конституціи, долженъ подать письменно свой голосъ [15]).

Когда такимъ образомъ собраны будутъ всѣ билетики, то чаша накрывается дискосомъ, старшій кардиналъ ревизоръ нѣсколько разъ мѣшаетъ билетики посредствомъ встряхиванія чаши. Затѣмъ приступаютъ къ ихъ счету, который производится младшимъ ревизоромъ и состоитъ въ томъ, что каждый билетикъ, вынутый изъ чаши, перекладывается въ другую, пустую, нарочно для этого приготовленную, чашу.

---

[15]) Подача голосовъ производится по старшинству въ іерархическомъ порядкѣ: сперва кардиналы-епископы, потомъ кардиналы-пресвитеры и наконецъ, кардиналы-діаконы.

Если число билетиковъ не соотвѣтствуетъ числу кардиналовъ, то эти билетики сжигаются, при чемъ тотчасъ же приступаютъ къ новому голосованію.

Если же число билетиковъ окажется надлежащимъ, то приступаютъ къ публичному чтенію ихъ, для чего три кардинала-ревизора садятся за отдѣльный столъ, спиною къ алтарю, первый изъ нихъ беретъ билетикъ, прочитываетъ имя избираемаго, передаетъ его второму ревизору, а этотъ третьему. Послѣдній прочитываетъ громкимъ и внятнымъ голосомъ имя избраннаго для того, чтобы каждый изъ присутствующихъ кардиналовъ могъ отмѣтить число голосовъ въ лежащемъ предъ нимъ спискѣ кардиналовъ.

Такимъ образомъ черезъ руки ревизоровъ проходятъ послѣдовательно всѣ билетики.

По окончаніи чтенія записокъ, кардиналы сводятъ въ одну цифру число полученныхъ голосовъ каждымъ изъ претендентовъ на папскій престолъ и результатъ пишутъ на другомъ листѣ бумаги въ такой формѣ: „Reverendissimus D. Cardinalis A. habet suffragia — 3, Reverendissimus D. Cardinalis B. habet suffragia — 8, et sic de aliis. (Достопочтеннѣйшій господинъ Кардиналъ А имѣетъ 3 голоса..... и т. д. объ остальныхъ).

Когда провозглашеніе голосовъ окончено, и кардиналы отмѣтили голоса у себя на спискѣ, младшій ревизоръ беретъ прочитанные билетики по одному и, прокалывая иглою въ томъ мѣстѣ, гдѣ находится слово „eligo“, нанизываетъ ихъ на шелковую нитку, концы которой связываетъ узломъ, и кладетъ эту связку на столъ.

Если окажется, что кто-либо изъ кардиналовъ получилъ двѣ трети голосовъ, необходимыхъ для того, чтобы быть избраннымъ, тотъ считается канонически избраннымъ Папою.

Если же, по подведеніи итога, не окажется ни у кого необходимыхъ двухъ третей голосовъ, то кардиналы приступаютъ къ добавочной подачѣ голосовъ (accessus).

Дѣйствія этого дополнительнаго выбора состоятъ въ томъ, что кардиналы берутъ билетики, на которыхъ вмѣсто словъ: „Eligo in Summum Pontificem“ находится: „Accedo Reverendissimo meo. D. Cardinali N“; на этихъ билетикахъ они пишутъ имя избираемаго и свое собственное, и, запечатавъ ихъ, опускаютъ, какъ и первый разъ, въ чашу.

При этомъ избиратели клятвы не произносятъ въ виду того, что она была уже произнесена при первой подачѣ голосовъ.

Необходимо замѣтить, что, при добавочной подачѣ голоса, кардиналъ-избиратель не можетъ дать свой голосъ тому лицу, въ пользу ко-

тораго онъ подавалъ его въ первый разъ; также онъ не можетъ подать свой голосъ за того изъ своихъ сотоварищей, который не получилъ въ первый разъ, по крайней мѣрѣ, хотя-бы одного голоса.

При дополнительномъ избраніи кардиналы-ревизоры и инфирмаріи исполняютъ свои обязанности точно такимъ же образомъ, какъ выше говорилось.

На обязанности ревизоровъ лежитъ сводить общую цифру голосовъ, которые каждый кардиналъ получилъ при первомъ и второмъ голосованіи.

Если дополнительною баллотировкою кардиналъ получаетъ двѣ трети всѣхъ голосовъ, тогда старшій ревизоръ съ двумя младшими изслѣдуетъ законность дополнительнаго избранія, для чего онъ беретъ связку первыхъ билетиковъ, сличаетъ печати, девизы и число билетовъ той и другой баллотировки.

Если во всемъ этомъ билетики согласуются, онъ передаетъ ихъ второму и третьему ревизорамъ, которые удостовѣряютъ тождество печатей и девизовъ. Они свидѣтельствуютъ, равнымъ образомъ, не подалъ ли въ томъ и другомъ случаѣ одинъ и тотъ же кардиналъ голосъ за одно лицо: тогда подача голосовъ недѣйствительна.

Если же напротивъ избиратель въ первомъ и во второмъ голосованіи указалъ различныхъ кандидатовъ, то подача голосовъ дѣйствительна, и тогда уже третій ревизоръ объявляетъ имя избраннаго, которое и отмѣчаетъ у себя въ спискѣ.

Такую отмѣтку дѣлаютъ и прочіе кардиналы.

Тотчасъ послѣ пересмотра билетиковъ, если окажется подача голосовъ неправильной, ревизоръ сжигаетъ ихъ въ особо устроенной за алтаремъ печкѣ и струйка голубоватаго дыма, выходя черезъ узкую трубку въ окно капеллы, извѣщаетъ народъ, стоящій вокругъ дворца, что избраніе не состоялось.

Баллотировка начинается на другой день и совершается всякій день утромъ и вечеромъ, впредь до избранія Папы. Если же избраніе затягивается на продолжительное время, то, для ускоренія избранія, положено, спустя три дня, постепенно уменьшать пищу кардиналовъ и въ концѣ концовъ ограничивать ихъ дневную пищу однимъ какимъ-либо блюдомъ.

Конклавы бываютъ болѣе или менѣе продолжительны. Извѣстно, что конклавъ при избраніи Пія VIII продолжался 32 дня, а Григорія XVI—50 дней. Конклавъ же 1878 г., при избраніи Папы Льва XIII, отличался краткостью. На второй день уже обозначилось имя кардинала Печчи, будущаго Папы Льва XIII, который былъ избранъ „per accessum“.

Если же, при сочтеніи голосовъ, окажется $^2/_3$ ихъ въ пользу какого-либо кардинала, то избраніе его на папство считается законнымъ и кардиналъ-діаконъ звонкомъ приглашаетъ въ капеллу церемоніймейстеровъ и, въ сопровожденіи ихъ, кардиналы: деканъ, первый епископъ, первый пресвитеръ первый діаконъ и камерлингъ подходятъ къ избранному и кардиналъ-деканъ спрашиваетъ его согласіе на избраніе: „Acceptas-ne electionem de te canonice factam in summum Pontificem" (принимаешь-ли ты избраніе канонически совершенное о тебѣ въ верховные Первосвященники). Получивъ утвердительный отвѣтъ, а также узнавъ имя, которое вновь избранный желаетъ носить, будучи Папою [16]), кардиналъ-деканъ преклоняетъ передъ нимъ колѣна, а всѣ кардиналы, по знаку церемоніймейстера, встаютъ, что служитъ актомъ выраженія почтенія новому Первосвященнику.

Едва только избранный произнесетъ согласіе занять папскій престолъ, всѣ балдахины, устроенные надъ сидѣніями кардиналовъ, опускаются при помощи шнурковъ, только балдахинъ новаго Папы остается распростертымъ надъ нимъ.

Два кардинала, ближайшіе его сосѣди по мѣсту въ капеллѣ, отдаляются отъ него изъ уваженія къ его новому, высокому сану.

Тотчасъ церемоніймейстеромъ о совершившемся избраніи, въ присутствіи свидѣтелей, составляется актъ, а два старшихъ кардинала-діакона приглашаютъ вновь избраннаго облачиться въ одѣянія [17]), приличныя его новому сану. Для этого онъ подходитъ къ престолу и, послѣ краткой молитвы, съ помощью кардиналовъ-діаконовъ, снимаетъ обыкновенныя кардинальскія одежды, которыя составляютъ достояніе церемоніймейстеровъ и надѣваетъ бѣлые чулки, красныя бархатныя сандаліи съ вышитыми золотомъ крестами по срединѣ, бѣлую сутану, поясъ съ золотыми кистями, поверхъ сутаны одѣваетъ кружевной стихарь и короткую мантію, красную скуфейку и епитрахиль, если избранный епископскаго или пресвитерскаго сана, или орарь, если діаконскаго, и впервые даетъ благословеніе свящ. собору кардиналовъ; далѣе садится на богато-убранное подвижное кресло, потомъ надѣваютъ на папу красную мантію и драгоцѣнную митру и сажаютъ на престолъ, а кардиналы, въ знакъ благоговѣйнаго почтенія, покланяются ему въ первый разъ и на колѣняхъ цѣлуютъ его ногу и руку и, поднявшись, получаютъ отъ него лобзаніе мира.

---

[16]) По установившемуся обычаю Папа не можетъ принять имени Петра.

[17]) Такъ какъ нельзя заранѣе предвидѣть какого роста будетъ папа, и чтобы онъ могъ тотчасъ, по избраніи, облачиться въ соотвѣтствующія своему сану одѣянія, то приготовляютъ эти одѣянія, начиная съ шапочки и кончая туфлями на три различныхъ роста.

Кардиналъ-камерлингъ, или кардиналъ-деканъ снимаетъ съ пальца папы кардинальскій перстень и надѣваетъ на него кольцо Рыбаря, которое папа передаетъ церемоніймейстеру для вырѣзыванія на немъ своего имени. Между тѣмъ первый кардиналъ-діаконъ, испросивъ разрѣшеніе верховнаго первосвященника возвѣстить народу объ его избраніи, въ сопровожденіи церемоніймейстера съ папскимъ крестомъ, выходитъ на ватиканскій балконъ и объявляетъ римскому народу о случившемся событіи слѣдующими словами: „Annuntio vobis gaudium magnum: Papam habemus, Reverendissimus Dominus Cardinalis N. electus est in Summum Pontificem et elegit sibi nomen X.“ (возвѣщаю вамъ радость великую: у насъ есть папа, досточтимый господинъ кардиналъ N избранъ въ верховные первосвященники и избралъ себѣ имя X.).

Въ то-же время новаго папу несутъ на подвижномъ креслѣ въ ризницу, гдѣ надѣваютъ на него вмѣсто красной бѣлую мантію и златотканную митру; потомъ въ сопровожденіи кардиналовъ и всѣхъ придворныхъ чиновъ онъ отправляется въ Сикстинскую капеллу, гдѣ надъ престоломъ устраивается балдахинъ изъ краснаго бархата съ золотыми кистями и бахромою, на которомъ красуется гербъ новаго папы, а за престоломъ помѣщается образъ, на которомъ изображенъ Спаситель, повелѣвающій своимъ апостоламъ идти на проповѣдь Евангелія всей твари. Здѣсь сажаютъ папу среди престола на подушкѣ и совершаютъ предъ нимъ поклоненіе во второй разъ. Послѣ сего новаго папу, въ сопровожденіи свящ. собора кардиналовъ и швейцерской гвардіи, несутъ на подвижномъ креслѣ въ церковь св. Петра. Въ продолженіе этого шествія хоръ многократно повторяетъ сантифонъ „Ecce socerdos magnus“ (се великій священникъ) и пр. Когда такимъ образомъ папа достигнетъ капеллы Св. Таинъ, его принимаетъ ватиканскій капитулъ, при пѣніи стиха „Tu es Petrus“ (ты еси Петръ). Папа сходитъ съ кресла и преклоняетъ колѣно предъ Св. Тайнами. Послѣ краткой молитвы, онъ снова садится на кресло и его несутъ къ главному престолу. Здѣсь онъ сходитъ съ кресла и вновь преклоняетъ колѣно, потомъ сажаютъ его на подушку среди престола и совершаютъ предъ нимъ поклоненіе въ третій разъ. Далѣе папа, безъ митры, обратившись къ народу, даетъ ему впервые торжественное благословеніе, послѣ котораго садится на подвижное кресло, и его несутъ въ такъ называемую капеллу жалости для разоблаченія.

Если избранъ на папство кто-либо изъ епископовъ, какъ и бываетъ большею частью въ настоящее время, то онъ не получаетъ никакого новаго посвященія; если же избранный въ папы имѣетъ только какую-либо изъ низшихъ іерархическихъ степеней, то онъ производится въ высшія степени по тому же чину, какъ и другіе ставленники. Измѣненіе бываетъ

въ этомъ случаѣ лишь во второстепенныхъ обрядахъ: такъ напр. если избранный на папскій престолъ посвящается во діакона или пресвитора, то посвящающій не спрашиваетъ архидіакона объ его достоинствѣ, не благословляетъ его, а самъ получаетъ отъ него благословеніе; также самъ возглашаетъ ему многолѣтіе, а не наоборотъ; при посвященіи новоизбраннаго папы во епископа опускается испытаніе его въ догматахъ вѣры, не вручается ему пастырскаго жезла, посвящающій не участвуетъ вмѣстѣ съ нимъ въ освященіи Даровъ, и т. п. Папу посвящаетъ во пресвитора и епископа кардиналъ-деканъ свящ. собора кардиналовъ съ другими двумя старѣйшими кардиналами-епископами. Посвященіе папы во епископа совершается предъ главнымъ престоломъ въ базиликѣ Петровой, гдѣ никто другой не можетъ быть посвящаемъ, кромѣ епископа римскаго.

Въ память избранія папы, впослѣдствіи, чеканятъ медали изъ золота, серебра и бронзы, которыя раздаются кардиналамъ, прелатамъ, дипломатическому корпусу аккредитованному при Ватиканѣ и роднымъ новаго папы.

За возведеніемъ на престолъ папы слѣдуетъ его вѣнчаніе или коронованіе.

II.

Обычай коронованія римскихъ первосвященниковъ восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ. Первая таковая коронація относится ко Льву III (795—816) или Николаю I (858—867).

Церемонія коронованія происходила обыкновенно въ базиликѣ Латеранской [18]), а затѣмъ въ базиликѣ св. Петра, гдѣ первоначально предполагалось короновать и папу Льва XIII (1878 г.); на самомъ же дѣлѣ послѣдняя коронація происходила въ Сикстинской капеллѣ Ватикана.

Для папскихъ коронованій избирается обыкновенно праздничный или воскресный день [19]), хотя многіе папы, въ томъ числѣ Климентъ II

---

[18]) Базилика Латеранская сперва была посвящена Спасителю, какъ о томъ свидѣтельствуетъ древній мозаичный образъ Спаса на главномъ входѣ; въ VII вѣкѣ эту базилику посвятили двумъ великимъ проповѣдникамъ: Іоанну Предтечѣ и Іоанну Богослову. Надъ главнымъ престоломъ этой базилики высокая сѣнь подъ балдахиномъ на 4 гранитныхъ столбахъ поддерживаетъ готическій кивотъ, гдѣ хранятся честныя главы верховныхъ Апостоловъ Петра и Павла. Одинъ только Епископъ Римскій или тотъ, кому онъ дозволитъ письменно, имѣетъ право совершать литургію подъ сѣнью главъ Апостольскихъ на главномъ Латеранскомъ престолѣ, такъ какъ подъ мраморною его плитою находится, какъ говорятъ, та доска, на которой служилъ обѣдню Апостолъ Петръ. Обычное богослуженіе въ базиликѣ бываетъ ежедневно на другомъ престолѣ. Въ Латеранской базиликѣ, какъ говоритъ преданіе, хранится столъ Тайной вечери. Трапеза эта находится подъ стекломъ съ лѣвой стороны главнаго престола.

[19]) Коронованіе папы Льва XIII было въ воскресенье 3 марта 1878 г.

(1187—1191), Павелъ III (1534—1549), были коронованы въ будничные дни.

Прежде, когда папы жили въ Квириналѣ, они, за нѣсколько времени до дня коронованія, въ сопровожденіи благородной гвардіи, отправлялись въ Ватиканъ, откуда уже, въ назначенный день, облачившись въ первосвященническія ризы и сидя на „sedia gestatoria“ [20]), окруженные всѣми сановниками и всею пышностію папскаго двора, торжественно вносились въ базилику св. Петра. По прибытіи папы въ базилику его святѣйшество [21]) сходитъ съ „Sedia“ и садится на тронъ, воздвигнутый въ сѣняхъ противъ св. дверей.

Къ трону приближается кардиналъ-пресвитеръ базилики, восходитъ по ступенямъ его, цѣлуетъ ногу и руку папы и обращается къ нему съ рѣчью, въ которой проситъ принять поздравленіе капитула св. Петра восшествіемъ на папскій престолъ, выражаетъ свою радость и радость капитула по случаю этого событія и наконецъ проситъ, чтобы папа допустилъ членовъ духовенства къ цѣлованію его ноги и, по полученіи согласія, духовенство базилики и приходское и другіе чины по очереди подходятъ и цѣлуютъ ногу папы. Получивъ, цѣлованіе папа садится на „sedia“ и вносится въ базилику черезъ главныя двери, на которыхъ изображены его гербы среди изображеній Св. Петра и Павла.

При входѣ въ базилику церемоніймейстеръ, держа въ рукахъ длинный жезлъ, на концѣ котораго прикрѣплена пакля, преклоняетъ предъ папою колѣна, при чемъ одинъ изъ клириковъ, свѣчею зажигаетъ эту паклю.

Во время горѣнія пакли колѣнопреклоненный церемоніймейстеръ, поетъ „Pater sancte, sic transit gloria mundi“. (Святой отецъ, такъ

---

[20]) «Sedia gestatoria»—роскошно убранное, кресло поставленное на носилки, на которомъ возсѣдаетъ первосвященникъ во время торжественныхъ процессій. Двѣнадцать носильщиковъ поднимаютъ эти носилки на свои плечи и такимъ образомъ папа, сидя на Sedia бываетъ виденъ всѣмъ, мимо кого двигаются эти носилки, по бокамъ которыхъ идутъ камергеры съ опахалами изъ павлиньихъ перьевъ. Великолѣпный балдахинъ, поддерживаемый 8-мью камергерами въ фіолетовой одеждѣ, колеблется надъ первосвященникомъ, возсѣдающимъ на «Sedia» и благословляющимъ народъ.

[21]) Кромѣ титула святѣйшества папа пользуется слѣдующими титулами: «Vicarius Iesu Christi» (Викарій Іисуса Христа), «Successor Petri» (преемникъ Петра), «Rector Ecclesiae Universalis eiusque sponsus» (правитель вселенной церкви и ея женихъ), «Domini Dei Vicarius» (Господа Бога викарій), «Orbis lumen» (свѣтъ міра), «Doctor gentium» (наставникъ народовъ), «Pastor pastorum» (пастырь пастырей), «Servus servorum Dei» (слуга слугъ Божіихъ), «Pastor Domini gregis» (пастырь стада Христова), «Aulae coelestis claviger» (ключарь царствія небеснаго), «Princeps omnium Christianorum» (князь всѣхъ христіанъ), «Apostolicae sedis Praesus» (Апостольскаго престола предстоятель), «Pontifex maximus» (верховный первосвященникъ), «Doctor universalis Ecceclesiae» (учитель вселенской церкви), «Pater Principum et regum» (отецъ князей и царей), «Rector orbis» (правитель вселенной) и т. д.

проходитъ слава міра). Эта аллегорическая церемонія повторяется трижды: при входѣ въ базилику, передъ статуей св. Петра посрединѣ базилики, и передъ капеллой св. Мартиніана.

Слова, произносимыя при этой церемоніи должны напоминать первосвященнику, посреди пышности окружающей его обстановки, что мірская слава такъ же скоро проходитъ, какъ пламя пакли, которое кончается въ ту самую минуту, когда началось.

Въ базиликѣ папа сходитъ съ „sedia", совершаетъ краткую молитву предъ алтаремъ и садится на приготовленный тронъ, къ которому приближаются кардиналы, чтобы облобызать руку папы.

Затѣмъ всѣ чины св. коллегіи облачаются въ присвоенныя ихъ званію одежды и начинается торжественная месса, которую папа совершаетъ въ первый разъ. Во время этой мессы первосвященникъ принимаетъ знаки своего высокаго сана: первосвященническій палліумъ [24]) и тіару.

Возложеніе палліума на папу происходитъ слѣдующимъ образомъ: Послѣ исповѣдной молитвы (confiteov) папа отходитъ отъ престола и садится посреди капеллы на sedia, три первые кардинала-епископы читаютъ надъ папою приличныя случаю молитвы, въ это время къ нему приближается первый кардиналъ-діаконъ, снимаетъ съ него митру и, при помощи второго кардинала-діакона, возлагаетъ на его плечи первосвященническій палліумъ, который прикрѣпляетъ вокругъ шеи его святѣйшества тремя украшенными драгоцѣнными камнями, золотыми булавками, долженствующими изображать три гвоздя, которыми былъ пригвожденъ къ кресту Спаситель.

---

[24]) Палліумъ есть повязка изъ шерсти ослѣпительной бѣлизны съ шестью затканными черными крестами, носится она на плечахъ, причемъ какъ на грудь такъ и на спину свѣшиваются концы.

Pallium ткутъ изъ шерсти ягнятъ, которыхъ для этой цѣли освящаетъ папа, церемонія освѣщенія ягнятъ происходитъ ежегодно 21 января, въ день памяти св. Агнессы. Въ означенный день каноники базилики св. Іоанна Латеранскаго подносятъ къ сидящему на тронѣ папѣ для освѣщенія двухъ маленькихъ бѣлыхъ ягнятъ, великолѣпно разукрашенныхъ лентами. Затѣмъ эти ягнята поручаются заботамъ и попеченіямъ сестеръ монастыря св. Агнессы, которыя издавна обязаны были бережно охранять этихъ животныхъ, сбирать съ нихъ шерсть и приготовлять изъ нія pallium'ы.

Pallium служитъ знакомъ всемірной юрисдикціи Римскихъ Первосвященниковъ, они имѣютъ право носить его всегда и вездѣ — «semper ubique». Папы даруютъ право ношенія палліума нѣкоторымъ архіепископамъ и епископамъ при исполненіи епископскихъ обязанностей. Лица, пожалованныя палліумомъ не могутъ передавать его другому, такъ, митрополитъ не можетъ служить мессу съ палліумомъ, принадлежащимъ другому духовному сановнику. Епископъ, которому пожалованъ палліумъ можетъ носить его только въ предѣлахъ своей епархіи; если онъ отказывается отъ своей каѳедры, онъ отказывается и отъ палліума. Когда палліумъ, за ветхостью, не можетъ быть болѣе употребляемъ, то согласно декрету конгрегаціи обрядовъ онъ сжигается и пепелъ, оставшійся отъ него бережно сохраняется.

Украшая первосвященника палліумомъ, первый кардиналъ-діаконъ произноситъ: „Accipe pallium sanctum, plenitudinem pontificalis officii, ad honorem Omnipotentis Dei, et gloriosissimae Virginis Mariae, eius matris, et beatorum Apostolorum Petri et Pauli, et sanctae romanae Ecclesiae“. (Прими святой палліумъ, полноту первосвященнической обязанности, въ честь Всемогущаго Бога, Славнѣйшей Дѣвы Маріи, Его Матери, блаженныхъ апостоловъ Петра и Павла, и св. римской церкви). Затѣмъ первосвященникъ возвращается къ престолу, цѣлуетъ его и лежащее на немъ Евангеліе, и послѣ кажденія, садится на первосвященническій тронъ, къ которому приближаются кардиналы и цѣлуютъ у папы ногу и руку и получаютъ отъ него въ свою очередь лобзанія, патріархи, архіепископы и епископы, преклонивъ колѣна, цѣлуютъ у папы ногу и правое колѣно, аббаты, носящіе митры, цѣлуютъ только ногу [25]).

Возлагая на голову первосвященника тіару [26]), первый кардиналъ-діаконъ, которому принадлежитъ это право, торжественно произноситъ: „Accipe tiaram tribus coronis ornatam et scias, te esse patrem principum et regum, rectorem orbis, in terra vicarium Salvatoris Nostri Jesu Christi, cui est honor et gloria in saecula saeculorum. Amen“ (прими тіару, украшенную тремя коронами и да будетъ тебѣ извѣстно, что ты отецъ князей и царей, правитель вселенной, на землѣ викарій Спасителя нашего Іисуса Христа, Которому честь и слава во вѣки вѣковъ. Аминь).

По окончаніи мессы къ папѣ, сидящему на sedia, подходятъ кардиналъ-пресвитеръ базилики съ двумя старшими канониками и подносятъ ему бѣлый шелковый кошелекъ, вышитый золотомъ, съ 25 монетами, прося принять его, какъ даръ духовенства базилики за хорошо отслуженную мессу (pro missa bene cantata). Папа, допустивъ кардинала-пресвитера поцѣловать руку и канониковъ ногу, передаетъ кошелекъ кардиналу-діакону.

Получивъ знаки своего достоинства, даръ и поклоненіе капитула св. Петра, папа, на „sedia“ подъ балдахиномъ, въ сопровожденіи бле-

---

[25]) Кардиналы цѣлуютъ ногу папы только: 1) въ день его избранія и коронованія; 2) въ день возведенія ихъ въ кардинальское достоинство, когда они представляются папѣ въ первый разъ; 3) когда кардиналы откланиваются его святѣйшеству, отправляясь въ миссію или когда возвращаются изъ нея и, наконецъ, 4) когда кардиналъ назначается на важную должность въ священной коллегіи.

[26]) Тіара—головной уборъ папы, употребляемый имъ при торжественныхъ церемоніяхъ, состоитъ изъ трехъ соединенныхъ вмѣстѣ коронъ и имѣетъ форму конуса. Эти три короны суть эмблемы властей: первосвященнической, царской и королевской, которыя соединяетъ въ своей особѣ преемникъ св. Петра. Обыкновенно тіары дѣлаются изъ парчи, бархата или другой матеріи бѣлаго цвѣта и три короны обрисовываются на бѣломъ фонѣ тремя рядами драгоцѣнныхъ камней. Верхняя часть тіары дѣлается изъ золота и увѣнчивается брилліантовымъ крестомъ.

стящей свиты, направляется къ большому балкону базилики, гдѣ приготовленъ для него тронъ.

Первосвященникъ, облаченный въ ризы, съ челомъ, украшеннымъ тіарою, окруженный священной коллегіей и сановниками своего двора, садится на тронъ, читаетъ установленныя молитвы и благословляетъ [27]) собравшійся на площади народъ.

Два кардинала объявляютъ вѣрнымъ, одинъ по латыни, другой по итальянски, формулы полнаго отпущенія грѣховъ получившимъ папское благословеніе.

Преподавши благословеніе, папа возвращается въ базилику, гдѣ, въ присутствіи прелатовъ своего двора, снимаетъ первосвященническія ризы и надѣваетъ короткую мантію.

Въ это время члены священной коллегіи снимаютъ также свои облаченія и надѣваютъ простыя мантіи. Затѣмъ кардиналъ-деканъ подходитъ къ его святѣйшеству и произноситъ поздравительную рѣчь, въ которой перечисляетъ добродѣтели первосвященника, способствовавшія ему сдѣлаться главою церкви, желаетъ ему длинное и славное царствованіе.

Поблагодаривъ священную коллегію за поздравленіе и попросивъ членовъ ея помогать ему совѣтами въ дѣлахъ управленія церковью, папа, предшествуемый крестомъ, окруженный своею свитою удаляется во внутреннія апартаменты.

III.

Римскій первосвященникъ избирался въ прежнее время изъ лицъ, принадлежавшихъ къ разнымъ степенямъ церковной іерархіи и однажды, какъ исторія повѣствуетъ, былъ возвышенъ до папскаго достоинства міряининъ въ лицѣ Іоанна XX (1024—1033).

Въ первые времена немного лицъ, облеченные въ санъ иподіаконовъ были возведены на первосвященническій престолъ. Избирали чаще всего діаконовъ, рѣдко священниковъ и еще рѣже епископовъ. Таковъ былъ порядокъ, оправдываемый необходимостью тѣхъ отдаленныхъ временъ. Возведенный на папскій престолъ изъ клириковъ долженъ быть посвященъ въ епископы, при чемъ имѣвшій діаконскую степень посвящался прямо въ епископы [28]). Съ IX вѣка этотъ порядокъ измѣнился

[27]) Благословеніе, преподаваемое Папою съ балкона св. Петра въ день коронованія называется «benedictio Urbi et orbi» (благословеніе городу и міру). Съ этимъ благословеніемъ связано полное отпущеніе грѣховъ.

[28]) Папа смотря по тому, какъ онъ считаетъ нужнымъ, можетъ получить въ одинъ день отъ старѣйшаго кардинала всѣ степени священства до епископа включительно, если онъ не имѣлъ таковыхъ до избранія.

и Григорій VII (1073—1085), будучи до папства діакономъ, былъ посвященъ сперва въ пресвитеры, а затѣмъ въ епископы. То же надо сказать о Геласіѣ II (1118—1119).

Первый Римскій первосвященникъ, облеченный до своего избранія въ епископскій санъ, былъ Формозъ (891—896) епископъ Порто, хотя у церковныхъ историковъ мы находимъ, что еще св. Линъ (66—67), до избранія его въ папы, былъ посвященъ св. Петромъ въ епископы.

О посвященіи папы въ санъ епископа.

Папѣ, какъ верховному главѣ римской церкви, приличествуетъ носить высшую степень священства, т. е. санъ епископа, кромѣ того этотъ санъ подобаетъ папѣ, какъ епископу города Рима. Вотъ почему вновь избранный на папскій престолъ, если онъ не имѣлъ епископскаго сана, посвящается въ оный.

Въ послѣдствіи церковная практика очень измѣнилась потому, что, съ конца XIII вѣка, вошло въ обычай избирать папу изъ среды епископовъ. Послѣдніе папы, не имѣвшіе, до избранія на папскій престолъ, епископскаго сана были: Климентъ VIII (1592—1605), Климентъ XII (1700 — 1711), Пій VI (1775 — 1799) и Григорій XVI (1831—1846). Изъ приведеннаго видно, что избираемымъ въ папы можетъ быть даже міряниеъ, но послѣ Урбана VI (1378—1389) въ первосвященники избирался всегда одинъ изъ кардиналовъ. Кардиналъ епископъ Остіи, онъ же деканъ священной коллегіи, въ присутствіи кардиналовъ епископовъ Порто и Альбано, имѣлъ съ первыхъ вѣковъ церкви привиллегію посвящать первосвященника въ санъ епископа, если вновь избранный не имѣлъ таковаго сана въ моментъ возведенія его на папскій престолъ. Эта привиллегія продолжается до нашего времени и сдѣлалась нынѣ правомъ каѳедры Остіи.

Въ случаѣ, если епископъ альбанскій не можетъ быть почему-либо однимъ изъ трехъ кардиналовъ, посвящающимъ папу, тогда кардиналъ-епископъ сабинскій причисляется къ двумъ первымъ для участія въ торжествѣ, въ которомъ принимаетъ также участіе первый кардиналъ-пресвитеръ, три кардинала-діакона, наконецъ всѣ члены священной коллегіи, облеченные въ бѣлыя ризы, свойственныя ихъ сану, и сановники папскаго двора.

Нѣтъ необходимости, чтобы въ одинъ и тотъ же день первосвященникъ былъ посвященъ и коронованъ, примѣръ тому видимъ мы въ

лицѣ папы Климента XIV (1769—1774), который не пожелалъ соединить эти двѣ церемоніи.

До начала торжественной мессы папа, облачившись на тронѣ въ первосвященническія ризы, направляется къ алтарю, гдѣ кардиналъ-діаконъ снимаетъ съ него митру и послѣ краткой молитвы первосвященникъ на колѣняхъ произноситъ исповѣданіе вѣры, послѣ чего онъ входитъ по ступенямъ алтаря, около котораго становится на колѣни.

Также становятся на колѣни кардиналъ-деканъ съ лѣвой стороны папы и два кардинала-епископа позади первосвященника.

Стоя такимъ образомъ эти три кардинала дѣлаютъ надъ вновь избраннымъ обычныя благословенія, возложеніе рукъ, и прикасаются къ головѣ его раскрытымъ евангеліемъ.

Затѣмъ кардиналъ-деканъ совершаетъ священное помазаніе на головѣ и рукахъ папы.

Совершивъ помазаніе главы и рукъ первосвященника, кардиналъ-деканъ одѣваетъ на палецъ папы первосвященническій перстень [29]) и съ двумя кардиналами ассистентами, послѣ глубокаго поклоненія, отходитъ въ сторону. Въ то же время старшій кардиналъ-діаконъ отираетъ папѣ главу, на которой сдѣланы знаки помазанія и вымываетъ ему руки.

Первосвященникъ, стоя у алтаря, окруженный кардиналомъ-деканомъ, кардиналомъ-діакономъ, апостольскимъ иподіакономъ и другими сановниками, начинаетъ мессу, которая идетъ обычнымъ порядкомъ.

По окончаніи мессы папа, преподавъ апостольское благословеніе присутствующимъ, въ сопровожденіи священнаго собора и свиты, возвращается во внутренніе покои дворца.

[29]) Перстень, который папа носитъ во время большихъ религіозныхъ торжествъ, состоитъ изъ одного драгоцѣннаго брилліанта продолговатой формы, оправленнаго въ золото; вокругъ брилліанта читается съ одной стороны: Pius VII (Пій VII), а съ другой Pont. Max. (вел. первосв.). Этотъ перстень обязанъ своимъ существованіемъ названному первосвященнику (1800—1823).

Кромѣ перстня, употребляемаго при парадныхъ церемоніяхъ папа носитъ постоянно другой, менѣе цѣнный, чѣмъ первый. Это, по большей части, золотое кольцо съ камеей изъ драгоцѣннаго камня. Пій VII носилъ обыкновенно камею съ изображеніемъ Св. Дѣвы, Левъ XII (1823—1829) кольцо съ камеей, изображающей ликъ Спасителя, окруженный брилліантами.

Употребленіе перстней восходитъ къ весьма отдаленнымъ временамъ. Стефанъ I, избранный въ 253 г., употреблялъ особенный перстень при исполненіи своихъ обязанностей. Извѣстно, что по открытіи гробницы, гдѣ находилось тѣло Бонифація VIII (1294—1303), на его пальцѣ нашли прекрасный перстень, украшенный драгоцѣннымъ сафиромъ.

ЗАРУБЕЖНОЕ СЛАВЯНСТВО.

Русско-Буковинскія дѣла.

(Окончаніе [1]).

Вмѣшательство поляковъ въ румынскія дѣла возмутило не только православное духовенство, но и мірскихъ лицъ — политическихъ представителей румынскаго народа. Осенью 1892 г. возникла въ Вѣнѣ распря между „Польскимъ Коломъ" и румынскими послами. Польское „Коло" имѣло особое засѣданіе для обсужденія буковинскихъ дѣлъ. Докторъ Витолдъ Левицкій сваливалъ всю вину румынскаго антагонизма на президента области—барона Крауса и предложилъ отъ имени „Кола" послать депутацію къ министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою о томъ, чтобъ онъ взялъ подъ свою защиту „славянское" населеніе Буковины. Румыны же обратились къ Гогенварту, прося у него заступничества. Распря возобновилась въ маѣ 1894 г., а такъ какъ поляки настойчиво требовали удаленія барона Крауса, то правительство, зависящее главнымъ образомъ отъ поляковъ и нѣмцевъ-либераловъ, вынуждено было удовлетворить ихъ желаніе. Баронъ Краусъ получилъ отставку, а его мѣсто занялъ въ іюнѣ 1894 г. новый президентъ Гоэсъ.

Поляки самою главною задачею своею считали привить къ тамошнимъ русскимъ малорусскій національный сепаратизмъ. Стремленія ихъ въ этомъ дѣлѣ сошлись, повидимому, съ германскою политикою, пытающейся направить поляковъ на востокъ. Одновременно, когда философъ Гартманнъ писалъ свою книжку о необходимости раздробленья Россіи и учрежденія новаго малорусско-польскаго государства съ столицей въ

[1]) См. Кн. V., за м. май 1895 г.

Кіевѣ, нѣмецъ Гартнеръ, профессоръ черновецкаго университета, уговорилъ своего сослуживца Смаль-Стоцкаго, выступить съ предложеніемъ введенія украинскаго фонетическаго правописанія въ русскихъ школьныхъ учебникахъ Галичины и Буковины. Политика перенеслась на лингвистическое поле. Интересъ германской политики требовалъ, чтобы русскіе Австро-Венгріи сознавали себя отдѣльнымъ отъ великороссовъ народомъ, а такъ какъ по мнѣнію языковѣдовъ письмена просвѣтителей славянъ свв. Кирилла и Меѳодія дали начало славянской письменности, то должно быть, разсуждали нѣмецкіе политики, новое правописаніе положитъ основаніе новой малорусской національности. Для славянъ, по мнѣнію нѣмцевъ, буква и внѣшнее изображеніе словъ составляетъ главную вещь въ духовной области. Вѣдь исправленіе текста богослужебныхъ книгъ дало начало русскому расколу. Особое правописаніе можетъ внести расколъ въ національную область русскихъ.

Эти расчеты не обманули. Вопросъ о правописаніи еще болѣе разъединилъ русскихъ въ Австріи и вырылъ непроходимую пропасть между украинофилами и такъ называемыми старорусcами. Министръ просвѣщенія Гаучъ рескриптомъ отъ 1886 г. пригласилъ школьныя рады (областныя управленія по учебному дѣлу) Буковины и Галичины составить съѣзды для обсужденія вопроса о правописаніи, собственно для введенія въ учебники правописанія, употребляемаго украинцами въ ихъ простонародной литературѣ и въ словарѣ Желеховскаго. Оба съѣзда заявили себя противъ украинскаго правописанія. Проектъ предложенъ былъ собраніямъ учителей народныхъ школъ въ отдѣльныхъ уѣздахъ. Учителя уѣздовъ: Черновецъ, Выжница, Сторожинецъ и Радовецъ высказались противъ замѣны азбуки, за нее подали голоса учителя уѣздовъ: Сочава, Коцмань и Серетъ. Сама же буковинская школьная рада на засѣданіи 23-го августа 1892 г. отклонила фонетику, какъ неумѣстную по научнымъ и дидактическимъ соображеніямъ, но должна была свои убѣжденія принести въ жертву политикѣ въ виду настойчивыхъ требованій тѣхъ, которые рѣшились во что бы ни стало дать новое направленіе умственной и политической жизни малороссовъ. Спустя семь дней послѣ упомянутаго засѣданія, школьная рада приняла обратное рѣшеніе и постановила 30-го августа ввести фонетику въ школахъ Буковины на пробу. Съ начала учебнаго года 1894 фонетика въ силу министерскаго распоряженія сдѣлалась обязательною для Галичины и Буковины, не смотря на многочисленные протесты населенія.

Одновременно съ мѣрами, предпринятыми на литературномъ полѣ, началась горячая борьба въ политической и общественной областяхъ про-

тивъ старорусcовъ, нежелающихъ служить орудіемъ нѣмецкой и польской политики. Какъ можно политику вводить въ словесность, и законы, управляющіе умственной жизнью народовъ, извращать для политическихъ цѣлей? возражали они. Какъ надо писать, какъ слѣдуетъ правильно говорить,—можетъ рѣшить единственно наука. Для чего нѣмцы и поляки у себя не вводятъ фонетики? Для чего нѣмцы и поляки не пишутъ на простонародныхъ нарѣчіяхъ, а развиваютъ общій литературный языкъ и настаиваютъ на его правильности? Должны ли малороссы быть глупѣе, чѣмъ они, для того, чтобъ тѣмъ легче они могли сдѣлаться добычею иностранцевъ?

Эти возраженія возбудили гнѣвъ у противной стороны и вотъ началось гоненіе на отдѣльныхъ лицъ изъ старорусcовъ, чтобъ такимъ образомъ напугать прочихъ. Львовское „Дѣло“, черновецкая „Буковина“, „Газета Польская“ и „Bukowiner Nachrichten“ подняли крестовый походъ противъ старорусской партіи, прежде всего противъ Козарищука, редактора выходящей въ Вѣнѣ „Науки“, и Купчанка, редактора-издателя „Русской Правды“ (теперь „Просвѣщеніе“). Ихъ газеты расходились среди крестьянъ Буковины и имѣли большое вліяніе на населеніе. Въ 1892 г. появилась книжка: „Руско питанье (вопросъ) на Буковинѣ,—обговоривъ буковинскій православный русинъ. Черновцы 1892“,—направленная противъ старорусcовъ и упрекающая ихъ въ неблагонадежности по отношенію къ Австро-Венгріи. „Русины должны“, говорится въ этой книжонкѣ, „во всемъ повиноваться правительству, ибо они многимъ одолжены ему; правительство желаетъ лишь блага для нихъ; оппозиція противъ реформъ въ школьной области и на политическомъ поприщѣ неумѣстна“. Какъ извѣстно, въ Австріи, какъ конституціонной державѣ, нѣтъ правительства съ прочной, постоянной программой по внутренней и внѣшной политикѣ, но вслѣдствіе зависимости министерства отъ парламента, составъ послѣдняго придаетъ направленіе управленію государства. Такъ какъ составъ парламента при новыхъ выборахъ можетъ перемѣниться, то съ новымъ парламентомъ можетъ стать во главѣ государственныхъ дѣлъ новое правительство, руководящееся тѣми правилами, за которыя прежніе заправилы преслѣдовали. Поэтому повиновеніе правительству имѣетъ въ Австріи собственно значеніе подчиненности партіямъ, пріобрѣтшимъ случайно перевѣсъ на выборахъ. Чтобъ избѣгнуть взаимнаго притѣсненія партій, конституція обезпечиваетъ за каждымъ гражданиномъ свободу мнѣнія по государственнымъ дѣламъ, требуя лишь повиновенія законамъ, и потому законная оппозиція противъ правительственныхъ распоряженій тамъ дозволительна. Кто стоитъ въ оппо-

зиціи съ временнымъ правительствомъ, тотъ еще не государственный преступникъ, онъ даже можетъ быть лучшимъ австрійскимъ патріотомъ, чѣмъ временные заправилы. Поэтому требованіе, чтобы русскіе слѣпо повиновались правительству въ Австро-Венгріи, не имѣетъ смысла; оно значитъ, собственно, что русскіе должны отказаться отъ дарованныхъ имъ конституціею правъ, сдѣлаться орудіемъ германо-мадьяро-польской политики.

Такимъ образомъ, неслушавшіеся правительства буковинцы вовсе не поступали противъ государственныхъ законовъ, а напротивъ дѣйствовали въ ихъ духѣ. Не смотря на это, государственная прокуратура въ Черновцахъ затѣяла полицейскій процессъ противъ старорусской партіи. Она предложила 13 декабря 1892 г. областному суду возбудить судебное слѣдствіе противъ Даніила Михайловича Козарищука, редактора „Науки“, будто бы по поводу нарушенія имъ общественнаго порядка. Преступленіе Даніила Козарищука состояло будто бы въ томъ, что въ своемъ журналѣ онъ осуждалъ экономическія отношенія и условія быта русскихъ крестьянъ въ Галичинѣ и Буковинѣ съ преступной цѣлью, направленной противъ австрійской администраціи, и будто бы вредной ея авторитету, и восхвалялъ съ преувеличеніемъ заботливость русскаго правительства о хозяйственномъ благосостояніи крестьянъ въ Россіи. Кромѣ того онъ будто бы хотѣлъ подстрекать русскихъ крестьянъ противъ администраціи посредствомъ личнаго вліянія на нихъ въ этомъ духѣ на мѣстѣ ихъ жительства. Козарищука подвергли строгому слѣдствію. Его арестовали 21 декабря 1892 г. въ Вѣнѣ. Такъ какъ вѣнскій судъ очень легко могъ признать Козарищука невиновнымъ, то черновецкій судъ затребовалъ переведенія подсудимаго въ Черновцы, не смотря на то, что онъ былъ дряхлымъ, немощнымъ старикомъ, страдавшимъ опасною болѣзнью сердца, десять лѣтъ не былъ въ Буковинѣ и свое мнимое преступленіе совершилъ единственно въ Вѣнѣ. Требованіе черновецкаго суда было въ противорѣчіи съ предписаніями австрійскаго уголовнаго судопроизводства. Судьбой несчастнаго занялся младочехъ д-ръ Вашатый; онъ изложилъ 11 января 1893 г. все дѣло въ вѣнскомъ парламентѣ и склонилъ министра юстиціи въ пользу подсудимаго. Козарищукъ остался подъ арестомъ въ Вѣнѣ, и такъ какъ слѣдствіе не раскрыло никакихъ уликъ по государственной измѣнѣ, то его отпустили на волю. Судебное слѣдствіе было возбуждено также противъ Григ. Ив. Купчанка, редактора-издателя „Русской Правды“ *), но было пріостановлено. Такимъ

*) Теперь это прекрасное иллюстрированное изданіе для народа выходитъ подъ названіемъ «Просвѣщеніе».

образомъ затѣянный политическій процессъ не могъ состояться, благодаря вмѣшательству Вашатаго и относительному безпристрастію вѣнскаго суда. Въ него не могли быть вовлечены и другія лица изъ среды буковинцевъ.

Борьба противъ староруссовъ пошла инымъ путемъ. Въ 1892 г. 23 марта состоялись новые выборы въ буковинскій соймъ изъ сельскихъ общинъ. Изъ русскихъ избраны были: докторъ-медицины Василій Волянъ, Ерофей Пигулякъ, Иванъ Тыминскій и Стефанъ Смаль-Стоцкій. Не смотря на свою малочисленность, они раздѣлились на двѣ партіи. Волянъ и Тыминскій объявили себя сторонниками старорусской исторической партіи

Григорій Ивановичъ Купчанко.

и примкнули къ православнымъ румынамъ, а Пигулякъ и Смаль-Стоцкій, какъ приверженцы польскаго украйнофильства, стали орудіемъ поляковъ и нѣмцевъ. Осенью, при дополнительныхъ выборахъ, былъ избранъ депутатомъ еще о. Бежанъ, православный русскій изъ Становецъ, который и примкнулъ къ двумъ старорусскимъ депутатамъ. Въ то время, какъ эти три старорусскихъ депутата вели себя сдержанно и избѣгали партійной борьбы,—украйнофилы Пигулякъ и Смаль-Стоцкій не упускали

случая на каждомъ засѣданіи идти противъ старорусcовъ. Особенно больно задѣло ихъ избраніе Тыминскаго въ члены краеваго выдѣла (исполнительнаго органа сейма), съ должностью котораго соединено большое жалованье. Они прочили это выгодное мѣсто одному изъ своей партіи. Имъ содѣйствовало, повидимому, правительство, такъ какъ начальникъ Тыминскаго, совѣтникъ Герцогъ, запретилъ ему въ ноябрѣ 1893 г. участвовать въ засѣданіяхъ выдѣла, предоставляя ему на выборъ либо подать въ отставку отъ правительственной службы, либо отказаться отъ званія члена краеваго выдѣла. Тыминскій предпочелъ второе и его противники могли похвалиться побѣдой надъ ненавистнымъ человѣкомъ, котораго они тѣмъ болѣе преслѣдуютъ, что онъ прежде былъ горячимъ приверженцемъ украйнофильства, теперь же, убѣдившись въ непригодности, даже вредѣ для развитія малороссовъ того направленія, какое подъ вліяніемъ поляковъ придается въ Галичинѣ украйнофильству, онъ сталъ на сторону исторической старорусской партіи. Мѣропріятія власти относительно Тыминскаго противорѣчатъ законамъ государства, такъ какъ основные государственные законы оставляютъ за чиновниками право быть избираемыми въ державныя и областныя представительства. Много государственныхъ чиновниковъ состоятъ депутатами въ сеймы и вѣнскую державную думу. Въ Львовѣ есть судебскій чиновникъ д-ръ Даміанъ Савчакъ, состоящій членомъ краеваго выдѣла, но это не мѣшаетъ ему оставаться въ государственной должности. Но съ нимъ другое дѣло: онъ малорусскій отщепенецъ и ничѣмъ не противодѣйствуетъ польскимъ политикамъ.

Ненависть буковинскихъ малорусскихъ отщепенцевъ выбрала было себѣ предметомъ происковъ также студенческое общество „Буковину“, основавшееся 3 (15) мая 1888 г. Оно не было многочисленно; изъ 35—40 русскихъ студентовъ черновецкаго университета принадлежало къ нему обыкновенно 25—30 членовъ. Его вина въ глазахъ сепаратистовъ состояла въ томъ, что его члены обучались русскому литературному языку, разговаривали на немъ и старались въ Буковинѣ распространить знаніе великорусскаго языка и его литературы. У него была библіотека изъ 600 томовъ русскихъ научныхъ сочиненій. Противъ этого общества ратовалъ Пигулякъ въ 1893 и 1894 гг. Въ началѣ 1894 г. въ одной изъ своихъ рѣчей въ сеймѣ назвалъ онъ это общество пагубнымъ для государства и затребовалъ противъ него полицейскихъ мѣръ. Эта пагубность по его мнѣнію состояла—въ употребленіи молодежью въ разговорѣ русскаго литературнаго языка—въ научныхъ книгахъ, находившихся въ библіотекѣ общества. Пигуляку и Смаль-Стоцкому вторила газета „Буковина“, наполнявшая свои столбцы доносами и обвиненьями

въ государственной измѣнѣ членовъ упомянутаго общества. Это была вода на мельницу для тѣхъ, которымъ „московское“ общество было издавна бревномъ въ глазу. Когда вскорѣ состоялось собраніе этого общества и предсѣдатель сталъ говорить на русскомъ литературномъ языкѣ, правительственный коммисаръ воспретилъ говорить на этомъ языкѣ и распустилъ собраніе. По мнѣнію правительственнаго коммисара общество могло употреблять лишь мѣстное буковинско-русское нарѣчіе въ разговорѣ. Не много спустя, 5 іюня, было закрыто и самое общество — подъ предлогомъ, что оно употребляетъ „россійскій“ языкъ. Надобно знать, что нѣтъ закона въ австрійской конституціи, на основаніи котораго полицейскіе чиновники могли-бы навязывать или воспрещать населенію употребленіе извѣстнаго языка.

События, совершившіяся въ послѣдніе года въ политической и общественной жизни русскихъ въ Австріи, подорвали украйнофильство въ этомъ государствѣ и отняли у него то сочувствіе, коимъ оно прежде пользовалось. Украйнофилы прежде представляли собою борцовъ за „волю“ и возвышенные идеалы человѣчества. Они указывали на гоненія, которымъ подвергаются ихъ соумышленники въ Россіи, и это возвышало ихъ значеніе. Молодежь пристрастилась къ поэту Шевченкѣ и ежегодно почти каждый городъ Галичины и Буковины чествовалъ его память. Но вскорѣ украйнофилы обнаружили другія стороны своей партіи. Какъ только поляки и нѣмцы задумали употребить ихъ какъ политическое орудіе, они сейчасъ же оказались готовы къ услугамъ—какъ у насъ говорятъ, за деньги и доброе слово, т.-е. за чины, матеріальныя выгоды и льстивыя слова. Темная сторона прежняго козачества, готоваго служить и Польшѣ и туркамъ и исполнять должность придворной прислуги, выступила въ Австріи опять наружу, какъ бы въ подтвержденіе теоріи Дарвина, по которой отличительны признаки прародителей, повидимому, временно исчезнувшія, вновь возраждаются въ дальнѣйшихъ поколѣніяхъ. Сами поляки должны были съ негодованіемъ признать, что ихъ воспитанники гонятся за чинами, матеріальными выгодами и вовсе не могутъ считаться такими идеальными поборниками свободы и благородныхъ принциповъ, какими они чванятся. Они давали себя избирать въ депутаты при помощи побоевъ и всякаго рода злоупотребленій. Какъ это согласить съ благородствомъ? Они нетерпимы къ другой русской партіи, клевещутъ на нее, возбуждаютъ противъ нея полицейскія власти единственно по той причинѣ, что она не соглашается съ ихъ литературнымъ взглядомъ. Какъ это согласить съ ихъ увѣреніями, что они стоятъ „за волю?“ Въ Россіи украйнофильскіе литераторы состоятъ на государственной службѣ,

преподавателями гимназій и профессорами университетовъ; ихъ никто не преслѣдуетъ. Въ Австріи украйнофилы настаиваютъ, чтобъ противное пхнему мнѣніе, имѣющее чисто научно-литературный характеръ, считалось государственнымъ преступленіемъ и чтобъ каждаго, кто ни заговоритъ по великорусски, запирать въ тюрьму... Если украинофилы, служащіе до сихъ поръ орудіемъ, такъ поступаютъ, что-же произошло бы, если бы въ ихъ рукахъ была власть?.. Въ Черновцахъ употребили украйнофилы фонды обществъ, попавшихъ въ ихъ управленіе, въ свою пользу. Извѣстный Смаль-Стоцкій воспитывался въ русской бурсѣ Ставропигійскаго института во Львовѣ и по окончаніи курса наукъ, прежде чѣмъ сдѣлался профессоромъ университета, получалъ отъ редактора „Слова" В. М. Площанскаго, пособія. Позднѣе, когда онъ получилъ каѳедру въ университетѣ, онъ сталъ ругать Площанскаго и „москалей". У молодежи, проникнутой украйнофильствомъ, стали проявляться легкомысліе, наклонность къ чувственнымъ удовольствіямъ, неспособность къ дѣльному труду и жажда легкой наживы.

Не удивительно, если въ Галичинѣ и Буковинѣ стали иначе смотрѣть на украйнофильство. Все больше стало утверждаться мнѣніе, что украинская словесность съ ея внутреннимъ содержаніемъ не можетъ служить полезною духовною пищею и поднять образованность малорусскаго народа. Огорченіе противъ украинофиловъ возросло до того, что одинъ ученикъ гимназіи во Львовѣ публично наплевалъ на портретъ Шевченка,—другой же ругалъ этого поэта. Ихъ исключили изъ школъ. Напрасно защищали благороднѣйшіе изъ украинофиловъ, напримѣръ д-ръ Олесницкій въ Стрыѣ, украинскую словесность и Шевченка, указывая, что лишь часть украйнофиловъ поступаетъ нечестно и то противъ идеаловъ Шевченка. Это мало помогло. Теперь поклонниками украйнофильства состоятъ лишь люди трусливые, слабонравные, зависящіе отъ поляковъ и правительства, либо гоняющіеся за чинами.

Среди такихъ отношеній старорусская партія въ Буковинѣ опять поднялась. Она основала 11 іюля 1894 г. новое политическое общество „Народная Рада"; признакомъ же паденія малорусскаго отщепенства въ Буковинѣ является заявленіе недовѣрія Смаль-Стоцкому его избирателями, упрекнувшими гласно своего посла въ дѣйствіяхъ, вредящихъ русскому населенію Буковины. Въ письмѣ, отправленномъ къ нему въ іюнѣ пр. г., ставится ему между прочимъ въ вину, что онъ прославляетъ „атеиста Шевченка"... Движеніе противъ поклоненія Шевченку,—справедливо ли оно или нѣтъ,—подняло очевидно крестьянъ Буковины и вызвало это заявленіе. Старорусы получили также два новыхъ повременныхъ

изданія: „Православную Буковину“, выходящую съ 1893 г. въ Черновцахъ, и „Просвѣщеніе“ (бывшая „Русская Правда“) въ Вѣнѣ.

Малорусскіе отщепенцы, чтобы спасти свое положеніе въ Буковинѣ, на-дняхъ выступили съ предложеніемъ раздѣла буковинской православной епархіи на части румынскую и русскую. Трудно предугадать, какія послѣдствія были-бъ отъ этого для русскихъ. Во всякомъ случаѣ мѣра эта была бы неканонична и породила бы распрю между румынами и русскими, живущими до сихъ поръ, за малыми изъятіями, въ согласіи.

Михаилъ Алексѣевичъ Качковскій и общество его имени на Галицкой Руси [1]).

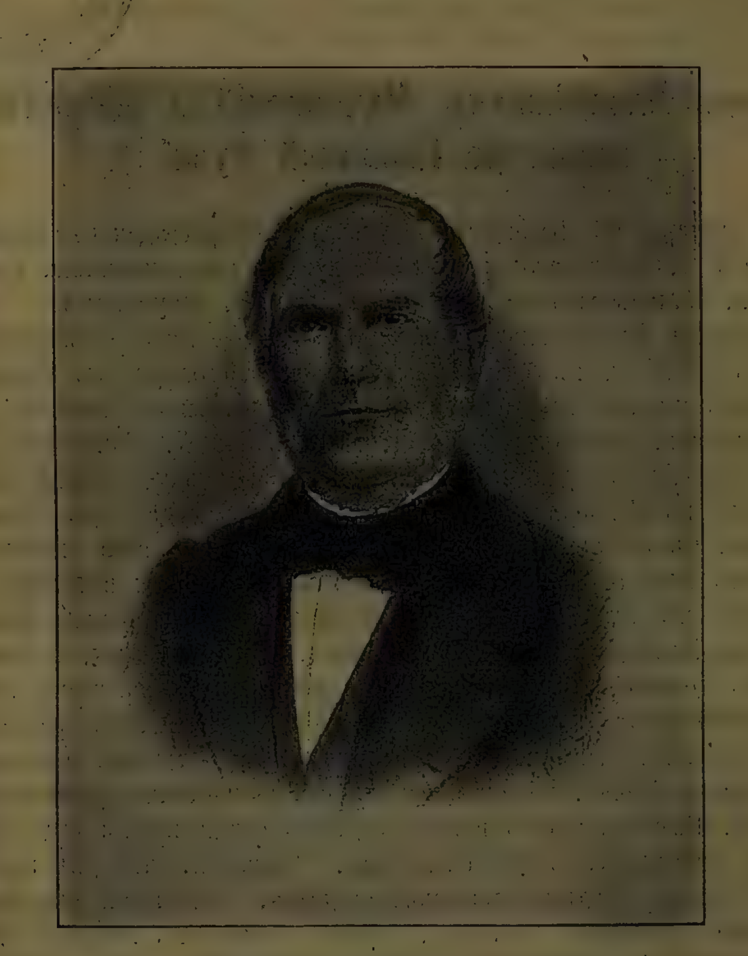
8 августа въ Кронштадтѣ членами Петроградскаго Славянскаго общества и Андреевскаго братства отслужена была панихида на могилѣ Мих. Ал. Качковскаго по немъ и по Ив. Гр. Наумовичѣ.

Михаилъ Алексѣевичъ Качковскій, сынъ сельскаго священника, родился въ 1802 г. въ селѣ Дубнѣ, Решовскаго округа въ Галиціи. Памятный въ исторіи возрожденія галицкихъ русскихъ, какъ и другихъ австро-угорскихъ славянъ, 1848 г. засталъ М. А. Качковскаго совѣтникомъ уголовнаго суда въ Висничѣ, на Мазурахъ, откуда онъ былъ переведенъ въ Самборъ совѣтникомъ областного суда, гдѣ и оставался до выхода въ отставку въ 1872 г., незадолго до своей смерти.

Такъ немногосложна, такъ мало замѣчательна съ внѣшней стороны жизнь Качковскаго. А между тѣмъ, память этого австрійскаго чиновника-судьи благоговѣйно чтится на его родинѣ, Галицкой Руси, и также благоговѣйно должны чтить ее и всѣ мы, русскіе люди, на всемъ широкомъ пространствѣ великой Русской Земли. А это потому, что, несмотря на австрійскую службу, М. А. Качковскій не только остался вѣрнымъ и добрымъ сыномъ Русской Земли, но сдѣлался душою и оплотомъ русскаго дѣла въ Галичинѣ. Всею мыслію и всѣмъ сердцемъ отдался онъ этому дѣлу и на служеніе ему полагалъ всѣ свои силы. Сознавая, что для этого дѣла прежде всего необходимы денежныя средства, Качковскій изъ своего чиновничьяго жалованья скопилъ, путемъ тяжелыхъ лишеній, довольно большое состояніе. Оставшись навсегда холостякомъ, М. А. Качковскій

---

[1]) Читатели «Русской Бесѣды», мы увѣрены, не посѣтуютъ на насъ за то, что мы предлагаемъ ихъ вниманію этотъ небольшой очеркъ, уже дважды напечатанный: въ «Слав. Извѣстіяхъ» въ 1888 г. и потомъ въ изданной нами же отдѣльной книжкѣ: «Зарубежная Русь. I. Угорская Русь. Ѳ. II. М. А. Качковскій и общество его имени на Галицкой Руси. Аѳ. Васильева. Петроградъ». Складъ этой книжки въ Славянскомъ Обществѣ. *Аѳ. В.*



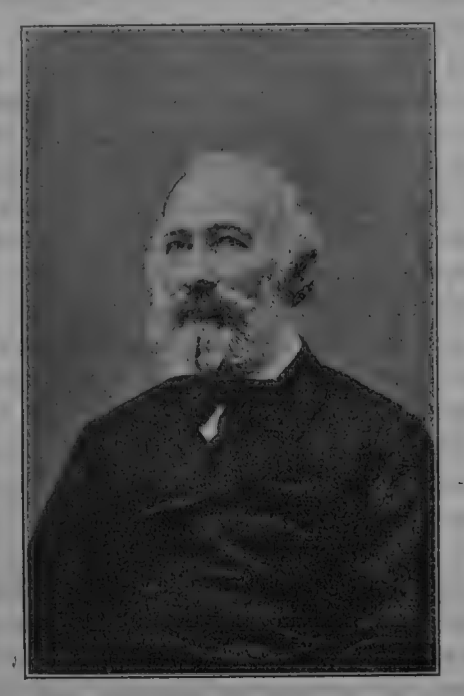
Михаилъ Алексѣевичъ Качковскій.

ограничивалъ себя во всемъ, въ самыхъ необходимыхъ удобствахъ, даже въ пищѣ, до такой степени, что, по свидѣтельству близко знавшихъ его людей, многимъ онъ казался чудакомъ-скрягою. Но эта кажущаяся скупость была въ сущности великою благостью, ибо: не безсмысленная и постыдная любовь къ золоту, не желаніе обезпечить себѣ беззаботную и безпечальную старость, не желаніе надѣлить богатствомъ свою родню, заставляли Качковскаго копить себѣ состояніе, а—желаніе послужить имъ своей бѣдной родинѣ. Скупой для самого себя, Качковскій былъ щедръ для другихъ, для всѣхъ, въ комъ подмѣчалъ онъ хотя искру русскаго чувства, хотя малѣйшій талантъ и готовность служить родному народу. Встрѣтивъ на полѣ мальчика, пастушка, Качковскій разспрашивалъ его о его деревенскихъ дѣлахъ, заставлялъ его пропѣть русскую пѣсню, давалъ ему полезное въ народномъ и нравственномъ отношеніи наставленіе и одарялъ его гостинцами и деньгами, которыя всегда у него были припасены на подобный случай. Особенною его заботою и покровительствомъ пользовалась учащаяся молодежь, въ которой онъ всячески старался поселить и поддержать любовь къ родному слову, къ занятіямъ литературнымъ трудомъ. Въ комъ только замѣчалась хоть малѣйшая къ тому способность, кому удавалось хотя что-нибудь напечатать или написать по русски, прозою или стихами, тотъ не оставался безъ ободренія со стороны Качковскаго, безъ нравственной отъ него поддержки и матеріальной помощи. Прекрасно обрисовываетъ этого рода дѣятельность М. А. Качковскаго разсказъ Богдана Дѣдицкаго о томъ, какъ онъ сдѣлался редакторомъ „Слова", напечатанный въ юбилейномъ выпускѣ этого изданія 25-го января 1885 г.

Въ 1859 г. выпущена во Львовѣ и Перемышлѣ нѣкимъ Венглинскимъ книга малорусскихъ стиховъ, напечатанная латинскою азбукою. По этому поводу Дѣдицкій, оканчивавшій въ то время учительскую семинарію по классической и славянской филологіи, напечаталъ въ Вѣнѣ небольшую книжку „О неудобности латинской азбуки въ письменности русской"; и вотъ Качковскій, не знавшій дотолѣ Дѣдицкаго, посылаетъ ему въ подарокъ сто гульденовъ, знакомится съ нимъ, уговариваетъ его отдаться всецѣло литературному труду и, чтобы дать ему къ этому возможность и независимое положеніе, предлагаетъ ему отъ себя пожизненное жалованье. Б. Дѣдицкій принялъ это предложеніе, и такимъ образомъ, благодаря Качковскому, явился въ Галиціи первый русскій писатель по промыслу.

Но особенно важною заслугою Качковскаго русскому дѣлу было основаніе имъ въ 1861 г. во Львовѣ газеты „Слово". За исключеніемъ маленькой политической газетки „Новины", издававшейся въ 1849 г.

Иваномъ Гушаловичемъ, и „Зори Галицкой“, выходившей съ 15 мая 1848 г. во Львовѣ, подъ редакціею Антона Павенцкаго, и преобразованной, съ переходомъ ея въ половинѣ 1850 г. въ собственность Ставропигійскаго института, въ газету научно-литературную, въ Галиціи до 1861 г. русскаго независимаго органа печати не было. Выходившій же на русскомъ языкѣ въ 1849 г. во Львовѣ, а съ 1850 г. въ Вѣнѣ „Вѣстникъ“, печатавшійся церковно-славянскимъ шрифтомъ, былъ основанъ и издавался на средства австрійскаго правительства, которое само избирало для него сотрудниковъ и редакторовъ.



Богданъ Андреевичъ Дѣдицкій.

Въ ноябрѣ 1860 г. русскіе галичане торжествовали вступленіе на митрополичій (уніатскій) престолъ величайшаго изъ своихъ патріотовъ Григорія Яхимовича. Прибывъ по случаю этого празднества во Львовъ, М. А. Качковскій рѣшилъ тамъ, по соглашенію съ своими друзьями, основать независимую политическую газету, далъ для нея требуемый австрійскими законами залогъ и избралъ редакторомъ ея Б. А. Дѣдицкаго. Разрѣшеніе на изданіе „Слова“ получено было въ началѣ 1861 г., а первый его выпускъ вышелъ 25 января, въ день тезоименитства Га-

лицкаго владыки. Григорій Яхимовичъ, котораго Галицкорусскій народъ и до сихъ поръ поминаетъ, какъ своего отца и ангела-хранителя, былъ могущественною опорою для „Слова" въ первые годы его существованія. Къ сожалѣнію, уже въ 1863 г. этого покровителя внезапно не стало [1]), а между тѣмъ послѣ государственной сдѣлки между Австріей и Венгріей, вѣнское правительство, поманившее было въ 1848 и 1860 гг. подвластное ему русское населеніе нѣкоторыми уступками, нашло болѣе отвѣчающимъ своимъ цѣлямъ обратиться къ системѣ гоненія и подавленія тѣхъ народностей, которыя спасли его на свою голову изъ революціоннаго водоворота 1848—49 гг.

Самымъ излюбленнымъ и, нельзя не признать,—самымъ дѣйствительнымъ средствомъ борьбы нѣмецкихъ правительствъ и въ частности австрійскаго съ славянами искони было и остается доселѣ—натравлять одну братскую народность на другую и поселять внутреннюю смуту и разладъ въ каждой изъ нихъ. Это средство особенно настойчиво и успѣшно примѣнялось и примѣняется въ австро-угорской Руси. Въ концѣ шестидесятыхъ годовъ настали особенно тяжелыя для нея времена. На митрополичьей и епископской каѳедрахъ по обѣ стороны Карпатъ очутились люди слабодушные и угодливые, которые старались убить воскресавшее въ народѣ сознаніе общерусскаго народнаго достоинства и силы; какъ средство для этого, употреблялось искаженіе русскаго церковнаго обряда и русской письменности. Окружными митрополичьими и епископскими посланіями запрещалось русскому духовенству и учащемуся юношеству выписывать и читать газеты и книги, печатаемыя на общемъ русскомъ литературномъ языкѣ. Прекрасное изданіе братства Св. Василія въ Ужгородѣ (Унгваръ), по ту сторону Карпатъ,—газета „Свѣтъ", по направленію и языку достойный товарищъ львовскаго „Слова", невыдержало воздвигнутаго на него Мукачевскимъ епископомъ Стефаномъ Панковичемъ гоненія и прекратилось въ самомъ началѣ 1871 г., просуществовавъ всего около трехъ лѣтъ. Между тѣмъ, благодаря денежной поддержкѣ Качковскаго, а по его кончинѣ, самопожертвованію и особенной благородной стойкости втораго его редактора-издателя—Венедикта Михайловича Площанскаго [2]), замѣнившаго Дѣдицкаго еще при жизни Качковскаго въ 1871 г., „Слово" цѣлыя 27 лѣтъ, бодро ратовало за русскія народныя права и нужды: за кирилловскую азбуку, за чистоту русскаго литературнаго языка и церковнаго обряда, за политическія права,

---

[1]) Существуетъ подозрѣніе, что Высокопреосвященный Григорій Яхимовичъ былъ отравленъ.

[2]) Нынѣ членъ археографической коммисіи и цензоръ въ г. Вильнѣ.

хозяйственное и нравственное благосостояніе прикарпатскаго русскаго населенія. Пользуясь сотрудничествомъ такихъ замѣчательныхъ народолюбцевъ, литературныхъ и ученыхъ дѣятелей, какъ Яковъ Ѳеодоровичъ Головацкій, отецъ Маркелъ Попель [1]), Антоній Петрушевичъ, Владиміръ Хилякъ (псевдонимъ: Іеронимъ Анонимъ), Б. Дѣдицкій, Венедиктъ Н. Ружицкій и другіе старшіе дѣятели, „Слово" въ то же время было школою, воспитывавшею молодыя литературныя силы. Изъ числа его сотрудниковъ вышли О. А. Мончаловскій, издающій политико-юмористическій листокъ „Страхопудъ", и литературное къ нему приложеніе „Бесѣду", и О. А. Марковъ, издававшій газеты „Проломъ" и „Новый Проломъ" и „Червонную Русь" (нынѣ Галичанинъ), замѣнившую „Слово", прекращенное В. М. Площанскимъ въ августѣ 1887 г.

Такимъ образомъ, русскую политическую печать въ Галиціи можно считать уже дѣломъ установившимся. Таковы плоды усилій М. А. Качковскаго поддержать и развить русскую письменность и особенно русскую политическую печать въ Червонной Руси. Съ такою же любовью и усердіемъ относился онъ и къ русской народной церкви въ Галичинѣ, къ унаслѣдованному ею отъ предковъ православному обряду. Прослуживъ всю жизнь своей родинѣ, Качковскій хотѣлъ быть ей полезнымъ и по смерти: все свое состояніе, около 60,000 гульденовъ, завѣщалъ онъ на народныя цѣли.

Замѣчательны обстоятельства кончины М. А. Качковскаго. По выходѣ въ 1872 году въ отставку онъ пропутешествовалъ въ Италію [2]), а затѣмъ поѣхалъ въ Россію. Здѣсь на пароходѣ во время переѣзда изъ Петербурга въ Кронштадтъ онъ разболѣлся и въ Кронштадтѣ скончался 8 августа, въ военномъ госпиталѣ, никѣмъ изъ близкихъ передъ кончиною неутѣшенный, никому неизвѣстный. Похоронили его на католическомъ кладбищѣ по католическому обряду. Долгое время могила его оставалась безъ креста, заброшенной и никому неизвѣстной. Только въ 1884 г. пріѣхавшій въ Петербургъ В. М. Площанскій, вмѣстѣ съ составителемъ настоящаго очерка, послѣ долгихъ поисковъ на кронштадтскомъ кладбищѣ, опредѣлили, по показаніямъ кладбищенскихъ сторожей, могилу М. А. Качковскаго, и затѣмъ на этой могилѣ, на собранныя по подпискѣ деньги [3]), поставленъ памятникъ, освященный 1-го сентября

---

[1]) Послѣ епископъ Витебскій.

[2]) Замѣтки М. А. Качковскаго объ этомъ его путешествіи напечатаны въ «Словѣ».

[3]) Осенью 1884 г. открыта была съ разрѣшенія Совѣта Славянскаго Общества, между членами общества подписка на исправленіе могилы Качковскаго. Собрано и израсходовано на изготовленіе и постановку памятника 109 р. 60 к. Самымъ круп-

1885 г. русскимъ священникомъ въ присутствіи нѣсколькихъ членовъ Славянскаго общества и другихъ участвовавшихъ въ сооруженіи его лицъ. Памятникъ изъ бѣлаго мрамора не дорогой, но изящный. Подъ восьмиконечнымъ мраморнымъ же крестомъ на памятникѣ высѣченъ рельефно

Венедиктъ Михайловичъ Площанскій.

въ медальонѣ Спасовъ ликъ. На главной перекладинѣ креста славянская надпись: Во имѧ Ѿца и Сн҃а и Ст҃аго Дх҃а. Аминь. Подъ изображеніемъ Спаса по славянски: „Упокой Гд҃и дꙋшꙋ раба Твоего Михаила.“ Далѣе слѣдуютъ надписи по русски: „М. Качковскій, галичанинъ-русскій изъ Самбора, скончался 8-го августа 1872 г.“ и— „Миръ праху и вѣчная память имени твоему, добрый сынъ Земли Русской!“

нымъ пожертвованіемъ на памятникъ М. А. Качковскому слѣдуетъ считать—трудъ изготовлявшаго его мастера каменьщика—тверскаго крестьянина Филиппа Иванова, который, узнавъ о Качковскомъ, взялся сдѣлать памятникъ за сто рублей—стоимость собственно матеріала и подручныхъ работниковъ. Хозяинъ мастерской съ обыкновеннаго заказчика взялъ бы втрое.

Лѣтъ черезъ пять послѣ этого о. Іоаннъ Наумовичъ посѣтилъ вмѣстѣ съ б. кронштадтскимъ головою, нынѣ членомъ Андреевскаго братства, Владиміромъ Дмитріевичемъ Никитинымъ, могилу Качковскаго. Почтеннѣйшій Владиміръ Дмитріевичъ, узнавъ отъ о. Іоанна Наумовича о заслугахъ Качковскаго на пользу русскаго дѣла и о его судьбѣ, проникся пламенною любовью къ его памяти и съ тѣхъ поръ ежегодно 8 августа созываетъ всѣхъ его почитателей на панихиду на его могилѣ. Его же заботами и трудами подъ поставленный въ 1885 г. памятникъ подведено прочное основаніе и онъ обнесенъ красивою чугунною рѣшеткой.

Прошло цѣлыхъ тринадцать лѣтъ со времени кончины М. А. Качковскаго, пока, наконецъ, мы, петербуржцы, узнали о его заброшенной могилѣ на пустынномъ католическомъ кладбищѣ за Кронштадтомъ, отыскали и отмѣтили ее скромнымъ памятникомъ. Между тѣмъ, земляки М. А. Качковскаго, свидѣтели его самоотверженной и благотворной дѣятельности на пользу родного народа, не остались неблагодарными къ его памяти и уже черезъ годъ по его кончинѣ соорудили ему, на его любезной родинѣ, памятникъ несравненно роскошнѣе и величественнѣе нашего. Этимъ прекраснымъ живымъ памятникомъ, въ которомъ какъ бы воплотился и продолжаетъ жить и дѣйствовать любвеобильный свѣтлый духъ М. А. Качковскаго, явилось, основанное въ 1874 г. въ Галичинѣ, просвѣтительное общество его имени. Общество это поставило себѣ цѣлью содѣйствовать подъему городского и сельскаго населенія Австро-Угорской Руси въ религіозномъ, нравственномъ, умственномъ, хозяйственномъ и гражданскомъ отношеніяхъ путемъ распространенія въ немъ полезныхъ знаній и внушенія любви къ родному обряду, трудолюбія, трезвости, бережливости и прочихъ добродѣтелей. Средствомъ для осуществленія этой высокой и святой цѣли служитъ изданіе книжекъ для народа наставительнаго содержанія, устройство по городамъ и селамъ безплатныхъ народныхъ читаленъ; учрежденіе обществъ трезвости, пріютовъ и бурсъ для бѣднѣйшихъ русскихъ учениковъ, общественныхъ хлѣбныхъ складовъ, ссудныхъ и сберегательныхъ кассъ, хозяйственныхъ выставокъ и народныхъ чтеній.

Общество имени М. А. Качковскаго распространено по всей Австро-Угорской Руси; отдѣленія его, или такъ называемыя филіи, управляются каждое особымъ выдѣломъ (совѣтомъ), состоящимъ изъ предсѣдателя, восьми членовъ и четырехъ заступниковъ (кандидатовъ). Разъ въ годъ члены каждой филіи собираются въ общее собраніе въ той срединной мѣстности — городѣ или мѣстечкѣ, гдѣ имѣетъ постоянное пребываніе ея выдѣлъ. Выдѣлъ даетъ собранію отчетъ въ своей дѣятельности и, затѣмъ, собраніе избираетъ новый выдѣлъ на годовой срокъ. Отдѣленія,

или филіи стараются объ увеличеніи средствъ общества: привлекаютъ въ него новыхъ членовъ, собираютъ членскіе взносы (1 гульд. въ годъ) и особыя пожертвованія для разныхъ своихъ начинаній, какъ-то: на устройство новыхъ читаленъ, бурсъ и т. п. Изъ членскихъ же взносовъ только 10 проц. поступаетъ въ пользу отдѣленій, остальное же передается въ распоряженіе главнаго выдѣла, на обязанности котораго лежитъ главное руководство дѣлами всего общества: Центральный выдѣлъ въ первое время по образованіи общества находился въ Коломыѣ [1]); но вскорѣ затѣмъ былъ переведенъ во Львовъ. Центральный выдѣлъ, состоящій теперь изъ предсѣдателя и 12 членовъ (собственно 8 членовъ и 4 заступниковъ), ежемѣсячно издаетъ по 1 книжечкѣ того или другого наставительнаго содержанія: историческаго, хозяйственнаго, религіознаго и т. п. Каждый членъ общества получаетъ эти изданія безплатно, посторонним же учрежденіямъ и лицамъ книжки общества частію продаются, частію также разсылаются даромъ. Обычная продажная цѣна книжекъ въ $1\frac{1}{2}$—2 печ. листа 10 крейцеровъ, но есть дешевле, въ 5—8 крейцеровъ, и дороже—въ 15—20; календари же общества, объемомъ въ 5—6 печатн. листовъ, украшенные картинками, продаются обыкновенно по 36 крейцеровъ. Центральный выдѣлъ созываетъ ежегодно генеральное собраніе всего общества. Собранія эти происходятъ не въ одномъ и томъ же, но каждый годъ въ другомъ мѣстѣ: поочередно въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть филіальныя отдѣленія общества. Генеральное собраніе выслушиваетъ отчетъ о дѣятельности общества, избираетъ на годъ членовъ центральнаго выдѣла и разсматриваетъ и рѣшаетъ предложенія центральнаго и филіальныхъ выдѣловъ и отдѣльныхъ членовъ общества.

Изъ этихъ краткихъ свѣдѣній о дѣятельности общества имени Мих. Качковскаго читатели могутъ видѣть, что братья наши галичане живы и трудятся, насколько имъ позволяютъ скромныя ихъ средства и крутыя обстоятельства, надъ своимъ народнымъ возрожденіемъ. Благодареніе Богу, у нихъ есть еще опытные высокообразованные и закаленные въ борьбѣ руководители и, что особенно важно, есть одушевленные ратоборцы и вожди изъ среды самого народа, — простого бѣднаго мѣщанства и крестьянства.

Пожелаемъ же имъ, нашимъ братьямъ—Прикарпатской Руси — внутренняго мира и бодрости, и скажемъ отъ сердца: помогай имъ Богъ!

Аѳ. Васильевъ.

---

[1]) Коломыя — повѣтовый, или уѣздный городъ Покутья—области, занимающей юго-восточную часть Галичины, рядомъ съ Буковиною; въ немъ около 18,000 жителей, въ томъ числѣ около 2,600 русскихъ.

Первоначальный видъ памятника М. А. Качковскому на его могилѣ на о. Котлинѣ за Кронштадтомъ на католическомъ кладбищѣ.

Проклятіе, или невольница—Злата.

(Продолженіе).

XIII.

Однажды весь гаремъ уѣхалъ на прогулку. Дома остались только Дуржана и Злата. Время было за полдень. Дуржана провела передъ тѣмъ безъ сна всю ночь и заболѣла. Она жаловалась на головную боль, на изнеможеніе, нѣсколько разъ поднималась со своего ложа, наконецъ крѣпко заснула. Злата подошла къ окну и замѣтила какъ разъ подъ самымъ окномъ окапывавшаго цвѣты садовника и подумала: „развѣ ужь довѣриться ему?"

Она посмотрѣла на Дуржану, прислушалась и прошептала:

— Спитъ...

Приложивъ лицо къ самой рѣшеткѣ, Злата въ полголоса крикнула:

— Если ты сербъ и христіанинъ, спаси меня!

Садовникъ, вздрогнувъ, поднялъ голову и поглядѣлъ въ окно. Хотя онъ и зналъ, что дома никого не было, но онъ оглянулся налѣво и направо, приблизился къ незнакомкѣ и спросилъ:

— А ты кто такая?

— Я—Злата, сербка изъ Мозгова, послышался отвѣтъ.—Турки схватили меня близъ родного села и привезли сюда.

Въ эту минуту проснулась Дуржана. Злата отскочила отъ окна.

— Что ты говорила? обратилась къ ней старая женщина.

Дѣвушка покраснѣла и въ замѣшательствѣ проговорила робкимъ, прерывающимся голосомъ:

— Прилетѣлъ красивый голубь и я его поманила къ себѣ...

Дуржана повѣрила ея словамъ и замолчала; Злата же весьма сожалѣла о томъ, что ей не удалось продолжить бесѣды съ садовникомъ.

Садовникъ, котораго звали Станко, былъ, дѣйствительно, православный сербъ, родомъ изъ Плеваля. Это смуглый, высокаго роста,

среднихъ лѣтъ человѣкъ. Онъ давно уже служилъ у Рашидъ-Беговича, отличаясь вѣрностью и послушаніемъ хозяину, который былъ имъ вполнѣ доволенъ. Станко зналъ, слышалъ про какую-то невольницу въ домѣ своего знатнаго господина, но и—только.

Слова, услышанныя имъ изъ-за рѣшетки: „Если ты сербинъ и христіанинъ, спаси меня, избавь меня!.. Я сербка", глубоко запечатлѣлись въ его памяти, и съ этого дня онъ постоянно находилъ себѣ дѣло у этого окна, гдѣ онъ ихъ слышалъ. Онъ зналъ всѣ ходы и выходы не только въ домѣ Рашидъ-Беговича, но и по сосѣдству...

Злата чувствовала материнскую любовь, которою ее окружала старая Дуржана, но не могла объяснить причины такого явленія.—Это сознавала и сама Дуржана, но она постоянно скрывала отъ Златы, боялась заговорить съ ней объ этомъ и только въ тѣхъ случаяхъ, когда замѣчала грусть на лицѣ дѣвушки, спрашивала Злату:

— Тебѣ скучно, дитя мое? Видно, тебѣ у насъ не нравится, не хочется оставаться здѣсь? Ты считаешь меня чужою... не любишь?

— Нѣтъ, я люблю тебя, отвѣчала Злата,—я охотно бы провела съ тобою всю мою жизнь, но оставаться здѣсь не могу. Я—христіанка и питаю отвращеніе къ нимъ, врагамъ моего Бога, моей вѣры, моей родины. О, если бы я могла вырваться изъ неволи! Еслибъ могла... еслибъ могла,—повторяла дѣвушка со слезами на глазахъ. Скажи мнѣ, обращалась она къ Дуржанѣ,—зачѣмъ они меня здѣсь задерживаютъ? На что я имъ? Почему меня не отпускаютъ?

Дуржана молчала, не зная, что ей на это отвѣчать... Она мысленно вопрошала себя: какъ, чѣмъ ей помочь? Я ей должна помочь, хотя бы мнѣ это стоило жизни, но какъ это устроить?

Долго она придумывала средство и, наконецъ, громко сказала:

— Я, кажется, помогу тебѣ, моя пташка, очутиться на волѣ, только будь благоразумна и потерпи немного.

Ей пришелъ на память садовникъ Станко... Она знала Станко, знала также, что онъ сербъ. Злата глядѣла съ удивленіемъ на Дуржану... Дуржана заговорила о постороннемъ и тѣмъ отвлекла вниманіе Златы.

Златѣ и не снилось, что ее ожидало на десятый день. Въ гаремѣ было особенное оживленіе, какъ бы въ ожиданіи чего-то необыкновеннаго, къ чему-то приготовлялись. Въ домѣ Рашидъ-Беговича, кромѣ самого стараго аги, его жены Джемиле и старой Дуржаны, никто не зналъ цѣли этихъ приготовленій. Тайно отъ нея назначили день, въ который Злату отуречатъ и опредѣлили часъ, когда быть малой и

когда большой помолвкѣ; даже установили и день, когда пировать свадьбу. Придумали и имя Златѣ.

Черезъ десять дней уже не было бы сербки Златы, а была бы турчанка Джульзанда.

XIV.

Не лишнимъ будетъ, если мы кстати познакомимъ нашихъ читателей съ нѣкоторыми религіозными и свадебными обрядами и обычаями турокъ.

Какъ извѣстно, турки надъ своими новорожденными мальчиками совершаютъ обрѣзаніе подобно евреямъ. Богатые родители вмѣстѣ съ своимъ ребенкомъ стараются обрѣзать восемь или десять новорожденныхъ, одинаковаго возраста съ нимъ, для чего и стараются отыскать такихъ дѣтей въ бѣдныхъ семьяхъ, что у турокъ считается богоугоднымъ дѣломъ.

Дѣтямъ женскаго пола сами родители назначаютъ имена.

При отуреченіи христіанина надъ нимъ совершаютъ обрѣзаніе и даютъ турецкое имя.

Если отуреченная христіанка выходитъ за турка, то не совершалось никакихъ обрядностей. Отецъ и мать жениха назначали невѣстѣ имя, тѣмъ все и оканчивалось.

Сговаривались обыкновенно родители между собою за дѣтей; женихъ и невѣста въ глаза другъ друга не видятъ.

Первая обрядность *малой помолвки* состоитъ въ томъ, что женихъ, его отецъ и мать посылаютъ подарокъ, состоящій непремѣнно изъ золотой монеты, будущей женѣ и невѣсткѣ.

Если родители на счетъ брака сговорились, тогда начинается и большая *помолвка*. Она состоитъ въ томъ, что въ это время въ домѣ невѣсты собирается много женщинъ—„булъ", вся родня, сосѣди и званые. Каждый и каждая изъ нихъ приноситъ съ собою маленькую денежку, непремѣнно золотую. Одна изъ женщинъ собираетъ подарки и объявляетъ: „такая-то и такая-то подарила то, то и то". Собранныя монеты нанизываютъ на шелковую красную нитку и подносятъ молодой. Свекровь съ своей стороны тоже даритъ золотыя монеты, которыя нанизываются на шейный уборъ и надѣваются молодой на шею. Кругомъ одна противъ другой усядутся на коврѣ женщины. Посрединѣ оставляютъ пустое мѣсто—здѣсь ставятъ большой круглый подносъ и накладываютъ на него табаку. Турчанки курятъ, пьютъ кофе, шербетъ и лимонадъ. Между тѣмъ плясуньи пляшутъ, ударяя въ бубенцы. Богатые

щедро вознаграждаютъ тѣхъ изъ плясуней, которыя выдѣляются своею ловкостью.

Пируютъ всегда отдѣльно.

Мужчины особо и женщины особо.

Когда большая и малая помолвки кончились, тогда слѣдуетъ сговоръ между женихомъ и невѣстою, но такъ, что они другъ друга не видятъ, черезъ двери. Женихъ спрашиваетъ невѣсту, согласна-ли она выйти за него замужъ? Невѣста отвѣчаетъ изнутри: да, согласна.

Только послѣ окончанія большой и малой помолвокъ и состоявшагося соглашенія между женихомъ и невѣстою на бракъ приступаютъ къ свадьбѣ.

Свадьба начинается въ середу и длится три дня при такой обстановкѣ:

Въ домѣ невѣсты собирается множество турчанокъ. Затѣмъ только однѣ женщины провожаютъ невѣсту въ баню. На этотъ день откупаютъ баню и въ баню постороннихъ не допускается.

Раньше, дня за два, за три, женихъ посылаетъ невѣстѣ краску. Эту краску разводятъ въ мѣдномъ тазу, куда ставятъ сальныя свѣчи и несутъ этотъ тазъ впереди шествія въ баню.

Кругомъ несомаго таза идутъ плясуньи, поютъ и ударяютъ въ бубны, а за невѣстою шествуютъ провожатыя.

Въ банѣ невѣсту моютъ и переодѣваютъ въ свадебный нарядъ.

Въ турецкихъ баняхъ, тамъ, гдѣ моются, находится по срединѣ возвышенное мѣсто въ родѣ „полка“ въ русскихъ баняхъ, называемое по-турецки „джубекташъ“.

Вокругъ этого-то джубекташа одна женщина, исполняющая въ такихъ случаяхъ должность муллы,—обводитъ три раза невѣсту.

Во все время обхода вокругъ джубекташа плясуньи играютъ, поютъ и ударяютъ въ бубны. Этой обрядностью совершается вѣнчаніе, послѣ чего невѣста становится уже женою, а женихъ мужемъ.

Однако, въ первый день свадьбы невѣста еще не переходитъ въ домъ жениха, а возвращается въ родительскій домъ.

На другой день собираются опять женщины и гости и тогда только начинается самое занимательное зрѣлище.

Молодой намажутъ руки по локоть и ноги до колѣнъ краской; лицо ей разукрасятъ въ разные цвѣта и посыпаютъ золотымъ пескомъ. По лицу разрисовываютъ разные причудливые узоры. Отъ краски и песку лицо до того сморщится и стянется, что молодая въ этотъ день не въ состояніи принять никакой пищи и только вливаютъ ей въ ротъ крошечною ложечкой немного сладостей и кофе.—Тѣмъ она цѣлый день и

сыта. Затѣмъ разстилаютъ по серединѣ комнаты пополамъ сложенное одѣяло. Молодую завертываютъ въ кусокъ бѣлаго полотна и кладутъ спиной на одѣяло. Кругомъ ставятъ и зажигаютъ сальныя свѣчи и она лежитъ точно мертвая. Въ этомъ положеніи разрисовываютъ по лицу и лбу молодой разные узоры. Послѣ этого намазываютъ руки до локтей и ноги до колѣнъ красками и кладутъ на руки и на ноги полотняные мѣшочки, наполненные тоже краскою, которые засыхаютъ и до того прилипаютъ, что ихъ трудно снять, да и краску трудно смыть.

У турокъ имѣются нарочныя искусницы, которыя все это ловко продѣлываютъ. Во время продѣлокъ надъ невѣстой этихъ фокусовъ, плясуньи играютъ и поютъ, а всѣ домашнія женскаго пола сидятъ около молодой и плачутъ. Это означаетъ, что выходящая замужъ умерла для этого дому.

На третій день женихъ въ условленное время отправляется за невѣстой. Въ обычаѣ есть, чтобы женихъ отправлялся за невѣстой пораньше, на разсвѣтѣ. Отъ дому до воротъ путь убираютъ цвѣтами и по обѣимъ сторонамъ занавѣшиваютъ коврами. У выхода путь загороженъ ковромъ. До этой преграды доходитъ женихъ извнѣ, а невѣста изнутри. Родной братъ невѣсты (если же у нея нѣтъ его, то ближайшій родственникъ), выводитъ невѣсту изъ дома и провожаетъ ее до ковра, составляющаго преграду. Здѣсь женихъ требуетъ молодую и обѣщается ей заплатить столько-то и столько. Молодая молчитъ, а это служитъ признакомъ, что молодой мало обѣщаетъ. Женихъ въ другой разъ требуетъ молодую и набавляетъ цѣну. Молодая опять молчитъ, что означаетъ, что все еще мало. Женихъ въ третій разъ прибавляетъ наибольшую по своимъ средствамъ сумму,—тогда молодая отдается въ его руки.

Женихъ беретъ на руки невѣсту и несетъ на рукахъ въ повозку. Родители невѣсты впередъ научаютъ дочь—какую сумму она должна запрашивать съ жениха, смотря по его состоянію.

Послѣ катаются по городу и молодая возвращается въ гаремъ—въ домъ жениха.

На случай развода сумма, какую обѣщалъ женихъ невѣстѣ, принимая ее въ свой домъ,—составляетъ собственность невѣсты—ея приданое.

По турецкому закону эту сумму турокъ долженъ выплатить женѣ, какъ скоро онъ развелся съ ней.

Кто хорошо знакомъ съ сербскими обычаями при помолвкѣ и свадьбѣ, тотъ найдетъ много сходства съ турецкими обычаями.

Приняли ли турки отъ сербовъ эти обычаи или наоборотъ— трудно рѣшить.

Такая-то церемонія ожидала черезъ нѣсколько дней несчастную Злату, но она, къ счастію или несчастію, отъ нея избавилась.

XV.

Съ того дня какъ Злата разсказала старой Дуржанѣ—откуда она, изъ какого рода и какой семьи, Дуржана стала очень грустною и задумчивою. До тѣхъ поръ Дуржана рѣдко отлучалась изъ своей комнаты; съ того же времени, она часто закутывала лицо, надѣвала верхнее платье, и куда-то уходила, сказавъ Златѣ:

— Сиди здѣсь, я сейчасъ возвращусь!

Златѣ показалось это подозрительнымъ и ее такъ и подмывало узнать, куда постоянно отлучается старая турчанка.

Однажды весь гаремъ отправился на какую-то турецкую свадьбу. Дуржана воспользовалась этимъ случаемъ, закуталась, надѣла верхнее платье и опять сказала Златѣ:

— Сиди здѣсь, я скоро приду...

Злата съ любопытствомъ подошла къ окну, поглядѣла сквозь рѣшетку и увидѣла Дуржану, которая о чемъ-то осторожно разговаривала съ садовникомъ. Дѣвушка прислонила ухо къ самой рѣшеткѣ, чтобы подслушать ихъ разговоръ, но не могла ничего разслышать.

Дуржана, хотя и знала про садовника, что онъ сербъ, но все же еще разспрашивала его—какой онъ вѣры и народности?

Садовникъ не рѣшался отвѣчать изъ боязни сказать правду. Дуржана старалась успокоить его и поклялась, что не выдастъ тайны.

— Я сербъ, отвѣтилъ садовникъ:—я сербъ-христіанинъ.

— Если ты христіанинъ, сказала Дуржана,—то заклинаю тебя Хазрети-Иса (Іисусомъ Христомъ), не говори никому ничего про то, что я хочу тебѣ передать... Не скажешь? дай мнѣ честное слово!..

Садовникъ, немного помолчавъ, отвѣтилъ:

— Если ты меня заклинаешь моею сербскою вѣрой, то я и клянусь тебѣ этой же вѣрой никому ничего не говорить о томъ, что ты мнѣ скажешь, хотя бы это стоило мнѣ даже и жизни.

Послѣ нѣкотораго раздумья Дуржана передала садовнику исторію о невольницѣ Златѣ, которую хотятъ отуречить, и стала просить его содѣйствія къ освобожденію бѣдной дѣвушки. Дуржана вынула изъ-за пазухи, хранившуюся много лѣтъ на груди, икону въ серебряной ризѣ и

показала ее садовнику. Это было изображеніе Пресвятой Богородицы.

На оборотѣ этой иконы замѣтна была какая-то надпись, только садовникъ не умѣлъ ее прочесть. Затѣмъ Дуржана обернулась спиною, завернула икону въ клеенку и спрятала ее у себя на груди.

Садовникъ съ удивленіемъ глядѣлъ на турчанку, и отъ удивленія ничего не могъ вымолвить.

— Ты видѣлъ эту вещь, сказала Дуржана,—это для меня наимилѣйшее и драгоцѣннѣйшее воспоминаніе изъ моей молодости. Нѣтъ такихъ благъ, за которыя я отдала бы эту святыню. Да послужитъ это тебѣ доказательствомъ, что я искренно съ тобою говорю. Заклинаю тебя этимъ святымъ ликомъ, который ты только-что видѣлъ, помоги мнѣ и никому ничего не сказывай о томъ, что я тебя попрошу сдѣлать для меня, а я тебѣ клянусь, что за трудъ твой вознагражу тебя хорошо.

Садовникъ съ минуту молчалъ и о чемъ-то размышлялъ; затѣмъ, махнувъ рукою, сказалъ старой турчанкѣ:

— Увѣряю тебя крѣпко и клянусь тебѣ этимъ святымъ ликомъ, что буду держать тайну; помогу тебѣ въ томъ, о чемъ ты будешь просить меня, если бы мнѣ даже пришлось за это заплатить и своею жизнью!..

Дуржана еще разъ закляла садовника и потомъ сказала:

— Я не могу допустить, чтобы эту сербку отуречили, убѣдительно прошу твоей помощи, чтобы ее какъ можно скорѣе спасти, потому что остаются только четыре дня, по истеченіи которыхъ ее потурчатъ и выдадутъ за молодого агу.

Желаніе спасти христіанскую душу, склонило садовника на соучастіе, и онъ сказалъ старой турчанкѣ:

— Все, что прикажешь, исполню!...

Тогда Дуржана ему сказала: „постарайся поскорѣе какъ-нибудь раздобыть какое-нибудь старое мужское платье и, когда принесешь, спрячь его вонъ въ этомъ кустѣ; что здѣсь дальше будетъ,—это уже мое дѣло. Послѣ отправишься въ какой-нибудь постоялый дворъ, гдѣ останавливаются чумаки и тамъ поищи вѣрнаго, благонадежнаго человѣка, которому предстоитъ путь по Цареградской дорогѣ и которому можно бы повѣрить эту сербку, чтобы ее доставилъ туда, откуда она. Смотри, чтобы это былъ человѣкъ благонадежный и обѣщай ему хорошее вознагражденіе.

Затѣмъ старая Дуржана, доставъ изъ кармана нѣсколько золотыхъ монетъ, передала ихъ садовнику и сказала: „Торопись,—мало времени!“ и сейчасъ же ушла.

XVI.

Все это Злата наблюдала изъ-за рѣшетки, только не могла разслышать ни одного слова изъ разговора. Дуржана скрывала отъ Златы свои намѣренія,—какъ змѣя свои ноги, по сербской пословицѣ...

Злата между тѣмъ, ощущала въ душѣ нѣкоторую радость и ее такъ и подмывало узнать: о чемъ разговаривала старая Дуржана съ этимъ человѣкомъ.

Не успѣла Дуржана войти въ комнату, какъ Злата пристала къ ней съ вопросомъ: „Тетка, я все видѣла сквозь рѣшетку... Скажи мнѣ, что ты говорила съ этимъ человѣкомъ?"... Озадаченная этими словами, Дуржана строго настрого запретила ей кому-нибудь передавать о томъ, что она говорила съ садовникомъ, это она ей скажетъ потомъ. Теперь не время.

До этого свиданія съ Дуржаной садовникъ сомнѣвался въ искренности намѣренія старой турчанки, но получивъ деньги и наказъ, что ему дѣлать, онъ совершенно убѣдился, что намѣреніе Дуржаны искреннее и сейчасъ же принялся за исполненіе порученія.

Въ тотъ же день онъ отправился на базаръ купить старое мужское платье, и спряталъ его въ тотъ кустъ, который ему указала Дуржана. Затѣмъ обошелъ всѣ тогдашніе постоялые дворы въ Бѣлградѣ и едва къ вечеру на какомъ-то дворѣ отыскалъ нѣсколько чумаковъ откуда-то изъ парачинскаго округа. Окинувъ ихъ внимательнымъ взглядомъ, онъ спросилъ: откуда они и зачѣмъ пріѣхали въ Бѣлградъ? Получивъ отъ чумаковъ отвѣтъ, что они пріѣхали за товаромъ, садовникъ Станко обрадовался и сказалъ имъ: Вотъ такъ хорошо! и мнѣ нужно выслать въ тѣ мѣста одну вещь. Нѣсколько уже дней напрасно бѣгаю и ищу случая, но не могъ напасть на него, а я хорошо бы заплатилъ...

Тогда одинъ изъ чумаковъ спросилъ его: Большая ли вещь?

— Нѣтъ,—ее легко можно уложить.

Одинъ изъ чумаковъ посмышленѣе отозвался: Если вещь не велика, мы сдѣлаемъ тебѣ уваженіе и возьмемъ...

Станко спросилъ его: А когда же вы намѣрены отправляться?

— Черезъ день, или два, отвѣчали они.

— Это хорошо, я зайду завтра опять къ вамъ, чтобы договориться, и Станко поднялся, пожелавъ имъ доброй ночи, при чемъ онъ сдѣлалъ незамѣтно знакъ этому смышленому чумаку, чтобы онъ вышелъ за нимъ.

Вышедши изъ постоялаго двора, они отошли въ уголокъ и здѣсь о чемъ-то долго шептали и о чемъ-то уговаривались, наблюдая за тѣмъ, чтобы ихъ никто не увидѣлъ.

Станко заставилъ чумака поклясться и взялъ съ него обѣщаніе, что онъ никому ничего не скажетъ о томъ, что онъ ему сообщитъ. Чумакъ поклялся своимъ домомъ и всѣмъ своимъ имуществомъ, что будетъ соблюдать тайну...

Тогда Станко все ему разсказалъ: какъ турки забрали въ неволю одну сербку, какъ ее хотятъ черезъ нѣсколько дней отуречить и выдать за молодого бега, что эта сербка находится въ ужасномъ положеніи и постоянно горюетъ. Наконецъ, разсказалъ чумаку и то, какъ съ нимъ одна старая турчанка рѣшила избавить эту сербку и какъ она съ нимъ подружилась.. Шепнулъ ему въ добавокъ, что у этой старой турчанки онъ видѣлъ круглую икону съ изображеніемъ лика Пресвятыя Пречистыя Богородицы, которую она прячетъ на груди и затѣмъ прибавилъ: ты сдѣлаешь великое добро, а при томъ получишь хорошее вознагражденіе!...

Чумакъ, немного подумавъ, отвѣтилъ: мы слышали малость, что какую-то дѣвушку турки забрали насильно въ неволю, и что она единственная дочь у родителей, которые ее по всѣмъ уголкамъ искали, но не могли отыскать. Ты говоришь, она здѣсь гдѣ-то?.,.

— Да, она здѣсь, и если не успѣетъ избавиться, турки черезъ три дня ее отуречатъ.

Тогда чумакъ сказалъ: если можешь, освободи ее изъ рукъ нехристей, передай ее мнѣ, а я, клянусь тебѣ моими дѣтьми, моимъ домомъ и моимъ счастіемъ, что доставлю ее здравой и невредимой отцу и матери. А откуда эта дѣвушка?

— Она откуда-то изъ Делиграда, или Мозгова,—отвѣчалъ Станко.

— И хорошо, это отъ насъ не далеко.

Тутъ же Станко уговорился съ чумакомъ относительно дня отъѣзда и мѣста, на которомъ онъ передастъ ему дѣвушку.

Мѣстомъ, гдѣ долженъ былъ Станко передать Злату въ руки чумака, назначили холмикъ, на которомъ и теперь расположена Ашикъ-Михайлова-механа, немного влѣво, въ пустомъ лѣсу, близъ села Мирлева. Условились также, если чумакъ раньше прибудетъ на опредѣленное мѣсто, то онъ долженъ дожидаться Станка и наоборотъ, если Станко прибудетъ раньше его, онъ долженъ ждать чумака. Прощаясь съ нимъ, пожелавъ ему доброй ночи, онъ добавилъ; завтра въ это время я опять приду и окончательно съ тобою переговорю.

Весь этотъ разговоръ между Станкомъ и чумакомъ подслушалъ со стороны другой чумакъ. Онъ слышалъ про какую-то невольницу, про какое-то вознагражденіе,—слышалъ и про мѣсто встрѣчи, но ничего не сказалъ своимъ товарищамъ.

Между тѣмъ, когда Станко по порученію Дуржаны отправился добывать старое мужское платье, Дуржана изъ своей комнаты часто поглядывала черезъ свою рѣшетку въ окно, и тотчасъ, какъ завидѣла, что Станко возвратился въ садъ и положилъ узелъ въ указанное мѣсто, она сказала Златѣ: Посиди здѣсь, я сейчасъ приду!

Дуржана сошла въ садъ, подошла къ кусту, оглянулась на всѣ четыре стороны, запустила въ кустъ руку, вынула оттуда узелокъ, скрыла его подъ верхнее платье и вернулась опять въ домъ.

Войдя въ комнату, она повернулась спиной къ Златѣ, пригнулась, открыла ящикъ и спрятала туда узелъ.

Какъ только Дуржана вышла изъ комнаты, любопытная Злата подбѣжала къ окну и жадно черезъ рѣшетку подсматривала, куда ушла Дуржана.

По возвращеніи ея въ комнату, Злата раскрыла было ротъ, чтобы спросить ее: Что это ты, тетка, принесла изъ сада?—но сразу вспомнила, что та приказа ей молчать...

Весь этотъ день Дуржана погружалась въ задумчивость и часто порывалась что-то сказать Златѣ, но всякій разъ воздерживалась. Только два-три раза спросила: Развѣ тебѣ не нравится здѣсь?.. Желала бы ты лучше уйти отсюда?..

Злата отвѣчала на это глубокими вздохами да тихимъ плачемъ... Она догадывалась, что готовится и что ее здѣсь ожидаетъ...

XVII.

На другой день былъ четвергъ, день, въ который обыкновенно весь гаремъ уходитъ въ баню. Туда же хотѣли забрать и Злату, вѣроятно, для того, чтобы познакомить ее съ тѣмъ „джубекташомъ“ кругомъ котораго ее будутъ водить, когда станутъ выдавать замужъ за молодого Рашидъ-Беговича.

Джемиле, мать Изединова и нареченная будущая свекровь Златы, еще вечеромъ предупредила Дуржану, о томъ, что завтра Злата должна отправиться съ ними въ баню. Дуржанѣ это не понравилось, но едва

она выразила готовность исполнить желаніе Джемиле, какъ тутъ же блеснула ей счастливая мысль, какъ помочь горю бѣдной дѣвушки.

Вечеромъ, когда уже было время спать, Дуржана сказала Златѣ: завтра гаремъ отправляется въ баню, хотятъ и тебя съ собою взять; но ты туда не ходи. Завтра рано не поднимайся съ постели, притворись больною; не бойся,—я знаю, что имъ сказать!

Злата такъ и сдѣлала.

На другой день, когда уже пора было идти въ баню, Джемиле вошла въ комнату Дуржаны, поглядѣла на тотъ уголъ, гдѣ Злата спала и, увидѣвъ, что та еще спитъ, съ гнѣвомъ спросила Дуржану: Почему Злата еще не готова?"

Дуржана ей отвѣтила: Злата всю ночь не спала. Она еще вчера вечеромъ что-то занемогла и только подъ утро уснула.

Джемиле болѣе ничего не спросила и съ видомъ недовольства покинула пріютъ Дуржаны. Она ушла съ своимъ гаремомъ въ баню, поручивши ей смотрѣть за Златою и попользовать ее какимъ-нибудь лѣкарствомъ.

Когда гаремъ ушелъ въ баню, Дуржана подошла къ окну и долго глядѣла въ рѣшетку. Замѣтивъ въ одномъ углу сада Станко, она сейчасъ же наскоро одѣлась и поспѣшила къ нему. Злата еще спала.

Проходя черезъ дворъ въ садъ, Дуржана оглядывалась то въ одну то въ другую сторону, внимательно наблюдая, чтобы ее не замѣтили изъ сосѣднихъ оконъ.

Поровнявшись со Станкомъ, она просила его: Отыскалъ ли ты попутчиковъ? Станко отвѣтилъ ей, что все готово.

Дуржана замѣтила ему: Завтра пятница, а въ субботу сербка должна быть отуречена, поэтому она должна быть спасена въ нынѣшнюю ночь.

Немного помолчавъ, она прибавила:

— Къ вечеру, когда стемнѣетъ и раньше, чѣмъ запрутъ ворота, ты спрячься въ самые густые кусты сада,—и дожидайся, пока часы на городской башнѣ не пробьютъ пять (по европейскому счисленію—11-ть) часовъ.

Когда часы пробьютъ—подожди четверть часа, возьми длинную палку, потихоньку, крадучись, подползи подъ мое окно, и пошарь по рѣшоткѣ. Я приготовлю все, что нужно... Запомни же это хорошенько! Держи ухо востро: и смотри, не плошай, не усни!

Съ этими словами Дуржана возратилась въ домъ.

Въ этотъ день Джемиле и остальныя турчанки, вопреки обычаю, возвратились гораздо раньше обыкновеннаго изъ бани. Джемиле, какъ только пришла, сейчасъ же навѣстила Злату и спросила ее: какъ

она себя чувствуетъ и утихла ли боль? Злата, оставаясь въ постели, притворялась, по совѣту Дуржаны, что ей очень не здоровится.

До вечера Станко сходилъ на постоялый дворъ повидаться съ чумакомъ, чтобы окончательно уговориться, какъ все устроить и когда отправиться изъ Бѣлграда.

Чумаки уже были готовы и собирались въ тотъ же вечеръ въ путь-дорогу. Станко вызвалъ знакомаго ему смышленаго чумака и сказалъ ему наединѣ, чтобы онъ уговорилъ товарищей выѣхать не къ вечеру, а за два-три часа до зари. Чумакъ увѣрилъ его, что исполнитъ его желаніе. Затѣмъ Станко сказалъ чумаку: Помни, если ты первый придешь на условное мѣсто, обожди меня; приду я первый, буду ждать тебя! Затѣмъ Станко возвратился въ конакъ.

Давно уже стемнѣло.

Онъ потихоньку воротами прокрался въ садъ и спрятался въ одномъ очень густомъ кустѣ.

Вслѣдъ за тѣмъ старая служанка обошла тѣ и другія ворота и удостовѣрившись, что они заперты на крючекъ, походила немного по саду и убѣдившись, что тамъ все было на своемъ мѣстѣ и въ порядкѣ, ушла въ свою комнату. Она прошла какъ разъ мимо Станка, однако, къ счастію не замѣтила его.

Была половина августа. Тихая, ясная ночь обвѣвала землю легкой прохладою. Звѣзды трепетали своимъ таинственнымъ блескомъ. Луна въ послѣдней четверти еще не взошла, но ея свѣтъ чуть-чуть прорывался мягкими лучами сквозь дымку бѣлыхъ облаковъ. Темный садъ нѣжился въ сладкой дремотѣ подъ журчаніе ручья. Цвѣты благоухали, какъ будто отвѣчая томными вздохами на привѣтливый шопотъ вѣтерка. Въ самомъ глухомъ уголку сада притаился Станко. Онъ считалъ часъ за часомъ, измѣряя время по башеннымъ часамъ. Тишину этой ночи нарушалъ только протяжный голосъ караула со стѣнъ Бѣлградской крѣпости: „Азурала-а-а!“

Пробилъ часъ, другой, третій и четвертый. Станко точно подрядъ пересчиталъ, считала также и старая Дуржана, которая успѣла предварить обо всемъ Злату. Настала минута, когда Дуржана должна была рѣшиться на смѣлый шагъ.

Старая турчанка взяла свѣчу, засунула руку въ карманъ, вынула оттуда ключъ и отперла потайную дверку въ стѣнѣ своей комнаты. Вошла въ нее и тамъ пробыла нѣсколько минутъ. Вышедши оттуда, она вынесла денежную сумку, дорожный поясъ съ деньгами и бросила на диванъ. Затѣмъ она достала изъ ящика узелъ съ одеждою для Златы, которая тотчасъ же переодѣлась.

Пока дѣвушка надѣвала мужское платье, Дуржана взяла свѣчку и хорошо смазала петли у дверей.

На городской башнѣ послышался бой пяти часовъ. — Дуржана вздрогнула.

Она обняла Злату и обливая ее слезами съ минуту держала дѣвушку въ своихъ объятіяхъ. Распахнувъ женскій жилетъ, Дуржана сняла съ шеи уже извѣстную намъ икону, поднесла къ свѣчкѣ и сказала Златѣ: поцѣлуй этотъ ликъ... Да будетъ Матерь Божія тебѣ помощницей... Злата поцѣловала икону, и старая Дуржана надѣла ей ее на шею... Въ эту минуту послышался шорохъ палки по рѣшеткѣ на окнѣ...

Дуржана только успѣла сказать Златѣ: — я твоя несчастная тетка Смиля, а теперь Дуржана, Бѣги и привѣтствуй моего брата Милойка!

Услышавъ эти слова, Злата бросилась въ объятія старой тетки.

— Нѣтъ, нѣтъ... не хочу бѣжать! Хочу съ тобою жить и умереть! Дуржана перебила ее: Бѣги,—бѣги! иначе обѣ пропадемъ. Пропадетъ и добрый Станко...

Затѣмъ потихоньку отворила дверь, взяла ее за руку и повела внизъ по лѣстницѣ...

Здѣсь въ уголку ожидалъ ихъ Станко. Старая Дуржана подвела Злату и передала ее Станку. Тутъ же она передала ему какіе-то два узелка, шепнувъ ему въ самое ухо: Одинъ тебѣ, другой тому человѣку. Когда уже Станко собирался уходить, она ему сквозь слезы сказала:

— Довѣряю тебѣ дорогой талисманъ, мою Злату!..

— Бѣги, и ты самъ больше не возвращайся!..

Злата вся дрожала, какъ въ лихорадкѣ...

Недалеко отъ конака Рашидъ-Беговича стоялъ небольшой турецкій домъ, огражденный высокою стѣною. Въ стѣнѣ была устроена малая калитка, такъ называемая „сосѣдская". Въ эту калитку Турчанки ходили другъ къ дружкѣ въ гости.

Станко взялъ за руку Злату и шепнулъ ей:

— Иди за мною... Не бойся!..

Приведши ее къ этой сосѣдней калиткѣ, онъ тихо вынулъ чеку и отворилъ калитку, внимательно осмотрѣлъ садъ и пропустилъ Злату впередъ. Послѣ онъ вошелъ въ сосѣдскій садъ и безшумно заперъ за собою калитку; взялъ опять за руку Злату и повелъ ее осторожно вдоль стѣны, обросшей плющемъ. Они дошли до главныхъ воротъ, выходившихъ на улицу, и изъ этихъ воротъ Станко вынулъ чеку, осторожно отперъ ихъ, просунулъ голову и пристально осмотрѣлъ улицу вдоль и поперекъ и, убѣдившись, что никого нѣтъ, пропустилъ впе-

редъ Злату, и самъ вышелъ на улицу, опять незамѣтно притворилъ ворота и вполголоса сказалъ спутницѣ:

— Ступай за мною!

Проживъ долго въ этомъ околоткѣ, Станко зналъ каждый уголъ этой мѣстности.

Когда кончилась эта тѣсная улица, Станко повернулъ налѣво и очутился около частокола, которымъ тогда обведенъ былъ весь Бѣлградъ. Во многихъ мѣстахъ этотъ частоколъ подгнилъ и повалился на земь—такимъ образомъ образовался свободный проходъ. Здѣсь, гдѣ-то близъ бассейна теперешней Скадарской улицы, пробрался Станко съ Златою черезъ одинъ такой проходъ, повернулъ немного направо, выбрался въ поле и лугомъ добрался до „Сладкихъ-водъ", гдѣ въ настоящее время стоитъ „Палилулская казарма".

И отъ быстрой ходьбы, и отъ страха Злата устала и тихо сказала Станку:

— Отдохнемъ немного...

— Теперь можно, отвѣтилъ Станко.—теперь намъ нечего опасаться.

И перекрестившись три раза, онъ вполголоса сказалъ:

— Слава Тебѣ, Господи, за Твою милость!..

Тогда только Злата вспомнила, что это тотъ самый человѣкъ, котораго она видѣла въ окно сквозь рѣшетку въ саду, и который дважды перекрестился.

Разглядѣвъ хорошо Станка, она его спросила:

— Развѣ и ты сербской вѣры?

— Какъ же бы я перекрестился, если бы я не былъ христіаниномъ—сербской вѣры... отвѣтилъ онъ.

Тогда Злата трижды перекрестилась...

Послѣ двухъ мѣсяцевъ съ небольшимъ,—это первый разъ, что она явно перекрестилась.

ПѢСНЯ УГРОРУССА.

Не кори меня,
Мое солнышко,
Не кори меня,
Мое свѣтлое,—
Что порой съ тобой
Сижу пасмуренъ,
Къ рѣчи ласковой
Невнимателенъ,
На красу твою
Не любуюся,
Не гляжусь тебѣ
Въ очи ясныя:
Окромя тебя,
Моя ладушка,
У меня въ душѣ
Есть зазнобушка!
Не прогнать тебѣ
Лаской нѣжною
Злой тоски моей,
Злой заботушки!
Та-ль зазнобушка—
Моя родина,
Та-ль заботушка

Горе общее!
Не могу въ землѣ,
Обездоленной,
Жить я счастливо
Вдвоемъ съ милою;
Не пора теперь
Добру молодцу
Заводить семью,
Дѣтей пѣстовать;
Не хочу клонить
Головы своей
Предъ насильемъ злымъ,
Предъ дурачествомъ;
Лучше пусть она
Будетъ сложена
За родной мой край,
За свободушку!

Альфа Вита.

Политическое обозрѣніе.

Японія и Китай. — Балканскій Полуостровъ. — Борьба народностей въ Венгріи.— Галиція.—Шестой Географическій Конгресъ въ Лондонѣ.

Человѣческій умъ отличается странной и, надо прибавить, несчастной способностью—не замѣчать крупнаго и важнаго; человѣческое вниманіе по преимуществу занято пустяками. Исторія съ „Любопытнымъ" Крылова, любовавшимся въ кунсткамерѣ букашками и таракашками и не замѣтившимъ слона, вѣчно повторяется со многими умниками рода человѣческаго. Такъ въ мірѣ естественномъ, такъ и въ соціологическомъ. Болѣе ста лѣтъ принимается за несомнѣнное, что воздухъ есть смѣсь кислорода и азота, за это время успѣли появиться изслѣдованія о самыхъ рѣдкостныхъ свойствахъ наиболѣе рѣдкихъ газовъ, и только въ самое послѣднее время замѣчено, что составъ воздуха опредѣлялся неправильно, и что кромѣ кислорода и азота въ него входитъ еще нѣкій, до сихъ поръ совершенно неизвѣстный газъ. Такое же открытіе, но несравненно болѣе важное для дальнѣйшихъ судебъ человѣчества, сдѣлано недавно и въ мірѣ политическомъ. Открыта новая грозная сила. Европейскіе умники впервые замѣтили 500-милліонное племя желтолицыхъ. Оно, конечно, мы знали и раньше про существованіе Китая и Японіи. Но, вѣдь, что значитъ знать! Припоминаются наши учебники географіи, гдѣ о Японіи приблизительно столько же говорится, сколько о княжествѣ Монако, а Китаю удѣлено мѣсто немногимъ только больше. Въ учебникахъ исторіи о Японіи ужь ничего ровно найти нельзя, изъ исторіи же Китая хотя сообщаютъ нѣкоторыя свѣдѣнія, но совсѣмъ убогія, при чемъ и эти послѣднія относятся по времени чуть ли не къ началу мірозданія. Ученые географы и историки знаютъ, вѣроятно, немножко болѣе, но что и они не имѣютъ яснаго представленія о странахъ крайняго Востока, это они блестяще доказали въ послѣднее время, когда на настойчивые и тревожные запросы общества, они или хранили молчаніе, или отдѣлывались отрывочными и крайне скудными сообщеніями.

Кто они—эти желтолицые? Какіе идеалы заложены въ нѣдра ихъ милліонныхъ массъ? Какое вліяніе будетъ имѣть пробужденіе ихъ на дальнѣйшія судьбы человѣчества? Обо всемъ этомъ можно лишь догадываться.

„На отдаленномъ Востокѣ“, пишетъ извѣстный французскій профессоръ исторіи Эрнестъ Лависсъ (Revue de Paris № 13 отъ I/VII), „просыпается спавшая до сихъ поръ сила. Не станетъ ли Японія для многочисленной желтой расы тѣмъ, чѣмъ была Македонія для греческаго міра, Пруссія для Германскаго,—преобразователь и властелинъ. Тогда начнется ужасное соревнованіе между желтолицыми и бѣлолицыми, будь то въ мирное время или во время войны, потому что у желтой расы бездна дешевыхъ рукъ, число которыхъ все увеличивается, и все увеличивающагося военнаго элемента.

„Они научились отъ европейцевъ и работать и вести войну. Они вправѣ ненавидѣть, даже презирать бѣлолицыхъ, и можетъ быть уже у нихъ зарождается мысль объ отмщеніи и какъ отдаленная мысль *о господствѣ*... Все это въ связи съ внутреннимъ положеніемъ въ Европѣ, Богъ знаетъ, что еще дастъ въ будущемъ“.

Повидимому мысль о господствѣ вовсе ужъ не такъ далека отъ японцевъ. Сошлемся хотя бы на слѣдующее мѣсто изъ одной весьма любопытной статьи, присланной въ „Revue de Paris“ изъ Симоносеки и написанной лицомъ, близко стоящимъ къ японскимъ правительственнымъ сферамъ.

„Требуется возстановить самую древнюю въ мірѣ имперію. Ея блестящая исторія обнимаетъ тысячелѣтія, ея громадная территорія занимаетъ пространство въ милліоны миль. Дѣло идетъ о перестройкѣ ея основаній на вѣчныя времена“. (Это мѣсто статьи извлечено изъ офиціальнаго документа).

Далѣе идетъ такое самовосхваленіе гордыхъ побѣдителей:

„Эта трудная задача достойна насъ. Какими силами будемъ мы располагать, если намъ удастся, довести ее благополучно до конца. Китай располагаетъ неистощимыми богатствами и дѣятельнымъ, предпріимчивымъ, безчисленнымъ населеніемъ. Чего ему недоставало до сихъ поръ? Организаціи, соотвѣтствующей потребностямъ нынѣшняго времени; управленія, руководствующагося современными пріемами. Японія доставитъ ему и, въ случаѣ нужды, *заставитъ его принять* то, чего ему недоставало. Тогда нашему экономическому развитію не будетъ границъ. Передъ нашими учеными и администраторами откроется безпредѣльное поприще. Эти обширныя земли, открытыя нашею доблестью для цивилизаціи, покроются путями сообщеній и повсемѣстно возникнутъ промышленныя учреж-

денія. Въ то же время возрастутъ у насъ и военныя добродѣтели (?). Наша армія, нашъ флотъ будутъ представлять собою такую же грозную силу, какъ наша промышленность и торговое могущество. Иностранцевъ (т.-е. европейцевъ) мы болѣе бояться не будемъ. Имъ, напротивъ, придется либо *покоряться нашимъ условіямъ, либо убираться восвояси.* Наше преимущество передъ ними состоитъ въ томъ, что мы обладаемъ двумя культурами, т.-е. европейскою культурою, которою мы пользуемся для побѣды надъ ними, и своею собственною, которую они не поняли и усвоить ее себѣ не въ состояніи. Союзъ азіатскихъ народовъ съ Японіею во главѣ окажется непобѣдимымъ. Развѣ могутъ существовать какія-либо препятствія для массы въ пятьсотъ милліоновъ, если она будетъ умѣло и систематично организована?"

Для русскаго человѣка эти заносчивые планы монголовъ имѣютъ еще болѣе тревожное значеніе, чѣмъ для прочихъ европейцевъ, такъ какъ въ предстоящей окончательной уже борьбѣ Запада съ Востокомъ Россіи придется играть ту же роль, которая выпала на долю древнихъ грековъ въ эпоху перваго движенія Азіи на Европу; только борьба будетъ несравненно болѣе ужасной, и защищаемые интересы еще болѣе значительными...

Россія стоитъ на стражѣ христіанскаго образованнаго міра, на нее прежде всего будутъ направлены удары объединенныхъ монголовъ... Можно ли, однако, быть увѣреннымъ, что остальное войско во время поддержитъ авангардъ, что мы не будемъ предоставлены собственнымъ силамъ? Опытъ исторіи не даетъ намъ утѣшительнаго отвѣта. Все можетъ случиться. При той дружбѣ, которую питаютъ къ намъ Англія, Австрія, отчасти Германія и Италія, ничего невѣроятнаго нѣтъ даже въ томъ предположеніи, что намъ одновременно придется воевать на обѣ стороны, защищать христіанскую цивилизацію отъ варваровъ и обороняться въ то же время противъ цивилизованныхъ христіанъ. Что тогда будетъ?

Надо поэтому заранѣе постараться намъ обезпечить свое положеніе въ Азіи, и въ этомъ отношеніи настоящее время представляется въ высшей степени важнымъ.

Передовая нація Востока Японія, враждебнѣе другихъ къ намъ теперь настроенная, истощена войной и нѣкоторое время не въ состояніи будетъ оказывать сопротивленіе; въ Европѣ дѣла наши обстоятъ удовлетворительно: можно разсчитывать на дружбу Франціи и даже на нѣкоторое сочувствіе со стороны Германіи, Англія въ настоящее время едва ли предприметъ что-нибудь рѣшительное противъ Россіи. Никто и ничто не можетъ намъ, слѣдовательно, помѣшать получить отъ Китая

то, на что мы вправѣ разсчитывать, оказавъ ему громадную услугу. Телеграфъ давно оповѣстилъ міръ объ условіяхъ франко-китайскаго договора, но какъ Китай отблагодарилъ свою главную заступницу—пока еще неизвѣстно.

Говорили о предоставленіи Россіи права строить сибирскую дорогу чрезъ Манчжурію къ какому-нибудь незамерзающему порту. Поговорили и замолчали.

Неужели это была одна мечта?

Неужели и на этотъ разъ Россіи придется удовлетвориться однимъ голымъ „спасибо"?.. Не хотѣлось бы вѣрить...

Накопившаяся въ Китаѣ злоба на европейцевъ недавно разразилась избіеніемъ миссіонеровъ въ Ку-Ченгѣ. Еще весной въ этомъ городѣ замѣтны были крайне враждебныя вспышки противъ миссіи, особенно со стороны возмутившейся секты вегетаріанцевъ. За безопасность иностранцевъ нельзя было ручаться. Мѣстныя власти относились совершенно равнодушно къ участи миссіи и проживающихъ тамъ иностранцевъ,—по крайней мѣрѣ онѣ не предпринимали никакихъ дѣйствительныхъ мѣръ къ предупрежденію взрыва ярости черни. Наконецъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ ночью напала на миссію огромная толпа, звѣрски умертвила десять англійскихъ и американскихъ миссіонеровъ, а женщинъ и дѣтей, по сообщенію шанхайской депеши газеты „Central News", безжалостно истязали, били нагайками и изрѣзали саблями. Пасторъ Стюартъ сожженъ живымъ вмѣстѣ съ женой и дѣтьми. Поводомъ къ нападенію на миссію послужили распространившіеся въ невѣжественной толпѣ вздорные слухи, будто бы миссіонеры даютъ дѣтямъ лѣкарства, отъ которыхъ вылѣзаютъ глаза. Ежедневно мимо дома, гдѣ жилъ врачъ миссіи, проходили толпы народа съ крикомъ: „жгите дома иностранцевъ!" Особенно ненавистны католическіе воспитательные дома. Чернь смотритъ на нихъ подозрительно и распускаетъ молву, что тамъ выкалываютъ у дѣтей глаза, чтобы готовить изъ нихъ какое-то снадобье. На верхнемъ Янцекіангѣ эта нелѣпая молва настолько упорно держалась и волновала непросвѣщенные умы, что мѣстный губернаторъ счелъ нужнымъ издать особое объявленіе для разсѣянія этого заблужденія. При такомъ настроеніи толпы достаточно было какого-нибудь ничтожнаго повода для проявленія ненависти въ звѣрскихъ насиліяхъ надъ европейцами.

Представители Англіи и Соединенныхъ Штатовъ при пекинскомъ дворѣ потребовали отъ китайскаго правительства надежныхъ мѣръ къ огражденію безопасности миссіонеровъ и наказанія виновныхъ. Китай-

ское правительство производитъ разслѣдованіе дѣла совмѣстно съ англійскимъ и американскими кансулами и предаетъ казни виновныхъ. Вина. впрочемъ, отчасти быть можетъ и на самихъ европейцахъ, всегда примѣшивающихъ къ миссіонерству эксплоатацію и обманъ просвѣщаемыхъ.

Европейская печать негодуетъ на Китай за варварскія насилія надъ европейцами. Особенно угрожаютъ англійскія газеты. „Standard" высказывается, что если пекинское правительство не дастъ удовлетворенія, то Англія готова принять мѣры возмездія. „Daily Chronicle" замѣчаетъ, что Китай представляетъ неблагопріятное поле для христіанства. За 300 лѣтъ дѣятельности католической миссіи насчитывается всего только 1.092,818 католиковъ на 400 милліоновъ китайцевъ, хотя католическая миссія обладаетъ громадными просвѣтительными средствами, имѣетъ сотни монастырей и семинарій. Что касается протестантской миссіи, то она пользуется далеко меньшимъ успѣхомъ, не смотря на то, что въ Китаѣ въ общей сложности трудится до 5 тысячъ протестантскихъ наиболѣе образованныхъ миссіонеровъ и расходуется около $^1/_2$ мил. фунтовъ стерл. Насколько въ Китаѣ сравнительно малоуспѣшна христіанская пропаганда, настолько сильно магометанство, распространявшееся очень быстро еще въ VIII и IX вв. Въ настоящее время въ сѣверо-западномъ краѣ Китайской имперіи числится до 30 мил. мусульманъ.

Въ виду полнаго отсутствія свѣдѣній у насъ о хозяйственномъ и финансовомъ положеніи Японіи и Китая, намъ кажется не лишнимъ познакомить нашихъ читателей съ тѣми данными, которыя сообщаетъ по этому предмету бывшій германскій посланникъ при токіоскомъ и пекинскомъ дворахъ фонъ-Брандтъ [1]).

„Финансовое положеніе Японіи.

Финансовое положеніе Японіи гораздо менѣе блистательно, чѣмъ изображается японскою печатью и ея европейскими друзьями. Бюджетъ на 189$^5/_6$ годъ исчисленъ въ 90.301,000 іенъ [2]) или 58.695,000 руб. мет. доходовъ и 89.757.000 іенъ или 58.342,000 р. м. расходовъ, что составляетъ разницу въ пользу доходовъ въ 353,000 р. м.; при этомъ доходы исчислены на 1.466,000 р. м.; а расходы на 6.251,000 р. м. болѣе противъ послѣдняго бюджетнаго года. Такой разсчетъ указываетъ, повидимому, на вполнѣ удовлетворительное состояніе финансовъ, но къ оффиціальнымъ бюджетамъ слѣдуетъ, конечно, относиться съ должной осторожностью. Въ бюджетѣ на 189$^5/_6$ годъ, напримѣръ, вовсе не упоминается о суммахъ, вырученныхъ отъ военныхъ зай-

---

[1]) Вѣстн. Фин., Пром. и Торговли, № 27.

[2]) Японскій іенъ, или долларъ, составляетъ по нынѣшнему курсу 0,65 руб. мет.

мовъ, между тѣмъ какъ обыкновенные и чрезвычайные расходы на содержаніе войскъ и флота, несмотря на войну, оказываются менѣе значительными, чѣмъ въ истекшемъ году. Сумма заключенныхъ до настоящаго времени исключительно внутреннихъ военныхъ займовъ простирается теперь до 162½ мил. руб. мет. Извѣстно, съ какимъ восторгомъ былъ встрѣченъ и покрытъ съ избыткомъ первый заемъ. Правильно руководствуясь убѣжденіемъ, что патріотизмъ подписчиковъ превышаетъ ихъ платежныя силы, правительство реализовало лишь 50 процентовъ этого займа, и все-таки облигаціи его стоятъ теперь на 10 процентовъ ниже объявленной ихъ стоимости. Уже въ январѣ настоящаго года японскій банкъ оказался принужденнымъ, вслѣдствіе все возраставшаго недостатка въ звонкой монетѣ, выпустить на 2 мил. руб. мет. банкнотовъ сверхъ того количества, которое онъ вправѣ выпускать въ оборотъ на основаніи своего устава и наличнаго запаса металла. На недостатокъ въ звонкой монетѣ указываетъ также выпускъ правительствомъ «военныхъ чековъ», на сумму 32½ мил. руб. мет., предназначавшихся на покрытіе расходовъ въ непріятельской странѣ.

Къ концу восьмидесятыхъ годовъ доходы Китая, при численности населенія поменьшей мѣрѣ въ 300 мил. душъ, оцѣнивались въ 78½ милл. ланъ [1]), при чемъ оцѣнка эта по всей вѣроятности, весьма низка, и болѣе соотвѣтствующею была бы, повидимому, сумма въ 100 милл. ланъ [2]). До начала войны Китай или вовсе не имѣлъ внутренняго долга, или, если имѣлъ, то весьма незначительный, да и объ этомъ долгѣ едва ли стоитъ говорить, такъ какъ погашеніе подобныхъ принудительныхъ займовъ, разсматриваемыхъ правительствомъ какъ доброхотныя приношенія патріотовъ, обыкновенно достигается дарованіемъ титуловъ, должностей, знаковъ отличія и т. п., ничего не стоющими казнѣ мѣропріятіями. Не будь войны, внѣшніе займы Китая были бы совершенно погашены къ іюлю текущаго года; въ мартѣ же сего года сумма ихъ составляла приблизительно 31 м. р. мет., проценты съ коихъ могутъ быть исчислены въ 1.860,000 р. мет., т. е. значительно менѣе десятой части ежегодныхъ доходовъ съ морскихъ таможенныхъ пошлинъ, которые въ настоящее время могутъ быть исчислены приблизительно въ 23 м. р. м. При томъ обложеніе не превышаетъ въ Китаѣ 0,31 р. мет. на душу. Если даже принять въ разсчетъ, что такая же сумма идетъ въ карманы чиновниковъ, то и въ такомъ случаѣ норма обложенія въ Китаѣ оказывается весьма низкою. Въ Японіи, съ другой стороны, при населеніи въ 41 мил. человѣкъ, на душу приходится 1,24 р. м., и вмѣстѣ съ тѣмъ государственный долгъ равенъ приблизительно 300 мил. іенъ, или 195 мил. р. м., а вмѣстѣ съ военнымъ долгомъ 189⅘ г. 550 мил. іенъ, или 357½ мил. р. мет.

Съ другой стороны, при сравненіи экономическаго положенія Китая и Японіи нельзя упускать изъ виду, что промышленная дѣятельность Японіи достигла за послѣднее десятилѣтіе чрезвычайнаго развитія; во многихъ областяхъ она оказалась не только не уступающею промышленности Европы и Индіи, но даже превосходящею ее. Причинъ этому отыскать не трудно. Въ 1875 г. послѣдовалъ выкупъ отпускавшихся высшему и низшему дворянству,

---

[1]) По тогдашнему курсу (около 1 руб. 50 коп. мет. за ланъ) 118 милл. руб.
[2]) 150 милл. руб. мет. по тогдашнему курсу.

взамѣнъ прежнихъ наслѣдственныхъ доходовъ, пожизненныхъ и иныхъ пенсій, внесенныхъ еще въ смѣту на $187^5/_6$ г. въ суммѣ $22^1/_2$ м. іенъ, или, по тогдашнему курсу, 28 р. мет.; пенсіи эти были капитализованы въ размѣрѣ причитавшейся за 15—14 лѣтъ суммы и выданы государственными облигаціями; слѣдствіемъ этого было, что, съ одной стороны, сильно увеличилась сумма свободнаго для промышленныхъ и другихъ предпріятій капитала, между тѣмъ какъ, съ другой стороны, явилась настоятельная необходимость въ цѣлесообразномъ помѣщеніи послѣдняго, такъ какъ въ противномъ случаѣ надо было ожидать значительнаго паденія курса облигацій.

Отсутствіе въ Японіи закона объ охраненіи правъ собственности на изобрѣтенія дала японцамъ возможность пріобрѣтать за дешевую цѣну новѣйшія и лучшія машины; не малую выгоду приносила имъ при этомъ беззастѣнчивость, съ которою они обращали въ свою пользу довѣріе тѣхъ европейскихъ промышленниковъ, которые, по своей добротѣ и легкомыслію, допускали ихъ къ себѣ на фабрики; быстрому развитію промышленности способствовала, кромѣ того, дешевизна труда (по отчету англійскаго консульства о состояніи иностранной торговли въ Японіи средняя заработная плата равнялась въ 1893 г. для мужчины 17,4 сена ($11^1/_2$ коп. мет.), а для женщины 8,9 сенъ (менѣе 6 коп. мет.) за рабочій день въ $11^1/_2$ часовъ, съ перерывами для ѣды, а также отсутствіе препятствующаго чрезмѣрной эксплоатаціи труда фабричнаго надзора и дешевизна топлива. Тамъ, гдѣ провозная плата угрожала повышеніемъ цѣнъ на сырье, мореходство и промышленность постарались и съумѣли войти другъ съ другомъ въ соглашеніе, какъ, напримѣръ, по вопросу о доставкѣ въ Японію изъ Бомбея сырого хлопка. Когда фрахтъ за тонну хлопчатой бумаги составлялъ $5^1/_2$ р. мет., японское общество пароходства, по состоявшемуся между нимъ и обществомъ бумагопрядильщиковъ соглашенію, обязалось понизить провозную плату до 4,16 р. мет., при чемъ владѣльцы бумагопрядиленъ дали обѣщаніе перерабатывать исключительно доставленный на корабляхъ японскаго пароходнаго общества хлопокъ, и кромѣ того, вознаградить послѣднее за всѣ тѣ убытки, которые оно можетъ понести въ случаѣ возникновенія между нимъ и другими пароходными обществами борьбы изъ-за грузовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ былъ установленъ штрафъ въ $97^1/_2$ к. мет. за тюкъ или 3,90 р. мет. за тонну для всѣхъ тѣхъ фабрикантовъ, которые стали бы употреблять хлопокъ, доставленный не этимъ путемъ. Современное положеніе японской промышленности является очевидною угрозою для промышленности европейской. Опасность эта лучше пространныхъ разсужденій доказывается слѣдующимъ сопоставленіемъ цѣнъ, платимыхъ въ Сингапурѣ за японскіе и англійскіе товары.:

	Японскіе.	Англійскіе.
	Рубли металлическ.	
Безопасныя спички . . .	9,10—11,37	16,25—20,80
Сѣрныя » . . .	7,47— 8,77	[1])
Шелковыя матеріи . . .	. . . . .	[2])

[1]) Нѣтъ ввоза.
[2]) Не могутъ соперничать.

Зонтики обыкнов. за дюж.	1,95	3,41
» шелковые за шт. .	0,97	2,60
Гвозди мѣдные	13	20,80
Полотенца всякихъ сортовъ.	0,19	0,42
Куртки обыкнов. за дюж.	1,30	2,99
Часы стѣнные	2,92	5,52
Зеркала . . . за дюж.	0,39	0,65—0,81
Сундуки . . . за шт. .	2,27	7,80

Кромѣ того, Японія производитъ и вывозитъ писчую и печатную бумагу, желтую мѣдь, желѣзную проволоку, мыло, пиво, минеральныя воды, хлопчатобумажныя издѣлія, металлическія пуговицы, чулочный товаръ, керосиновыя лампы и уголь. Англійскія спички на всѣхъ рынкахъ Китая уже совершенно вытѣснены японскими, стоющими немного дороже 19 к. мет. за гроссъ (12 дюжинъ); онѣ большею частью плохаго качества и проникли на означенные рынки только благодаря тому, что коробки, въ которыя онѣ упаковываются, поразительно похожи на издѣлія лучшихъ англійскихъ фабрикъ, чѣмъ были введены въ обманъ безграмотные туземные покупатели. Японскій уголь также получаетъ быстрое распространеніе. По таможеннымъ отчетамъ, въ 1893 г. около 29½ мил. пуд. угля и 11 мил. пуд., такъ называемой, угольной пыли вывезено изъ Японіи въ Гонконгъ и Британскую Индію, со включеніемъ Сингапура. Японскій уголь въ Сингапурѣ продается по 5,7 к. мет. за пудъ, между тѣмъ, какъ англійскій уголь не можетъ быть доставленъ туда дешевле 9,3 к. мет. за пудъ. Въ засѣданіи «Royal Colonial Institute», происходившемъ въ Лондонѣ 12 февраля текущаго года, было указано, что 20 японскихъ бумагопрядиленъ консульскаго округа Осака-Хіого дали въ 1891 г. въ среднемъ 17 процентовъ дивиденда (высшій процентъ 28, низшій 8%), въ то время, какъ 65 ланкаширскихъ бумагопрядиленъ работали въ 1894 г. съ убыткомъ въ 2½ милл. руб. мет.; это показаніе подтверждается также данными консульскаго отчета за 1893 г., по которымъ изъ 6 бумагопрядиленъ означеннаго округа двѣ уплатили въ 1893 г. 20 процентовъ дивиденда, одна 12 процентовъ, а три по 10 процентовъ. Число находящихся въ употребленіи веретенъ, опредѣляется означеннымъ отчетомъ въ 345,470 штукъ, вѣсъ выдѣланныхъ (за первую половину 1893 г.) нитокъ въ 1.435,000 пудовъ, а число рабочихъ въ 5,780 мужчинъ и 19,219 женщинъ. Чтобы обезпечить Японіи независимое отъ другихъ странъ положеніе и въ отношеніи потребнаго ей количества сахара, предполагалось построить въ Осака рафинадный заводъ съ акціонернымъ капиталомъ въ 650,000 руб. мет.; другой такой же заводъ на Люкюскихъ островахъ, съ капиталомъ въ 487,000 руб. мет., если вѣрить извѣстіямъ, уже оконченъ постройкой. При этомъ, надо думать, главнымъ образомъ имѣлась въ виду обработка привознаго сахара-сырца, такъ какъ издержки производства туземнаго сахара слишкомъ значительны: 1 пудъ сацумскаго сахара обходится въ 1,74 руб. мет., люкюскаго въ 1,02 руб. мет., а филиппинскаго всего въ 0,39 руб. мет. Желаніе присоединенія Формозы, изъ которой весь вывозимый сахаръ, цѣнностью болѣе, чѣмъ въ 650,000 руб. мет., идетъ въ Японію или прямо, или черезъ Гонконгъ, существенно связано съ вопросомъ о сахарѣ; кромѣ того, это земельное пріобрѣтеніе дастъ Японіи еще и монополію восточно-азіатской торговли камфорой. Японія въ настоящее время

употребляетъ отъ 5 до 8 милл. пуд. желѣза. Для покрытія этой потребности, по сообщеннымъ бывшимъ директоромъ горнаго вѣдомства, Вада, свѣдѣніямъ, въ провинціяхъ Цикузенѣ, Акито и Эциго имѣются рудники, содержащіе около 2 милліардовъ пуд. желѣзной руды, и постоянно открываются новыя залежи. Къ тому же, условія для разработки рудниковъ съ каждымъ годомъ улучшаются. Въ прежнее время провозъ одного пуда желѣзной руды изъ рудниковъ до Токіо стоилъ 4,7 коп. металл., а теперь она доставляется за 1,9 коп. мет.; каменный уголь тогда стоилъ 14,7 коп. мет. за пудъ, а теперь цѣна угля стала ниже 5,2 коп. мет., и потому нѣкоторые желѣзодѣлательные заводы начинаютъ съ успѣхомъ вести борьбу съ иностраннымъ ввозомъ. Этихъ данныхъ о промышленномъ развитіи Японіи будетъ достаточно, чтобы обратить вниманіе на тѣ опасности, которыя съ ея стороны грозятъ европейской промышленности. Къ тому же эти опасности не уменьшаются тѣмъ обстоятельствомъ, что большая часть производствъ японской промышленности безусловно низкаго достоинства и болѣе, чѣмъ нѣмецкіе товары на выставкѣ въ Филадельфіи, заслуживаютъ отзыва «дешево и скверно». Азіяты, вообще говоря, предпочитаютъ дешевый, хотя и плохой товаръ, дорогому и хорошему, да отчасти тоже самое можно сказать и объ Европѣ и Америкѣ, съ чѣмъ долженъ будетъ согласиться всякій, знакомый съ той дрянью, которая привозится изъ Японіи въ видѣ лакированныхъ, фарфоровыхъ и глиняныхъ издѣлій, ковровъ и т. д. и находитъ себѣ хорошій сбытъ.

Въ Китаѣ заводская промышленность развивается гораздо медленнѣе, въ соотвѣтствіи съ условіями страны и населенія. За исключеніемъ нѣсколькихъ расположенныхъ въ окрестностяхъ Шанхая бумагопрядиленъ и ткацкихъ фабрикъ, отчасти еще недостроенныхъ, отчасти начавшихъ работать недавно, со стороны частныхъ лицъ въ этомъ направленіи не сдѣлано ничего. Причины этому надо, по всей вѣроятности, искать, главнымъ образомъ, во вмѣшательствѣ правительственныхъ учрежденій и чиновниковъ, изъ которыхъ первыя препятствуютъ, по возможности, всякому участію въ подобныхъ предпріятіяхъ иностраннаго капитала и интеллигентныхъ силъ, а чиновники стараются монополизировать всѣ отрасли промышленности, отъ которыхъ ожидаютъ себѣ наживы. Устроенные правительственными учрежденіями арсеналы и фабрики до сихъ поръ врядъ ли могутъ считаться для иностранной промышленности дѣйствительными соперниками; для первыхъ не имѣется ни знающихъ дѣло чиновниковъ, ни оборотныхъ средствъ, вторыя устроены безъ всякаго соображенія съ возможной ихъ доходностью. Въ основѣ такихъ правительственныхъ предпріятій всегда лежитъ мысль обратить торговый балансъ въ пользу Китая. Напримѣръ, въ Китаѣ важный предметъ привозной торговли составляютъ иголки, поэтому нашли нужнымъ устроить иголочную фабрику; для желѣзныхъ дорогъ, которыя предполагается построить въ будущемъ, понадобятся, безъ сомнѣнія, рельсы, слѣдовательно для изготовленія ихъ слѣдуетъ устроить обширные заводы; имѣется ли вообще желѣзо и уголь удовлетворительнаго качества на не слишкомъ отдаленномъ отъ заводовъ разстояніи—это вопросъ второстепенный, который будетъ поднятъ только тогда, когда всѣ машины будутъ заказаны и даже установлены на заводахъ. Сносные результаты дало до сихъ поръ изъ такого рода предпріятій только одно, а именно каменноугольныя копи у Тянь-цзиня, и то единственно благодаря стеченію нѣсколькихъ особенно благопріятныхъ условій; неудивительно, что, при такомъ положеніи дѣлъ, правительство и про-

винціальныя учрежденія стали относиться недовѣрчиво къ этимъ казеннымъ предпріятіямъ, которыхъ въ настоящее время менѣе, чѣмъ ихъ было десять лѣтъ тому назадъ.

Большія надежды возбуждаетъ въ промышленныхъ сферахъ ожидаемое, какъ слѣдствіе борьбы съ Японіей, экономическое открытіе Китая для иностранной промышленности, хотя возможно, что многіе и сами не вполнѣ уясняютъ себѣ, что слѣдуетъ понимать подъ этимъ «экономическимъ открытіемъ». Большинство англичанъ понимаютъ подъ нимъ болѣе производительное, чѣмъ до сихъ поръ, помѣщеніе въ Китаѣ англійскаго капитала, и въ такомъ смыслѣ смотрятъ на него большею частью, вѣроятно, и въ Германіи. Займы, желѣзныя дороги, рудники, порты, укрѣпленія, заводы и фабрики считаются предпріятіями, въ которыхъ иностранные капиталы могутъ найти вѣрное и выгодное помѣщеніе.

Разсчетъ западно-европейскихъ капиталистовъ на выгодное помѣщеніе своихъ денегъ въ китайскихъ займахъ дѣйствительно можетъ вполнѣ оправдаться, такъ какъ Китаю, во всякомъ случаѣ, придется прибѣгнуть къ иностранному кредиту въ весьма широкихъ размѣрахъ, хотя бы только для пополненія причиненныхъ послѣднею войною потерь и для возстановленія своихъ военныхъ силъ, не говоря уже о преобразованіи китайскаго административнаго, финансоваго и экономическаго строя. Къ тому же финансовое положеніе Китая, въ особенности незначительная задолженность этой страны, представляетъ собою достаточное обезпеченіе для европейскихъ кредиторовъ, тѣмъ болѣе, что Китай до сихъ поръ пользовался славой весьма исправнаго плательщика. По имѣющимся даннымъ [1]) задолженность Китая представляется въ слѣдующемъ видѣ: Китай не имѣлъ иностраннаго долга до конца 1874 года. Въ декабрѣ 1874 года правительство заключило заемъ въ 627,675 фунт. стер. (около 4 мил. р. м.) изъ 8% подъ обезпеченіе таможенныхъ доходовъ. Второй 8% иностранный заемъ, также подъ таможенные доходы, въ 1.604,276 фунт. стерл. (слишкомъ 10 милл. руб. мет.) былъ выпущенъ въ іюлѣ 1878 г. Съ тѣхъ поръ были заключены слѣдующіе серебряные займы: въ 1884 году на 1.505,000 фунт. стерл. (около 9½ милл. р. м.), а въ 1886 г. на 2.250,000 фунт. стерл. (болѣе 14 милл. руб. мет.). Въ февралѣ 1887 г. былъ заключенъ заемъ въ Германіи на 250,000 фунт. стерл. (1½ милл. р. м.), въ 1895 г. выпущенъ военный заемъ въ 3 милл. фунт. стерл. (19 милл. р. мет.). Различные незначительные серебряные займы заключались въ Гонконгѣ и Шанхаѣ нѣкоторыми генералъ-губернаторами для потребностей подвѣдомственныхъ имъ провинцій. Весь внѣшній долгъ Китая оцѣнивается приблизительно въ 9 милл. фунт. стерл. (56½ милл. руб. мет.). Однако, г. фонъ Брандтъ утверждаетъ, что заключенные до 1895 г. займы Китая почти всѣ уже погашены и что, не будь войны, послѣдній остатокъ этихъ долговъ въ размѣрѣ 450,000 фунт. стерл. (2.835,000 р. м.) былъ бы уплаченъ въ іюнѣ 1895 г., такъ какъ потребная на то сумма была уже внесена китайскимъ правительствомъ въ одинъ изъ англійскихъ банковъ. О нынѣшнемъ состояніи китайскаго государственнаго долга г. фонъ Брандтъ говоритъ слѣдующее: «Съ начала войны за-

[1]) Изъ «The Statesman's Year-Book» за 1895 г.

ключены Китаемъ слѣдующіе внѣшніе займы: а) семипроцентный серебряный заемъ въ декабрѣ 1894 г. на 1.635,000 фунт. стерл. (10.300,000 р. мет.); б) шестипроцентный золотой заемъ въ февралѣ 1895 г. на 3.000,900 фунт. стерл. (около 19 милл. р. м.); в) выпущены облигаціи на нѣсколько сотъ тысячъ фунтовъ стерлинговъ, также обезпеченныя доходами таможеннаго вѣдомства и находящіяся почти исключительно въ рукахъ нѣмцевъ; послѣдніе участвовали и въ золотомъ займѣ съ капиталомъ приблизительно въ 450,000 фунт. стерл. (2.835,000 р. м.). И такъ весь внѣшній долгъ Китая можно оцѣнить приблизительно въ 5 милл. фунт. стерл. (31½ милл. р. мет.), а на уплату процентовъ по сему долгу потребуется ежегодно приблизительно по 300,000 фунт. стерл. (почти 2 милл. руб. мет.). Кромѣ того, по слухамъ, имѣется будто бы еще внутренній заемъ въ 3.300,000 фунт. стерл. (около 21 милл. руб. мет.), гарантированный доходами того же таможеннаго вѣдомства [1]).

Такъ какъ, несмотря на неблагопріятный курсъ, упомянутые доходы достигаютъ ежегодно приблизительно 3½ милл. фунт. стерл. (22 милл. руб. мет.), то за вычетомъ издержекъ по содержанію таможеннаго вѣдомства и по другимъ обязательствамъ, включая сюда и 300,000 фунт. стерл. (2 милл. руб. мет.) процентовъ, получается свободный остатокъ еще приблизительно въ 2½ милл. фунт. стерл. (15½ милл. р. мет.), такъ что является возможность приступить къ заключенію новыхъ займовъ, считая ихъ изъ 6%, на сумму приблизительно въ 46 милл. фунт. стерл. (289 милл. р. мет.)».

Самый надежный источникъ китайскихъ государственныхъ доходовъ, таможни для иностранныхъ судовъ, находятся подъ управленіемъ сэра Роберта Харта; всѣ отвѣтственныя должности этого вѣдомства замѣщены иностранцами, и доходы его составляются изъ сборовъ съ судовъ иностраннаго происхожденія и изъ пошлинъ на ввозимые или вывозимые на такихъ судахъ товары; затѣмъ, изъ ввозной пошлины на иностранный опіумъ и изъ транзитной пошлины, уплачиваемой тотчасъ же при переходѣ опіума въ китайскія руки.

Всѣ вообще государственные доходы китайскаго правительства г. фонъ Брандтъ оцѣниваетъ выше, чѣмъ кто-либо другой, а именно, по приблизительному разсчету, въ 100 милл. ланъ, или столько же милліоновъ рублей мет., такъ какъ по нынѣшнему курсу 1 лана (или 1 таэль) равна 1 рублю мет.; доходы эти слагаются приблизительно изъ слѣдующихъ статей:

	Милліоны ланъ.
Поземельный налогъ	35
Продажа титуловъ и должностей	5
Налогъ на рисъ	3
Соляная монополія	10
За концессіи и т. п.	2
Мѣстныя пошлины, включая туземный опіумъ	10
Ли-цзиньскіе сборы	12
Морскія таможенныя пошлины, включая иностранный опіумъ	23
Итого	100

[1]) Но г. фонъ Брандтъ, очевидно, не принимаетъ этой суммы въ разсчетъ, такъ какъ существованіе сего долга является сомнительнымъ.

Если въ этомъ разсчетѣ и заключается какая-либо ошибка въ пользу Китая, то всѣ послѣдующіе доводы отъ этого окажутся тѣмъ ближе къ истинѣ. Изъ означенныхъ 100 милл. лапъ прежде всего подлежатъ отчисленію суммы, потребныя на уплату процентовъ и погашенія внѣшняго долга, со включеніемъ военнаго вознагражденія Японіи; далѣе представляется по меньшей мѣрѣ весьма вѣроятнымъ, что по внутреннимъ займамъ, т. е. за занятыя или пожертвованныя соляными торговцами и другими коммерческими ассоціаціями суммы, послѣднимъ предоставлены и обѣщаны на извѣстное число лѣтъ понпженіе налоговъ и льготы въ торговлѣ солью, равно какъ и при выдачѣ концессій, а также, въ ущербъ будущимъ годамъ сдѣлано все возможное въ отношеніи продажи титуловъ и должностей. Въ этихъ статьяхъ слѣдуетъ, значитъ, ожидать значительныхъ недоборовъ. Спрашивается, чѣмъ можно будетъ покрыть эти недоборы? Возвышеніе мѣстныхъ пошлинъ возможно, но очень затруднительно, въ виду потребныхъ для проведенія означенной мѣры расходовъ и отсутствія надлежащимъ образомъ подготовленныхъ чиновниковъ. Объ увеличеніи размѣра поземельнаго налога и думать нечего. Хотя этотъ налогъ уже въ началѣ нынѣшняго столѣтія доставлялъ 40 милл. лапъ въ годъ (33 милл. серебромъ, остальное рисомъ), однако, возстаніе тайпинговъ и другіе смуты въ періодъ отъ 1850 до 1875 г. съ ихъ экономическими послѣдствіями понизили доходъ съ поземельнаго налога болѣе, чѣмъ на половину. Во всякомъ случаѣ, по поземельному налогу нельзя получить большей цифры, чѣмъ 35 милл. лапъ, а потому остаются только дальнѣйшія обложенія торговыхъ сношеній. Давно уже сознано китайскимъ правительствомъ, что, при нынѣшнемъ курсѣ серебра, уплачиваемыя серебромъ за привозимые и вывозимые товары пошлины далеко не представляютъ собою 5% стоимости этихъ товаровъ, составляя по сравненіи съ золотомъ, приблизительно только 40% прежняго своего размѣра; поэтому, требованіе китайскаго правительства, направленное къ поднятію ихъ хотя бы до полныхъ 5% стоимости товаровъ, могло бы тѣмъ менѣе встрѣтить противорѣчія со стороны иностранныхъ правительствъ, что, благодаря такому мѣропріятію, не мало возросла бы, въ отношеніи къ иностранной промышленности, покупательная сила китайскаго правительства. Но и суммъ, ожидаемыхъ къ поступленію отъ подобнаго возвышенія пошлинъ, взимаемыхъ съ иностранцевъ за ввозъ и вывозъ товаровъ, все-таки далеко не хватало бы на покрытіе дефицита; поэтому, если бы китайскому правительству было отказано въ дальнѣйшемъ повышеніи тарифныхъ пошлинъ, ему оставалось бы только приступить къ повышенію внутреннихъ пошлинъ, мѣстныхъ налоговъ; ли-цзиньскихъ сборовъ и т. д. Но подобная мѣра легла бы на иностранцевъ или прямо, такимъ образомъ, что всякое возвышеніе налога включалось бы китайскими торговцами въ уплачиваемую или требуемую ими цѣну, или косвенно, въ отношеніи торговли съ туземцами, подрывая покупательную силу послѣднихъ. Вслѣдствіе такого положенія дѣлъ, не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что иностранной торговлѣ и иностранной промышленности придется въ весьма скоромъ времени пополнять изъ собственнаго кармана всѣ имѣющія произойти, вслѣдствіе уплаты военнаго вознагражденія и подобныхъ издержекъ, прорѣхи въ китайскомъ бюджетѣ, между тѣмъ какъ уплачиваемыя Японіи Китаемъ суммы пойдутъ на пользу самаго опаснаго для нихъ, въ области промышленности, восточно-азіатскаго конкуррента и въ значительной степени усилятъ его производительность. При такихъ обстоятельствахъ, Европа отъ открытія для нея

китайскихъ внутреннихъ областей едва ли получитъ тѣ выгоды, на которыя она разсчитываетъ. Даже успѣхъ предполагаемой разработки китайскихъ рудниковъ и каменноугольныхъ копей и постройки къ нимъ желѣзныхъ дорогъ представляется дѣломъ весьма сомнительнымъ.

Вообще, всякое примѣненіе крупныхъ иностранныхъ капиталовъ въ горнозаводскомъ дѣлѣ въ Китаѣ, при неизслѣдованности естественныхъ условій края, при своеволіи чиновниковъ и непріязни населенія къ чужестранцамъ, сопряжено съ значительнымъ рискомъ. Нѣсколько лучше обстоитъ дѣло съ хлопчато-бумажнымъ производствомъ. Въ 1892 г. изъ одного Шанхая вывозилось 2.330,000 пуд. хлопка-сырца. Этотъ матеріалъ съ успѣхомъ можетъ быть обработанъ въ самомъ Китаѣ, но правительство, по крайней мѣрѣ до сихъ поръ, оказывало сильное сопротивленіе всякому участію иноземцевъ въ подобныхъ предпріятіяхъ, руководимое желаніемъ предохранять страну отъ эксплоатаціи иностранцевъ, между тѣмъ какъ ненадежность и неспособность туземцевъ къ завѣдыванію крупными промышленными дѣлами исключаютъ всякую возможность развитія промышленности при такихъ условіяхъ.

Несмотря на неблагопріятный для Китая исходъ японско-китайской войны, европейской промышленности отъ того нисколько не легче; если Китай въ будущемъ, несмотря на свое пораженіе, останется сильнымъ и независимымъ, онъ и впредь станетъ продолжать свою національную экономическую политику; если же онъ впослѣдствіи вполнѣ подпадетъ вліянію Японіи, то послѣдняя, конечно, не станетъ пользоваться этимъ вліяніемъ для поддержанія соперничества европейской промышленности.

О промышленномъ состояніи восточной Азіи, сравнительно съ Европой, можно, на основаніи всего вышеизложеннаго, сказать вкратцѣ, что Японія уже успѣла выказать себя опаснымъ соперникомъ Европы, и что вполнѣ основательно опасаться подобныхъ успѣховъ и со стороны Китая, по крайней мѣрѣ въ нѣкоторыхъ отрасляхъ, въ особенности въ хлопчато-бумажномъ производствѣ. Японія воспользовалась опытомъ Европы въ полной мѣрѣ, не удѣливъ, однако, послѣдней ничего изъ доставшихся ей благодаря этому барышей; она отклонила участіе европейскаго капитала, извлекая изъ европейской интеллигенціи всю возможную пользу, и надо полагать, что Китай послѣдуетъ ея примѣру. Во всякомъ случаѣ, между Европой и восточной Азіей должна возгорѣться промышленная война, и эта война—съ участіемъ ли европейскаго капитала или безъ такого участія—будетъ тѣмъ ожесточеннѣе и приметъ тѣмъ менѣе благопріятный для Европы ходъ, чѣмъ больше будутъ тѣ финансовыя средства, которыя послѣдняя предоставитъ въ распоряженіе восточной Азіи для борьбы съ европейской промышленностью. Потери, которыя отъ этого понесетъ Европа, будутъ тѣмъ крупнѣе и продолжительнѣе, что всѣ акціонерные капиталы, помѣщаемые въ китайскія желѣзнодорожныя и горнопромышленныя предпріятія, по всѣмъ вѣроятіямъ пропадутъ безвозвратно. Хотя, такимъ образомъ, съ одной стороны, въ настоящее время, равно какъ и въ ближайшемъ будущемъ китайскіе государственные займы могутъ считаться наилучшимъ помѣщеніемъ германскаго капитала, но, съ другой стороны, европейскихъ капиталистовъ слѣдуетъ самымъ настоятельнымъ образомъ предостерегать отъ участія во всѣхъ прочихъ, промышленныхъ предпріятіяхъ пока они хоть сколько-нибудь зависятъ отъ произвола мѣстныхъ учрежденій и частныхъ лицъ, интересы которыхъ всегда должны считаться идущими въ разрѣзъ съ интересами иностранцевъ.

II.

Балканскій полуостровъ вотъ уже нѣсколько мѣсяцевъ волнуетъ политическія сферы Европы и даетъ обильный матеріалъ для разныхъ толковъ и политическихъ соображеній въ европейской печати. Начавшіеся еще съ весны безпорядки въ Македоніи значительно усилились въ іюлѣ мѣсяцѣ, такъ что турецкое правительство сочло нужнымъ сосредоточить въ этой провинціи внушительныя военныя силы. Сербія и Болгарія заинтересованы македонскимъ движеніемъ не только какъ сосѣднія государства, но и по національной связи съ македонскимъ населеніемъ. Чтобы избѣжать всякихъ нареканій въ потворствѣ возставшимъ и отклонить подозрѣнія въ сочувствіи македонскому возстанію, и Болгарія, и Сербія усилили бдительность на своихъ границахъ и пресѣкли всякую поддержку, какую македонцы получали въ началѣ отъ своихъ земляковъ. Въ концѣ іюля турецкіе отряды разогнали повстанцевъ, которыхъ набралось до 600 человѣкъ. Большая часть ихъ бѣжала въ Болгарію. По послѣднимъ извѣстіямъ, македонское движеніе затихаетъ, хотя высказываются опасенія на счетъ непродолжительности этого затишь. Австріи и Англіи очень хотѣлось вмѣшаться въ это дѣло, чтобы, пользуясь случаемъ, извлечь какую-либо новую выгоду для себя. Особенно это желательно Австріи, которая только и существуетъ постоянною рознью и смутою въ средѣ западныхъ и южныхъ славянъ.

Извѣстно какимъ расположеніемъ австрійскихъ правительственныхъ сферъ пользовался печальной памяти Стамбуловъ. Австрія старалась выставить Стамбулова защитникомъ національныхъ болгарскихъ интересовъ, передовымъ борцомъ за болгарское народное дѣло, за болгарскую свободу. Австрійская и мадьярская (отчасти и польская) печать утверждала, что на сторонѣ Стамбулова чуть не весь Болгарскій народъ. Ужасный конецъ Стамбулова и обстоятельства, сопровождавшія его похороны и слѣдовавшія за ними, наглядно обнаружили до чего лживы были упомянутыя заявленія нашихъ недоброжелателей и какія въ дѣйствительности чувства питали болгары къ этому тирану. Стамбуловъ палъ жертвою своихъ собственныхъ злодѣяній. 3 іюля, когда онъ возвращался изъ Уніонъ-Клуба вмѣстѣ со своимъ другомъ Петковымъ, три неоткрытыя и до сихъ поръ лица напали на него и ятаганами нанесли столь тяжкія раны, что на слѣдующій день ему отняли обѣ руки, а чрезъ три дня онъ распрощался съ этимъ міромъ. Его сограждане, не дожидаясь суда потомства,

уже выразили свой приговоръ въ томъ презрѣніи, съ какимъ они отнеслись къ памяти своего бывшаго перваго министра. Жандармы должны были охранять гробъ отъ гнѣва и ненависти народа, а на мѣстѣ совершенія убійства, когда Петковъ вздумалъ восхвалять благодѣянія оказанныя якобы покойнымъ Болгаріи, произошло опасное замѣшательство, отъ котораго пострадали даже дипломатическіе агенты и ихъ дамы, сопровождавшіе погребальную процессію. Подлѣ кладбища повторилось то же самое. Жандармы должны были возстановлять порядокъ обнаженными саблями. Такъ болгары провожали до могилы своего перваго министра, возвеличеннаго нѣмецкою печатью. Но это не конецъ еще. 4 августа, при погребеніи депутата Китанчева, одинъ изъ его друзей заявилъ, что покойный умеръ вслѣдствіе жестокаго обращенія, которому онъ подвергся во время трехмѣсячнаго заключенія при стамбуловскомъ управленіи. Присутствовавшая при погребеніи толпа направилась къ могилѣ Стамбулова и, несмотря на противодѣйствіе жандармовъ, разбила лампады и уничтожила вѣнки...

Неопредѣленное положеніе Болгаріи прежде всего тяготитъ самихъ болгаръ, и отправленіе ими посольства въ Петербургъ, имѣло цѣлью примиреніе съ Россіей. Болгары отлично сознаютъ, что безъ Россіи ихъ существованіе, какъ независимой политической единицы, не можетъ считаться обезпеченнымъ. Болгарское посольство на родинѣ было встрѣчено восторженно; большая часть почестей выпала на долю митрополита Климента. Послѣдній съ балкона сказалъ народу: „Я выѣхалъ въ Россію въ скорбномъ настроеніи, вернулся же оттуда въ полной радости; Россія желаетъ Болгаріи дальнѣйшаго развитія“. Несомнѣнно, однакоже, что Россія не признаетъ княземъ болгарскимъ австрійскаго ставленника. Центромъ тяжести такимъ образомъ служитъ династическій вопросъ. Принцъ Фердинандъ, однако, въ началѣ августа возвратился изъ Карлсбада въ Софію, гдѣ встрѣченъ былъ министрами, офицерами и духовенствомъ. Конечно, его положеніе на княжескомъ болгарскомъ престолѣ крайне неустойчиво при теперешнихъ условіяхъ, — тѣмъ болѣе, что въ самой Болгаріи образовались разныя партіи за него и противъ него, и которая возьметъ перевѣсъ, рѣшить это предоставимъ времени.

Но пока болгарскій династическій узелъ развяжется самъ собой или будетъ разрубленъ силой, — желательно, чтобы добрый починъ общенія Болгаріи съ Россіей нашелъ для себя продолженіе въ мирныхъ сношеніяхъ на поприщѣ просвѣщенія и торговыхъ сношеній. Съ своей стороны мы не должны забывать, что всякая болѣе или менѣе прочная связь съ болгарскимъ народомъ создаетъ для насъ въ этой странѣ оплотъ противъ

замысловъ Австріи, наиболѣе заинтересованной въ томъ, чтобы настоящее положеніе вещей въ Болгаріи сохранилось если не на всегда, то по крайней мѣрѣ надолго.

III.

Славянскія народности Австро-Венгріи отстаиваютъ свою народность и свои права отъ мадьяро-нѣмецкихъ посягательствъ. Главная причина слабости славянъ въ борьбѣ съ мадьяро-нѣмецкою стихіей заключается въ ихъ разъединеніи. Это отлично понимаютъ сами славяне и стараются устранить существующую рознь. Въ началѣ августа въ Будапештѣ съѣхалось шестьсотъ представителей трехъ народностей: Сербской, Словацкой и Румынской. Мадьярскія власти хотѣли помѣшать собранію, но безуспѣшно. Цѣль съѣзда направлена къ тому, чтобы выработать способъ защиты своихъ политическихъ и народныхъ правъ. Избранная комиссія изъ 45 человѣкъ разработала въ этомъ смыслѣ восемнадцать вопросовъ, въ основу которыхъ положено начало противодѣйствія мадьярской государственной идеѣ, устройство венгерскаго парламента болѣе федеративнаго характера и полная автономія народностей.

Трансильванскіе румыны ищутъ въ сближеніи съ славянами поддержки своему сопротивленію противъ мадьярскихъ посягательствъ на ихъ народныя права. Они пользуются, конечно, полнымъ сочувствіемъ остальныхъ своихъ соплеменниковъ и разсчитываютъ на нравственную помощь со стороны Румынскаго королевства. Между тѣмъ румынскій король Карлъ заискиваетъ у Австріи и открыто обнаруживаетъ свою приверженность къ тройственному союзу. Король, очевидно, забываетъ права и нужды того народа, править которымъ поставила его своенравная судьба.

Галицкіе поляки задумали торжественно отпраздновать 300-лѣтній юбилей Брестской уніи, Польскіе дѣятели купно съ уніатскимъ митрополитомъ Сембратовичемъ задались цѣлью придать возможно большую торжественность затѣваемому празднеству. Сембратовичъ, впрочемъ, вслѣдствіе внушенія изъ Вѣны, долженъ былъ умѣрить свой пылъ и отказался отъ предсѣдательства въ комиссіи, образованной для составленія программы будущаго торжества. Предполагается въ концѣ настоящаго года отправить въ Римъ русскую депутацію съ денежными „дарами любви папѣ“ и съ заявленіемъ своей преданности Риму и о нуждахъ своей церкви для большаго укрѣпленія уніи и идеи соединенія церквей

по мысли папы Урбана VIII. Самое печальное въ этомъ дѣлѣ—то, что есть тамъ русскіе, „которые, по словамъ „Православной Буковины", нисколько не дорожатъ обычаями своихъ предковъ, а, напротивъ, хвалятся отступленіемъ отъ древнихъ русскихъ обычаевъ и усвоеніемъ польщизны".

Но галицкій простой народъ и образованные искренніе русскіе люди, совершенно не сочувствуютъ празднованію уніи, принесшей русскому народу, его религіозному чувству столько оскорбленій и горя.

Во имя какой идеи австрійскіе поляки думаютъ устраивать юбилей Брестской уніи? Если создатели уніи менѣе всего отличались государственной мудростью и служили іезуитамъ, у которыхъ были свои цѣли, — цѣли папства, то теперешнимъ полякамъ слѣдовало бы, наконецъ, уразумѣть, что пресловутая унія усилила вражду между двумя народностями, вызвала между ними борьбу, привела къ отторженію обширныхъ русскихъ областей, обезсилила Польское государство и подготовила его окончательное паденіе.

IV.

На происходившемъ въ Лондонѣ въ іюлѣ шестомъ международномъ географическомъ конгрессѣ предположено организовать полярную экспедицію при участіи разныхъ націй и установить тамъ рядъ метеорологическихъ станцій. Докторъ Неймайеръ настаивалъ на важности выясненія данныхъ, добытыхъ наблюденіями на полярныхъ станціяхъ и теоретическаго и практическаго изученія южнаго полюса. Онъ предлагалъ установить обсерваторію на южномъ материкѣ, куда недавно добрались норвежскіе китоловы и тѣмъ обнаружили доступность этой части суши. Для такого дѣла онъ уже открылъ подписку въ Германіи и пригласилъ Францію, Англію и Америку послѣдовать его примѣру. Особенное любопытство возбудилъ проектъ шведа Андре объ изслѣдованіи сѣвернаго полюса при помощи воздушнаго шара. Большинство членовъ конгресса отнеслось къ этому проекту съ недовѣріемъ, но это не смущаетъ смѣлаго предпринимателя. Андре не скрываетъ опасности своего предпріятія и понимаетъ всю его трудность, но не теряетъ надежды на успѣхъ. Онъ собралъ, какъ сообщаютъ, необходимую сумму для устраиваемой имъ полярной воздушной экспедиціи. Норвежскій путешественникъ Борггревингъ сдѣлалъ сообщеніе конгрессу о землѣ Викторіи, открытой еще въ 1841 г., но до сихъ поръ необслѣдованной. Извѣстенъ болѣе или менѣе пока только восточный берегъ. Борггревингъ самъ посѣтилъ

землю Викторіи и привезъ оттуда нѣсколько любопытныхъ коллекцій. Англичане тамъ же на конгрессѣ высказали уже намѣреніе захватить вновь открытый южный материкъ, который, по сдѣланнымъ конгрессу сообщеніямъ, вдвое больше Европы и доступенъ для обитанія и культуры. Впрочемъ, англійская алчность устремлена во всѣ стороны. На конгрессѣ же рѣшено, что англичане произведутъ изслѣдованіе верхняго Нила. За изслѣдованіемъ у англичанъ обыкновенно слѣдуетъ и присвоеніе, благо остальная Европа этому не мѣшаетъ, туземцы же не въ силахъ дать имъ должнаго отпора.

Горислава.

Былинное сказанье *).

I.

Былъ въ Кіевѣ пиръ... За дубовымъ столомъ
Сидѣлъ князь Владиміръ съ дружиною...
Варяжская чара летала орломъ,
Братаяся съ русской братиною...

Добрыня, Алеша и старый Илья,
И вся-то дружина хоробрая
Была на пиру—побратимы-друзья,
Семья богатырская добрая...

Молчалъ хлѣбосольный хозяинъ—угрюмъ,
Какъ черная туча грозовая,—
Ни хмѣль не боролъ непокладистыхъ думъ,
Ни пѣсня не тѣшила новая...

Вдругъ—слышатъ: сѣдой запѣвало-гусляръ
Наладилъ игру по старинному
И грянулъ подъ звонъ опорожненныхъ чаръ:—
«Ой, гоже-ль быть князю единому?!.»

И видятъ всѣ гости,—князь-солнышко самъ
Очами сверкнулъ соколиными,
Провелъ княженецкой рукой по кудрямъ,
Бровями метнулъ соболиными:—

*) По варіантамъ былины «*Святыня-Добрыня*», частью напечатаннымъ г. Всев. Миллеромъ въ его изслѣдованіи «*Матеріалы для исторіи былинныхъ сюжетовъ*» («Этнографич. Обозр.», 1893 г. кн. I—II), частью-же записаннымъ авторомъ настоящаго стихотворенія въ Симбирской губерніи, во время одной изъ поѣздокъ по Волгѣ.

«И впрямь, не добро̀ мнѣ единому быть...
«Безъ солнца встоскуются пажити,—
«Безъ любы-княгинюшки нѐлюбо жить;
«Да съ нѐлюбой—лучше не княжити!..

«А гдѣ-жь мнѣ по сердцу невѣсту найти,—
«По сердцу-ль, по нрову княжьему?!.»
Добрыня—смѣется:
«Свѣтъ-княже! Идти
«Заўтра намъ къ Полоцку вражьему!..»

II.

Тѣсною стѣною
Полоцкъ обложила
Кіевскаго князя
Воинская сила...

«Покорись, Всеславичъ!»—
Бирючи кричали;
Съ полоцкаго валу
Стрѣлы отвѣчали...

Стольный князь Владиміръ,
Юный воевода,
Сáмъ пошелъ на приступъ
Къ башнямъ Рогволода:

Дрогнули бойницы
Стараго заплота,
Рухнули подъ кручу
Древніе ворота:..

Долго-ли, коротко-ль
Сѣча здѣсь кипѣла,—
Смѣтилъ и Всеславичъ,
Что пропало дѣло;

Видитъ: въ полочанахъ —
Духъ отваги вымеръ,—
Покорился гордый:
«Твой верхъ, князь Владиміръ!..“

III.

Минулъ день; другой—на смѣну...
Побѣдителю въ почетъ
Побѣжденный князь на-славу
Столованье задаетъ...

Вкругъ дѣтинца городского—
Кіевлянъ, варяговъ рать,
Послѣ боя, возлѣ тына
Встала станомъ—отдыхать...

Въ Рогволодовыхъ палатахъ,
За разубраннымъ столомъ,
Славя князя и Перуна,
Пьютъ дружинники кругомъ...

Да не радошенъ Владиміръ,
Да не веселъ Рогволодъ:
Честь побѣдная не тѣшитъ,
Пиръ веселья не даетъ...

А Добрыня—Рогволоду:
«У тебя въ свѣтлицѣ есть
«Дочь-красотка, Горислава...
«Покажи намъ, сдѣлай честь!..»

Ахнулъ князь, когда увидѣлъ:
Не встрѣчалъ такой красы,
Ни очей, что сине-море,—
Ни, что тёмна-ночь, косы...

А Добрыня: «Помнишь, княже,—
«*Не добро едину быть?!.*»

Смотритъ князь, а сердце—князю:
«Съ ней тебѣ—тоску забыть!..»

Заглядѣлась на касатку
Княжьихъ соколовъ семья—
И Алеша-младъ Поповичъ,
И сѣдой старикъ Илья...

«Слышь, Всеславичъ!»—князь промолвилъ,—
«Шелъ я ворогомъ къ тебѣ;
«А пришелъ,—глазамъ не вѣрю,—
«А пришелъ—къ своей судьбѣ!..

«Стольно-кіевскаго князя
«Хочешь взять себѣ въ зятья?..
«Не шучу,—клянусь Велесомъ,—
«Полоцкъ—твой, княжна—моя!..»

Глянулъ старый: «Грѣхъ неволить!..
«Любъ, скажи, аль нелюбъ князь?!.»
Дочь-красавица—ни слова,
Зорька-зоренькой зажглась...

«Любъ! Ой, любъ!..»—кричитъ Добрыня...
И чрезъ весь-то Полоцкъ-градъ
О нежданномъ рукобитьѣ
Рѣчи стрѣлами летятъ...

Изволеньемъ Свѣтлояра,
Свадьбу въ Полоцкѣ игралъ
Князь Владиміръ, двѣ недѣли
Князя-тестя ублажалъ...

А путемъ-дорогой въ Кіевъ
Пролетѣла вѣсть, прошла,—
Что красою Горислава
Славу бранную сожгла...

Аполлонъ Коринфскій.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ РОССІИ.

Что у кого болитъ...

«Который родъ любится, тотъ и высится».
(*Любимая крестьянская поговорка*).

«Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
«На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ».
Крыловъ.

Въ іюльской книжкѣ „Русской Бесѣды" я писалъ: „Какъ смотрятъ отцы на то, чему учатъ ихъ дѣтей,—этотъ вопросъ въ нашей педагогической литературѣ, да и вообще нигдѣ не подымался". Со мной согласилось въ этомъ „Новое Время" [1]). Необходимо еще поднять и разрѣшить вопросъ о томъ, какъ смотрятъ „православные" на грустный разладъ, существующій между любителями земскихъ школъ и любителями церковноприходскихъ школъ.

Заправилы въ дѣлѣ народнаго образованія (въ уѣздѣ) раздѣлились на два лагеря; представители земства, учителя земскихъ школъ подчинены контролю министерства внутреннихъ дѣлъ (какъ и вся дѣятельность земствъ) и министерству народнаго просвѣщенія (да и главная составная часть министерства юстиціи—прокурорскій надзоръ, „око Царево", бдительно, неусыпно слѣдитъ за политической благонадежностью и нравственностью учителей земскихъ школъ). Казалось бы, почему, отчего смотрѣть на нихъ, на учителей земскихъ школъ, презрительно и подозрительно представителямъ нашего духовнаго вѣдомства?! Какъ прекратить грустное недоразумѣніе?! Какой новый Мененій Агриппа помиритъ два враждующіе стана?! Грустно, очень грустно, читатель, встрѣчать семейный разладъ постороннему человѣку. А кто же изъ насъ „посторонній" семьѣ просвѣтителей нашего темнаго люда. У меня такъ съ дѣтства всегда сжималось сердце отъ боли при видѣ вражды и распрей гдѣ бы то ни было, я съ дѣтства любилъ мирить. Какъ бы мнѣ хотѣлось помирить госпожу Ште-

[1]) См. № 6974.

венъ съ сельскими батюшками, отцами архимандритами и вообще съ духовнымъ вѣдомствомъ. Грустно, очень грустно: — На родинѣ Минина и Пожарскаго, великихъ и незабвенныхъ отцовъ отечества, Минина и Пожарскаго, нѣкогда примирившихъ и сплотившихъ воедино всѣ русскія силы для побѣдоносной борьбы со внутренними и внѣшними врагами, раздиравшими „святое Царство“, въ Нижегородской губерніи вспыхнула усобица въ средѣ начальниковъ народнаго просвѣщенія, наводящая на грустныя размышленія всякаго любителя мира и любви и всѣхъ даровъ единенія духовнаго. „Гдѣ тишь да гладь, тамъ Божья благодать“, гласитъ народная мудрость.

Вотъ, читатель, что мы встрѣчаемъ на страницахъ нижегородскихъ епархіальныхъ Вѣдомостей:

„Изъ докладовъ Княгининскаго, Сергачскаго и Арзамасскаго отдѣленій, изъ отношеній оо. наблюдателей Остроумова, Троицкаго, Никольскаго, священника Малицкаго и изъ ревизорныхъ отчетовъ оо. архимандритовъ Макарія и Евѳимія видно, что госпожа Штевенъ не оправдала довѣрія, возложеннаго на нее духовнымъ начальствомъ по организаціи церковныхъ школъ епархіи въ духѣ православной Церкви, напротивъ, повсемѣстно, куда только проникала она въ качествѣ учредительницы названныхъ школъ, усмотрѣно и на дѣлѣ провѣрено, что 1) г-жа Штевенъ при открытіи школъ грамоты не руководствовалась Высочайше утвержденными на сей предметъ правилами, а дѣйствовала большею частью самопроизвольно и вопреки онымъ правиламъ; такъ: безъ вѣдома мѣстныхъ священниковъ открывала въ ихъ приходахъ школы грамоты и даже по открытіи оныхъ не поставляла ихъ о томъ въ извѣстность; въ открытыя школы присылала совершенно неизвѣстныхъ имъ учителей, которые начинали свои учебныя дѣйствія, не подвергая себя, согласно правиламъ о школахъ грамоты, предварительному испытанію приходскихъ священниковъ и не заручаясь отъ нихъ письменнымъ на право учительства разрѣшеніемъ; 2) г-жа Штевенъ снабжала учениковъ и учителей школъ грамоты вмѣстѣ съ одобренными книгами брошюрами Льва Толстого, частью запрещенными, а частью не одобренными и не рекомендованными учебнымъ комитетомъ при св. синодѣ; 3) г-жа Штевенъ безъ разрѣшенія епархіальнаго и гражданскаго начальства имѣла у себя въ лѣтніе каникулы педагогическіе курсы для подготовки учителей въ школы грамоты, поручая вести эту подготовку лицамъ, совершенно неизвѣстнымъ по религіозно-нравственнымъ и политическимъ ихъ убѣжденіямъ ни епархіальному совѣту, ни арзамасскому отдѣленію, въ районѣ котораго находится усадьба г-жи Штевенъ, — какъ напр., учитель земской школы Мазингъ съ университетскимъ образованіемъ, Марія Соломоновна Заврієва

(грегоріанка съ Кавказа), удаленная нынѣ отъ учительства по политической неблагонадежности, г. Діомидовъ, учитель земледѣльческой Обуховской школы, наградившій г-жу Штевенъ учителями—бывшими своими питомцами, которые оказались снабженными имъ сочиненіями Толстого (какими?) и нынѣ отставлены отъ школъ по религіозно-нравственной ихъ неблагонадежности, и другіе,—между тѣмъ, какъ приходскій священникъ почему-то былъ устраненъ г-жею Штевенъ отъ всякаго участія въ этой учительской подготовкѣ и даже не былъ приглашенъ ею ни на одинъ урокъ въ теченіе всего лѣта, пока продолжались означенные курсы; 4) г-жа Штевенъ, избѣгая всякихъ сношеній съ приходскими священниками по школьному дѣлу и всѣми мѣрами стараясь отстранить ихъ отъ вліянія на школы, иногда даже путемъ настоящаго насилія надъ ними, какъ то было въ селѣ Шадринѣ, поручала надзоръ и наблюденіе за открытыми ею школами, а равно и руководство малоспособныхъ учителей, постороннимъ для школъ грамоты лицамъ, какъ, напримѣръ, г. Мазингу, Завріевой и другимъ преподавателямъ земскихъ школъ, прямо вопреки Высочайше утвержденнымъ правиламъ о школахъ грамоты; 5) г-жа Штевенъ, прикрываясь званіемъ учредительницы школъ грамоты, задалась цѣлью обратить учрежденныя ею церковныя школы въ земскія, о чемъ она даже публично заявила на арзамасскомъ уѣздномъ земскомъ собраніи въ присутствіи депутата съ духовной стороны, а два-три мѣсяца спустя подтвердила и въ печати на страницахъ „Вѣстника Европы". Чтобы достигнуть этой цѣли, она являлась на сельскіе сходы въ села Рождественское, Васильевъ Врагъ, Кичандзино и другія, гдѣ говорила рѣчи о превосходствѣ земской школы предъ церковною, предлагала денежныя пособія отъ себя и отъ земствъ, если только крестьяне согласятся дать приговоръ на учрежденіе въ ихъ селахъ земскихъ школъ взамѣнъ или существующихъ въ тѣхъ селеніяхъ школъ грамоты или же только предполагаемыхъ къ открытію. Такимъ образомъ г-жа Штевенъ явилась не поборницей церковной школы, каковой себя выдавала она предъ духовными властями на первыхъ порахъ, а, напротивъ, агитаторомъ противъ нея. Въ виду всего изложеннаго епархіальный училищный совѣтъ постановилъ: Воспретить г. Штевенъ всякую дѣятельность по открытію и организаціи школъ грамоты въ Нижегородской епархіи, освободивъ ее отъ званія попечительницы тѣхъ школъ, при которыхъ она до сихъ поръ въ этомъ званіи состояла, о чемъ немедленно поставить въ извѣстность уѣздныя отдѣленія епархіальнаго училищнаго совѣта".

А вотъ, читатель, отрывокъ изъ автобіографіи госпожи Штевенъ: „Моя дѣятельность по учрежденію школъ грамоты и наблюденію за ними

началась болѣе пяти лѣтъ тому назадъ и съ самаго начала хорошо была извѣстна. Несмотря на всяческія препятствія, школы продолжали размножаться, и въ началѣ прошлаго учебнаго года мнѣ удалось открыть болѣе двадцати новыхъ. Съ самаго начала моей дѣятельности она хорошо была извѣстна наблюдателямъ и членамъ отдѣленій и совѣта. Еще въ 1892 г. арзамасское отдѣленіе нашло возможнымъ поддержать меня въ столкновеніяхъ съ священниками с. Новопокровскаго и с. Шадрина; послѣ того въ январѣ 1894 г. состоялось мое избраніе въ почетные члены братства Св. Георгія, а въ маѣ того же года я, по представленію епархіальнаго училищнаго совѣта, награждена была библіей „за наставленіе дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи по ученію св. Православной Церкви". Въ маѣ же нынѣшняго года совѣтъ нашелъ, что я „не оправдала довѣрія", возложеннаго на меня духовнымъ начальствомъ. Меня винятъ по пункту 1 въ томъ, что я открывала школы „самопроизвольно". Всѣмъ извѣстно, что школы грамоты съ учителями изъ крестьянъ, солдатъ, мастеровыхъ и келейницъ постоянно открывались и открываются безъ чьего бы то ни было разрѣшенія, и изъ открытыхъ мною за послѣднія пять лѣтъ 50-ти слишкомъ школъ о двухъ или трехъ много дѣйствительно никому заявлено не было; но одна изъ этихъ школъ по недостатку учениковъ вскорѣ закрылась, другая существуетъ до сихъ поръ, и ее не разъ посѣщали наблюдатели и другія духовныя лица. О другихъ школахъ я, по праву лица, не принадлежащаго къ приходу, заявляла прямо въ отдѣленіе, и арзамасское отдѣленіе признавало школы открытыми, хотя бы я и запаздывала съ подачей заявленія и хотя бы мѣстные священники и противились открытію школы, какъ то было, напримѣръ, въ селѣ Шадринѣ и въ приходѣ села Ново-Покровскаго. Въ большинствѣ же случаевъ я открывала школы, заручившись согласіемъ мѣстныхъ священниковъ, предоставивъ имъ подачу заявленій. Пунктъ 2 обвиненія: —я не слѣдила будто бы за направленіемъ опредѣляемыхъ мною учителей, и что вслѣдствіе этого четверо изъ нихъ, назначенные будто бы „безъ вѣдома мѣстныхъ священниковъ, уволены были по религіозно-нравственной неблагонадежности, а одна учительница даже будто бы по неблагонадежности политической. Это обвиненіе объясняется развѣ только невѣрностью свѣдѣній, получаемыхъ епархіальнымъ начальствомъ. Всѣ уволенные учителя занимались всю зиму съ вѣдома и согласія мѣстныхъ священниковъ, и причина ихъ увольненія—загадка для меня. Учившаго въ селѣ Протопоповкѣ Бычкова я лично представила священнику передъ началомъ занятій, при чемъ послѣдній никакихъ возраженій мнѣ не сдѣлалъ. Учитель села Вечкусова Пыжиковъ постоянно бывалъ у мѣстнаго священника и состоялъ съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ. Учитель

села Языкова Зыковъ началъ учить въ то время, когда мѣсто священника было не занято; когда же пріѣхалъ новый священникъ, я сама была у него и говорила съ нимъ о школѣ и объ учителѣ, причемъ тоже никакихъ возраженій отъ него не слыхала. Въ селѣ Рождественкѣ священникъ при мнѣ былъ въ школѣ вмѣстѣ съ учительницей, а кромѣ того онъ часто принималъ ее у себя и постоянно участвовалъ въ преподаваніи. Если я не ошибаюсь, не епархіальному училищному совѣту предоставлено право опредѣлять „политическую неблагонадежность", и можно только удивляться, что совѣтъ нашелъ возможнымъ взвести столь тяжкое обвиненіе на беззащитную молодую дѣвушку, заслужившую сочувствіе и уваженіе мѣстныхъ крестьянъ особеннымъ своимъ усердіемъ къ церкви. Подъ пунктомъ 3 мнѣ ставится въ укоръ то, что я предпочитала учебники Толстого учебникамъ Радонежскаго и Попова. Дѣйствительно, считая эти послѣднія учебники крайне неудовлетворительными, я наряду съ ними снабжала открытыя мною школы нѣкоторыми другими учебниками, учебники эти одобрены министерствомъ народнаго просвѣщенія, и трудно предположить, чтобы въ нихъ могло заключаться что-нибудь вредное. Само духовное вѣдомство, вѣроятно, еще недавно раздѣляло такой взглядъ на нихъ, такъ какъ учебники эти употребляются не только въ земскихъ, но и во многихъ церковно-приходскихъ школахъ, какъ, напримѣръ, въ Московской губерніи.

Пунктъ 4. Мнѣ ставятся въ вину тѣ лѣтнія занятія, которыя заведены у меня уже десятый годъ и о которыхъ упоминается между прочимъ въ напечатанной по распоряженію оберъ-прокурора св. синода Константина Петровича Побѣдоносцева моей книжкѣ подъ заглавіемъ „Исторія одной школы". Я занимаюсь въ свободное время со старшими своими учениками по праву домашняго преподаванія и, разумѣется, не видѣла надобности въ испрашиваніи на то разрѣшенія. Я не считаю себя обязанной приглашать на уроки мѣстнаго священника, котораго хорошимъ преподавателемъ не считаю; но за послѣднее время дѣйствительно мнѣ помогали, по личному моему выбору, лица, такъ же, какъ и я, пользующіяся правомъ домашняго преподаванія. И я, конечно, не думала, что одной изъ моихъ сотрудницъ будетъ поставлено въ укоръ, что она „грузинка съ Кавказа", а готовившему нѣсколькихъ учениковъ къ учительскому испытанію г. Мазингу—то, что онъ „университетскаго образованія"... Епархіальный училищный совѣтъ причисляетъ г. Мазинга къ лицамъ, совершенно неизвѣстнымъ по религіозно-нравственнымъ и политическимъ убѣжденіямъ. Между тѣмъ онъ состоитъ учителемъ костянской земской школы и о немъ, слѣдовательно собраны были всѣ необходимыя справки. Въ числѣ моихъ сотрудниковъ епархіальный училищный совѣтъ

называетъ лицъ, никогда участія въ лѣтнихъ занятіяхъ не принимавшихъ, а именно г-жу Діомидову и учителя Обуховской земледѣльческой школы.

Не смотря на изложенное подъ пунктомъ 5 обвиненіе, я смѣло могу утверждать, что никогда не избѣгала сношеній съ священниками и не старалась „устранить ихъ отъ вліянія на школы"... Въ с. Шадринѣ я въ 1892 году предложила священнику Виноградову открыть у него въ приходѣ школу. Онъ сначала согласился, а затѣмъ, послѣ разныхъ проволочекъ, отказался совсѣмъ отъ участія въ этомъ дѣлѣ. Такъ какъ крестьяне настойчиво просили меня устроить имъ школу, я рѣшила обратиться за содѣйствіемъ въ отдѣленіе, подала заявленіе и открыла школу...

Наконецъ, подъ пунктомъ 6-мъ говорится, что я, „прикрываясь званіемъ учительницы школъ грамоты", задалась цѣлью обратить учрежденныя мною школы грамоты въ земскія школы... что я осмѣлилась говорить о превосходствѣ земской школы и т. д... Я старалась открывать школы грамоты, когда не видѣла возможности открывать школы болѣе благоустроенныя. Когда же мнѣ представлялся случай содѣйствовать открытію правильно организованныхъ школъ, я этимъ случаемъ всегда и неизмѣнно пользовалась... Можно смѣло и радостно надѣяться, что *усиленіе интереса къ школѣ среди населенія* и тысяча слишкомъ грамотныхъ, вышедшихъ изъ открывшихся за это время скромныхъ школокъ принесутъ свою долю пользы".

Этими скромными пожеланіями заканчиваетъ г-жа Штевенъ свои оправданія. Госпожа Штевенъ вѣроятно не посѣтуетъ на меня за то, что я ознакомилъ читателя „Русской Бесѣды" съ ея печатнымъ заявленіемъ о „грустномъ недоразумѣніи" не вполнѣ, а въ сокращенномъ видѣ, такъ какъ я не видоизмѣнилъ ни одного выраженія а опустилъ лишь „длинноты", соображаясь съ размѣрами Р. Б. Вдумайтесь, читатель, какой длинный рядъ печальныхъ недоразумѣній?!..

Отъ души жалѣю усердную просвѣтительницу за ея неумѣлось ладить и идти рука-объ-руку съ сельскими батюшками. Я въ этомъ отношеніи былъ всегда счастливъ, всегда и всюду съ ними дружилъ, хотя часто спорилъ до слезъ, какъ говорится. При непремѣнномъ желаніи и твердомъ намѣреніи ладить, — секретъ очень простъ, какъ достигнуть удачи. (Когда-нибудь подробно опишу секретъ), пока скажу „общее мѣсто" и всѣмъ извѣстныхъ и всѣми то-и-дѣло забываемыхъ святыхъ истинъ): побольше *знанія* сердца человѣческаго, *чужихъ горей, страховъ* и *опасностей*, побольше терпимости, г-жа Штевенъ, побольше любви и кротости и все на ладъ пойдетъ. „Блаженни кротціи, ибо тіи наслѣдятъ землю". Позволю себѣ порекомендовать достоуважаемой гос-

пожѣ Штевенъ, а вмѣстѣ съ нею и другимъ усерднымъ дѣятельницамъ и дѣятелямъ *деревни*, романъ покойнаго Лѣскова „Соборяне". Тамъ ознакомьтесь съ душой священника Туберозова и съ характеромъ дьякона Ахила. Какія цѣльныя натуры! Мужественныя, доброкачественныя, но какія своеобразныя слабости человѣческія! Прочтите „Соборяне" и полюбите сельскихъ батюшекъ великороссійскихъ. Примите къ свѣдѣнію (примите близко къ сердцу, желалъ бы я сказать) ужь одно то, что ни одинъ „житель полей и лѣсовъ" такъ не уединенъ, — какъ сельскій священникъ великороссійскій [1]). Онъ одинаково сторонится, какъ отъ помѣщика, такъ и отъ крестьянина (ни съ тѣмъ, ни съ другимъ „не водитъ хлѣбъ-соль" и знакомства,—не играетъ въ гости), сторонится какъ отъ бархатника, такъ и отъ лапотника, — стремясь высоко нести знамя священства, чтя въ себѣ духовный санъ. Уединенность всегда неминуемо ведетъ за собой нѣкую суровость и мнительность, излишнюю подозрительность, „опасливость". Но этимъ не надо смущаться, отплачивая тою же монетой, господа свѣтскіе люди... Напротивъ, надо стараться убавить ее,—эту суровость и „опасливость"—болѣе частымъ общеніемъ душъ и смѣлостью искренности.

Воображаю какой сыръ боръ загорится теперь въ печати повременной среди газетъ и журналовъ! Московскія Вѣдомости, напечатавшія подробныя объясненія госпожи Штевенъ въ в. 205, изъ котораго мы заимствовали краткое изложеніе письма г-жи Штевенъ для читателей Р. В., говорятъ въ слѣдующемъ, т. е. 206, в. слѣдующее:

„За послѣдніе годы въ печати не разъ сообщались свѣдѣнія объ энергичной дѣятельности А. А. Штевенъ по развитію школьнаго дѣла въ Нижегородской губерніи. Ея усиліями въ Арзамасскомъ и сосѣднихъ съ нимъ уѣздахъ были открыты десятки школъ грамоты, и дѣло это продолжало развиваться въ количественномъ и въ качественномъ отношеніи. Для лучшаго подготовленія учителей въ школы грамоты г-жа Штевенъ устраивала лѣтомъ у себя въ имѣніи особыя занятія какъ съ тѣми, кто уже занималъ должность учителя въ школѣ грамоты, такъ и съ тѣми, кто готовился еще къ этой должности. Сама г-жа Штевенъ въ теченіе учебнаго года часто объѣзжала школы грамоты, въ которыхъ она числилась попечительницею и слѣдила за ходомъ созданнаго ею дѣла, которое привлекаетъ къ себѣ вниманіе не только мѣстнаго общества, но и многихъ лицъ въ Москвѣ и Петербургѣ. Почтенная дѣятельность г-жи Штевенъ, ея неустанная работа на пользу народнаго образованія, казалось, бы могли вызывать только всеобщее сочувствіе и поощреніе;

---

[1]) Въ Малороссіи, въ Западномъ краѣ, въ Сибири, на Кавказѣ совсѣмъ иное дѣло.

начатое ею хорошее дѣло продолжало развиваться и улучшаться; благодаря ея энергіи, сельское населеніе одного изъ глухихъ уголковъ провинціи получило возможность обучать дѣтей грамотѣ. Чего же лучше? Какъ вдругъ въ печати появилось удивившее всѣхъ извѣстіе, что дѣятельность г-жи Штевенъ прекратилась помимо ея воли:—постановленіемъ мѣстнаго епархіальнаго училищнаго совѣта г-жа Штевенъ удалена отъ попечительства въ созданныхъ ею школахъ грамоты, и ей вообще воспрещено всякое участіе въ устройствѣ и веденіи этихъ школъ. Это странное извѣстіе къ сожалѣнію, вполнѣ подтвердилось. Вчера въ нашей газетѣ было помѣщено какъ самое постановленіе совѣта, такъ и письмо г-жи Штевенъ, отвѣчающее на главныя направленныя противъ нея и ея школъ постановленія. Еще раньше мы сообщали нѣкоторыя разъясненія по тому же предмету, сдѣланныя нижегородскимъ корреспондентомъ „Недѣли". Мы не станемъ поэтому останавливаться здѣсь на подробностяхъ дѣла, уже извѣстныхъ читателямъ; факты къ тому же достаточно говорятъ сами за себя. Скажемъ только, что вся исторія дѣятельности г-жи Штевенъ и печальный конецъ этой дѣятельности показываютъ, съ какими неблагопріятными условіями приходится у насъ имѣть дѣло лицу, работающему въ области начальной школы. Что касается въ частности даннаго случая, не подлежитъ сомнѣнію, что устраненіе г-жи Штевенъ отъ участія въ веденіи школъ грамоты должно очень вредно отразиться на ходѣ обученія въ нихъ и на постановкѣ всего дѣла, которое было создано и держалось главнымъ образомъ личною энергіею устроительницы".

А сколько же и священниковъ усердно принялись за устройство школъ грамоты! Чего бы, кажется, ревновать къ земской школѣ,—дѣло вѣдь одно. Бѣдный „уѣздъ", сколько бурь въ стаканѣ воды! Муравьевская коммиссія работаетъ надъ изготовленіемъ условій міра между земскими начальниками, старой полиціей и прокурорскимъ надзоромъ, а то вѣдь ссорятся власти между собой, и консервативная печать вопіетъ, что земскихъ начальниковъ въ ихъ животворной дѣятельности стѣсняютъ прокуроры съ кипой статей закона въ рукахъ, либеральная печать вопіетъ противъ свободы дѣйствія земскихъ начальниковъ.

Что-нибудь въ родѣ Муравьевской коммиссіи, вѣроятно, выдвинетъ жизнь и для прекращенія разлада въ средѣ начальниковъ народнаго образованія. Уже въ нѣкоторыхъ губерніяхъ земство, уподобляясь „истинной матери на судѣ Соломона, соглашается уступить любимое дѣтище, т. е. дѣло образованія неразсѣченнымъ надвое. Что за грустное недоразумѣніе и скоро ли оно прекратится?! И безъ того мало, черезчуръ мало довѣрія къ учащимъ со стороны учащихся, какъ я указывалъ въ первой статьѣ моей, а тутъ на бѣду свары и распри между

наставниками народа. Я называю все это грустнымъ недоразумѣніемъ, потому что, благодаря Бога, въ Россіи нѣтъ никакой партіи клерикаловъ, ни какихъ-либо антиклерикаловъ, нѣтъ даже вопроса (?) объ отношеніи церкви къ государству, какъ всюду въ западной Европѣ.

Самый кратчайшій проводникъ свѣта знанія, свѣта духовнаго, во всѣ вѣка, это—довѣріе въ сердцѣ просвѣщаемыхъ къ цѣльной нравственной личности просвѣтителя (или всему хору просвѣтителей). Авторитетъ—великое дѣло въ дѣлѣ воспитанія.

Авторитету, довѣрію со стороны крестьянъ ко всему хору просвѣтителей страшно долженъ вредить разладъ въ хорѣ, разладъ, постоянно ростущій.

Вонъ, благодаря Бога, авторитетъ врачей въ глазахъ крестьянъ постепенно, хотя медленно растетъ въ ущербъ авторитета колдуновъ, ворожей и знахарей. Этому отрадному у насъ явленію навѣрное много содѣйствуютъ прекрасно поставленныя *товарищескія отношенія* въ средѣ врачей. Развѣ только товарищество по полку одно стоитъ выше. Едва ли не самое дружное у насъ сословіе—это „сословіе врачей".

Необходимо познакомить читателей „Русской Бесѣды" и съ голосами духовенства по поводу дѣятельности г-жи Штевенъ. Въ „Церковномъ Вѣстникѣ" № 25 помѣщена была статья подъ заглавіемъ: „*Напрасныя нареканія на духовенство (въ отвѣтъ на статью г-жи Штевенъ „по поводу школъ грамотности" голосъ, изъ Сергачскаго уѣзда)*" священника села Балабанова отца Іоанна. Онъ пишетъ между прочимъ:

„Въ нашихъ краяхъ г-жа Штевенъ появилась два года назадъ... Когда она начала открывать школы грамотности, то мы (духовенство) и крестьяне очень рады были этому и оказывали ей и сочувствіе, и дѣятельную помощь... Смущало насъ, священниковъ, нѣсколько, что она останавливается въ с. Ветошкинѣ у г. Пашкова... но такъ какъ наше подозрѣніе не имѣло основаній, то мы и смотрѣли. что будетъ.

Между прочимъ ею были открыты двѣ школы въ селѣ Пановѣ-Леонтьевѣ, въ томъ приходѣ, гдѣ, какъ она пишетъ, „одинъ священникъ не допустилъ учениковъ въ очень ветхую церковную караулку, и т. д.". Въ этомъ приходѣ раньше существовала школа грамоты, учитель которой только что вышелъ въ псаломщики въ другой приходъ. Вмѣсто ея открылась другая Штевенская школа и помѣстилась въ церковной сторожкѣ. Я живу въ двухъ верстахъ отъ означеннаго села. Послѣ Пасхи до меня дошли отъ нашихъ крестьянъ слухи, что учитель въ Штевенской школѣ во время великаго поста ѣлъ скоромное

самъ и *подчивалъ мальчишекъ*. Потомъ во время же поста игралъ на гармоніи пѣсни. Признаюсь, я сначала счелъ это сплетнями. Мѣстный священникъ ничего не слыхалъ о подобномъ поступкѣ учителя, и совершенно удивился, когда крестьяне отказались имѣть Штевенскую школу, отказались въ присутствіи г-жи Штевенъ, священника и старшины... Осенью передъ началомъ ученія г-жа Штевенъ явилась къ священнику (при этомъ и мнѣ пришлось быть случайно). Священникъ передалъ ей о поведеніи учителя и сказалъ, что, ради нежеланія имѣть такихъ учителей, онъ намѣренъ открыть свою школу, въ коей думаетъ быть и учителемъ самъ, для чего присмотрѣлъ уже квартиру. Г-жа Штевенъ сказала, что точно она ошиблась въ учителѣ... почему и привезла учительницу..." „Почему это г-жа Штевенъ старается помѣщать въ учителя учениковъ, обучавшихся въ пашковскихъ училищахъ? Ужели пашковскія школы такъ высоко стоятъ по своему образованію, что съ ними не могутъ равняться даже и земскія школы?... „По словамъ Штевенъ, „духовенство становится гонителемъ школъ". Бываетъ и это... когда въ школу является учителемъ какой-нибудь тайный пашковецъ; когда въ школѣ проводится какія-либо идеи противъ православія, то можетъ ли священникъ... да не только священникъ и каждый человѣкъ (изъ православныхъ) поощрять такую школу?

Посмотрите, на что жалуется г-жа Штевенъ, противъ чего возстаетъ она въ своей статьѣ? Возстаетъ противъ роли надзирателя за школами, не совмѣстимой дескать съ ролью священника, какъ хозяина школы. Почему не совмѣстимой—неизвѣстно. Напротивъ, множество существуетъ школъ, въ которыхъ священникъ—и хозяинъ, и надзиратель... Неудобны священники наблюдатели „своими наблюденіями надъ числомъ обѣденъ, пропущенныхъ учителемъ". Какъ, развѣ въ школахъ г-жи Штевенъ есть учителя, до того нерадивые къ посѣщенію храмовъ Божіихъ, что даже по этой причинѣ приходится закрывать школы?.. А г-жѣ Штевенъ почему-то желательно, чтобы учителю ея школъ можно было и не ходить къ богослуженію!..."

А вотъ что пишетъ г. П. С. въ прибавленіи къ „Церковнымъ Вѣдомостямъ" *):

„Личность учительницы—особы благороднаго сословія, владѣлицы имѣнія, отдавшей себя трудамъ сельской учительницы, возбуждала сочувствіе. Разъѣзды ея по деревнямъ послѣ утомительнаго обученія въ своей Яблоновской школѣ, наблюденія ея надъ бытомъ крестьянъ были также интересны и занимательны. Успѣхи г-жи Штевенъ на новомъ

*) «Церковныя Вѣдомости»—офиціальный органъ Вѣдомства Святѣйшаго Сѵнода.

избранномъ ею поприщѣ были замѣчательные: школы грамоты открывались здѣсь и тамъ, недавніе ребята-ученики г-жи Штевенъ сразу преображались въ солидныхъ учителей для школъ вновь открываемыхъ. Сама учредительница школъ была въ восторгѣ отъ успѣховъ дѣтей, не могла достаточно налюбоваться и нахвалиться ими... „Главныя препятствія, пишетъ въ „Вѣстникѣ Европы" г-жа Штевенъ, встрѣчаемыя много, при открытіи болѣе значительнаго числа школъ грамоты, коренились въ оффиціальномъ ихъ положеніи, т. е. въ полной ихъ зависимости. Отсутствіе всякой связи съ общественными учрежденіями, которыя были бы заинтересованы въ поддержаніи существованія школы, и беззащитность ея предъ произволомъ священниковъ и другихъ вліятельныхъ въ селахъ лицъ давали себя знать и ранѣе... Вотъ какія обвиненія сыплетъ г-жа Штевенъ собственно на священниковъ. Священники сами не открываютъ школъ подъ разными предлогами... и досадуютъ на тѣхъ, кто открываетъ эти школы, и, значитъ, обнаруживаетъ неправду ихъ отговорокъ. Нельзя, якобы, священникамъ, при существованіи школы грамоты, просить епархіальное начальство объ открытіи церковно-приходской школы, за ученіе въ которой они могли бы получать жалованье.—„Одинъ священникъ не допустилъ открыть школу въ церковной сторожкѣ, подъ предлогомъ ея ветхости и подучивалъ крестьянина запросить за помѣщеніе для школы неслыханную цѣну. Другой стращалъ крестьянъ, что, въ случаѣ открытія школы въ ихъ деревнѣ онъ долженъ ѣздить наблюдать за ней и замучитъ ихъ требованіемъ подводъ не только зимой, но и въ пашню и сѣвъ. Третій священникъ объявилъ крестьянамъ, что прежній учитель имъ не нуженъ, такъ какъ учить въ школѣ будетъ діаконъ. Крестьяне отказали учителю, а когда діаконъ сталъ требовать отъ нихъ ежедневно по двѣ подводы, отказали и ему, и школа закрылась. Священники бракуютъ учителей, допущенныхъ въ школахъ, выгоняютъ, чтобы вмѣсто ихъ опредѣлить сестру или дочь... Выходъ изъ печальнаго положенія школъ грамоты г-жа Штевенъ видитъ въ томъ, чтобы школы сіи находились въ тѣсной связи съ земскими школами, состояли подъ надзоромъ земскихъ учителей, имѣли ту же программу и тѣ же учебныя пособія, какіе приняты въ младшихъ отдѣленіяхъ земскихъ школъ, и чтобы учениками школъ грамоты были получившіе въ нормальныхъ, т. е. земскихъ школахъ, особую подготовку и упражнявшіеся въ преподаваніи, въ качествѣ помощниковъ учителя, ученики сихъ нормальныхъ земскихъ школъ, и требуетъ соотвѣтственныхъ симъ условіямъ...

Откуда это особенное сочувствіе къ земскимъ школамъ съ ярымъ предубѣжденіемъ противъ церковно-приходской школы и ея заправите-

лей? .. Кто же она новая дѣятельница на трудномъ поприщѣ образованія дѣтей *народа*? Вотъ ея собственныя признанія: „знакома она только съ Петербургомъ и заграницей", принялась за дѣло ученія дѣтей „послѣ двухлѣтняго пребыванія въ чужихъ краяхъ", *„отъ нечего дѣлать"*...

„Учительницей" признается она, „я тогда была крайне неопытной и неумѣлой. Ни какой-либо системы, ни тѣмъ болѣе дисциплины у меня въ школѣ не было... одно, чего могла добиться г-жа Штевенъ, это была искренность отношеній (а развѣ это не великое дѣло, господинъ П. С.?) между ею и учениками, благодаря которой можно было влiять на нихъ въ нравственномъ смыслѣ"....

Весной 1889 года Яблоновская школа г-жи Штевенъ была объявлена земской школой... Благополучно сдавъ свою школу въ вѣдѣніе земства, г-жа Штевенъ и устремилась къ открытію школъ грамотности... Надобно удивляться, какъ легко смотрятъ люди на дѣло ученія. Не удалась карьера, скучно въ деревнѣ, дѣлать нечего: такъ можно быть сельскимъ учителемъ или учительницей. Ко всякому дѣлу считаютъ нужнымъ хотя сколько-нибудь подготовиться, а къ этому, труднѣйшему изъ всѣхъ дѣлъ человѣческихъ, приступаютъ безъ всякой подготовки и думаютъ, что сдѣлаютъ здѣсь чудеса... Послѣ неудачъ и разочарованій въ первой школѣ, г-жѣ Штевенъ слѣдовало бы осмотрительнѣе и осторожнѣе приступать къ открытію другихъ школъ. Было бы большою ея заслугою открыть и одну школу грамоты и, по мѣрѣ силъ и способности наблюсти, хотя за ея упорядоченіемъ, если не могла сладить съ поставленною на болѣе широкой основѣ Яблоновскою. А она открываетъ 13 школъ, этого мало, открываетъ еще 18 школъ и не останавливается и на этихъ числахъ... Эта горячечная дѣятельность никакъ не могла вести дѣло къ прочному успѣху и рано или поздно должна была привести къ несчастнымъ послѣдствіямъ. Прежде всего, по словамъ г-жи Штевенъ, почувствовался недостатокъ въ учителяхъ. Нѣкоторыхъ она успѣла подготовить, по ея словамъ, но такихъ сравнительно только по ея собственному сознанію, хорошихъ учителей стало не хватать и приходилось *помѣщать въ новыя школы учителей просто плохихъ*. Слѣдовало бы здѣсь, по крайней мѣрѣ, положить предѣлъ рвенію, но г-жа Штевенъ, не останавливаясь предъ препятствіемъ, ставитъ въ школы этихъ плохихъ учителей. Если прежніе учителя, по ея сознанію, были только относительно хороши, можно представить себѣ, каковы были эти просто плохіе учителя! Ясно, что она заботилась не о качествѣ, а только о количествѣ школъ..."

„Г-жѣ Штевенъ хотѣлось самовольно хозяйничать въ бѣдныхъ сельскихъ школахъ и сѣять не доброе ученіе, а проводить идеи толстовцевъ, пашковцевъ и другихъ враговъ церкви и государства... Благодареніе Господу, приставленные наблюдать за этимъ великимъ дѣломъ начальнаго народнаго образованія оказались на своей стражѣ и не дали сѣять на нивѣ Божіей зерно смѣшанное съ плевелами... Какъ пріятны были на первый взглядъ начинанія, труды и подвиги г-жи Штевенъ, и какими горькими плодами обнаруживается, повидимому, столь самоотверженная ея дѣятельность" (см. „Церковный Вѣстникъ", в. 29 нынѣшняго года).

Въ недавно вышедшей книгѣ въ Парижѣ г-на Жюля Легра „Au pays russe" авторъ описываетъ, между прочимъ, свое знакомство съ А. А. Штевенъ. Онъ относится къ ней сочувственно и понялъ ее такъ: „Изъ статей Льва Николаевича Толстого, передуманныхъ ею и дополненныхъ всѣми ея человѣчными мечтами, она создала обширный планъ христіанскаго возрожденія путемъ взаимной терпимости, любви къ ближнему и безконечной доброты. По ея мнѣнію, всѣ попытки улучшить судьбу мужиковъ ни къ чему не приведутъ безъ школы. Школа должна бросить въ эти примитивныя сердца первую закваску сознательной жизни. Школьное обученіе должно идти рука объ руку съ религіей".

Судьбы Штевенскихъ школъ или, выражаясь языкомъ юристовъ, дѣло г-жи Штевенъ крупное событіе, много знаменательное. Какъ яркая молнія, озарившая два враждебные стана въ темную глухую ночь, освѣщаетъ на мгновеніе приготовившіяся къ борьбѣ силы—такъ и этотъ случай. Быть можетъ „Новое Время" отзовется опять, что г. Аристовъ обобщаетъ; но право же намъ теперь не до игры въ слова, не до игры въ жмурки. „Служить, такъ не картавить"; говорить такъ договаривать, господа, а иначе лучше за перо не браться и въ общественныя „пользы и нужды" не вступаться, сказавъ себѣ разъ на всегда: „моя хата съ краю, ничего не знаю". Выше я говорилъ, что у насъ въ Россіи, благодаря Бога, нѣтъ партій клерикаловъ и анти-клерикаловъ. Нѣтъ, но могутъ народиться. А, можетъ быть, уже и нарождаются. На бумагѣ сословія духовенства не существуетъ, а на самомъ дѣлѣ?

Сословія обозначаются, ярче отграниваются одно отъ другого, когда возгорается борьба между слоями общества. Благодаря соперничеству взаимному, каждое замыкается во что-нибудь *свое*. Борьба всегда возгаралась непремѣнно изъ-за обладанія имуществомъ или же изъ-за обладанія властью и дѣятельностью въ какой-нибудь широкой средѣ. Такъ всегда было въ исторіи человѣчества, такъ будетъ и впредь. Я опасаясь, что близкому будущему предстоитъ быть свидѣтелемъ сословной борьбы.

Уже десять лѣтъ началась глухая борьба между дворянствомъ, посильно потрудившимся надъ устройствомъ народныхъ училищъ, и духовенствомъ, долго остававшимся безучастнымъ къ этому животрепещущему вопросу—учрежденію школъ грамоты. Положа руку на сердце, вѣдь мнимо всесословное земство есть дворянство. И потому устраните-ка земства отъ народнаго обученія (передайте всѣ народныя училища въ вѣдѣніе духовной инспекціи, о чемъ теперь мечтаютъ всѣ почти сельскіе батюшки), что вы этимъ сдѣлаете? Вы устраните „первенствующее сословіе въ государствѣ", все же пока самое просвѣщенное.

Заслужило ли дворянство, вѣрное престолу и отечеству, такой позоръ? Ужели такъ дурно оно по поведенію... и по прилежанію?.. Ну, иногда руки опускаются и у самаго прилежнаго „въ минуту душевной невзгоды". Но не одна борьба сословій возникаетъ на Святой Руси. Ни для кого не тайна, что въ дѣлѣ народнаго обученія министерство народнаго просвѣщенія и духовное вѣдомство, каждое съ *своей* инспекціей, съ *своими* инструкціями и даже съ *своими* учебниками, чуть ли не съ *своими* азбуками не совсѣмъ въ добромъ согласіи обрѣтаются.

Опять напомню:

«Когда въ товарищахъ согласья нѣтъ,
На ладъ ихъ дѣло не пойдетъ»...

Если бы должность оберъ-прокурора святѣйшаго синода была соединена въ одномъ лицѣ съ должностью министра нар. просвѣщенія, сколько бы печальныхъ недоразумѣній разсѣялись бы сами собою, исчезнувъ какъ смутный сонъ или призраки ночи.

Павелъ Аристовъ.

Наши „охранители“.

Въ лагерѣ консерваторовъ замѣчается оживленіе. Выдвигаются на очередь и горячо обсуждаются вопросы первѣйшей важности — о самодержавіи, о бюрократіи, о свободѣ печати и т. д. Жаль только, безконечно жаль, что полное откровенное обсужденіе этихъ важнѣйшихъ для всѣхъ насъ вопросовъ является, какъ бы привилегіей одной консервативной партіи, не блещущей въ настоящее время ни талантами, ни доблестью гражданскою. „Нѣтъ великаго Патрокла, живъ презрительный Терситъ“! Катковъ умеръ, а Spectator, Л. Тихоміровъ, кн. Мещерскій и др., хотя и здравствуютъ, едва ли, однако, всѣ вкупѣ въ состояніи замѣнить его одного... Нечего сказать, странное впечатлѣніе производятъ крикливыя, самонадѣянныя рѣчи этихъ господъ.

Г. Spectator, напримѣръ, уничтоживъ окончательно либераловъ (главнымъ образомъ путемъ допроса „съ пристрастіемъ“), раздѣлываетъ теперь „націоналъ-либераловъ“, каковыми, по мнѣнію его, являются славянофилы. Они, правда, не такъ преступны, какъ либералы, но и за ними не мало грѣховъ.

Такъ славянофилы вѣрятъ въ существованіи „Русскаго Народа“, въ то, будто у народа этого есть своя „воля“. По мнѣнію же г. Spectator'а, „Русскій народъ есть выраженіе отвлеченное; можно очень много говорить о волѣ „Русскаго Народа“, объ его „желаніяхъ, убѣжденіяхъ, интересахъ“, но все это будутъ понятія отвлеченныя, очень удобныя для звонкихъ политическихъ статей и рѣчей, но въ сущности ничего опредѣленнаго не выражающія, такъ что всякій можетъ приписать имъ любое значеніе“ (Русск. Обоз., іюнь). Народная воля!.. Но „гдѣ она находится, восклицаетъ г. Spectator, въ чемъ она выражается, какъ она познается? Народъ есть громадный итогъ отдѣльныхъ конкретныхъ лицъ; каждое изъ этихъ лицъ имѣетъ *свою* волю, *свои* желанія, и двухъ лицъ съ *совершенно одинаковыми* волей и желаніемъ вы не найдете, какъ же могутъ всѣ они вмѣстѣ имѣть *одну* волю, *одни* желанія“?

На насъ отъ этихъ Spectator'скихъ разсужденій вѣетъ холодомъ пресмыкающагося, какимъ-то скопческимъ бездушіемъ. Здоровый психически человѣкъ не можетъ не чувствовать въ себѣ самомъ, въ своей душѣ душу народную, не можетъ не сознавать всею силою своего сознанія, что народъ его „живетъ", что онъ и всѣ особи, составляющія вмѣстѣ съ нимъ „народъ", не только связаны, но и объединены въ одно могучее *живое* цѣлое. Это цѣлое непремѣнно стремится къ достиженію извѣстныхъ цѣлей—вещественныхъ и духовныхъ, и чѣмъ далѣе, чѣмъ развитѣе, образованнѣе становится народъ, тѣмъ сознательнѣе его стремленія и образнѣе выступаетъ *его* воля.

Внѣшней организаціей, одной искусственной связью никогда не связать надолго милліоны людей. Имперіи Александра Македонскаго, Тамерлана и т. под., какъ извѣстно, исчезали вмѣстѣ съ ихъ основателями. *Народы* же существуютъ тысячелѣтія и безъ всякой внѣшней организаціи,—пока не иссякаетъ родникъ идеаловъ, ихъ питающій.

Не Сквозникъ-Дмухановскій заставилъ Минина произнести рѣчь въ Нижнемъ, не по приказанію урядника Сусанинъ пожертвовалъ своей жизнью за Царя. Русская исторія, какъ и всякая другая, созидалась не генералами и тайными совѣтниками, а *народомъ.* Для изучавшаго исторію — это положеніе стоитъ внѣ всякихъ сомнѣній, и отрицать его, утверждать, напротивъ, какъ это дѣлаетъ г. Spectator, что „Русскій Народъ" есть лишь отвлеченное понятіе, что никакой у него воли нѣтъ, можно либо по невѣжеству, либо изъ ненависти къ нему.

И какія глубокомысленныя соображенія приводятся Spectator'омъ въ подкрѣпленіе высказанной имъ мысли! Народъ, говоритъ онъ, составляется изъ множества отдѣльныхъ лицъ; если же нельзя найти двухъ лицъ съ совершенно одинаковыми волей и желаніемъ, то какъ могутъ всѣ они вмѣстѣ имѣть одну волю, одни желанія? Могутъ г. Spectator; все зависитъ отъ того, о какихъ желаніяхъ идетъ рѣчь.

На вкусъ и цвѣтъ, говорятъ, товарища нѣтъ, но религіозныя убѣжденія могутъ быть общими у сотенъ милліоновъ людей. Вы вотъ называете либералами всѣхъ, кто явно или тайно жаждетъ конституціи, и если вамъ повѣрить, такими либералами оказываются чуть ли не всѣ русскіе интеллигенты. Вы, слѣдовательно, сами объединяете нашихъ интеллигентовъ, допуская единство взглядовъ ихъ по главнѣйшимъ вопросамъ государственнаго устройства, почему же вамъ кажется невѣроятнымъ, чтобы народъ, гораздо болѣе однородный по составу своему, чѣмъ интеллигенція, могъ имѣть *одни желанія* относительно того же государственнаго устройства?

Г. Spectator возмущается приписываемымъ ему и вообще консерваторамъ сочувствіемъ бюрократизму. Онъ также далекъ отъ „нелѣпыхъ, аракчеевскихъ вожделѣній", какъ и либералы, и національ-либералы. Но въ то время, какъ послѣдніе (національ-либералы или славянофилы) полагаютъ, что Царь можетъ узнавать полную, неподдѣльную истину о своемъ народѣ „черезъ свободную печать и земскій соборъ",— онъ, Spectator, увѣренъ, что эта цѣль можетъ быть достигнута лишь „черезъ свободную, но безусловно честную и хорошо освѣдомленную печать и черезъ свѣдущихъ людей".

Казалось бы никакой разницы между пожеланіями славянофиловъ и г. Spectator'а не существуетъ; мало того, идеалы г. Spectator'а, какъ будто даже „почище" выходятъ: тѣ за свободу печати, а онъ кромѣ того требуетъ, чтобы печать была и честна, и хорошо освѣдомлена; тѣ говорятъ о Земскомъ Соборѣ, разумѣя, конечно, что въ Соборъ этотъ попадутъ люди свѣдущіе, а онъ прямо-таки перстомъ указуетъ на существеннѣйшее качество мужей, приглашаемыхъ давать совѣты. Но... Это только казалось бы. Г. Spectator въ дальнѣйшихъ сужденіяхъ раскрываетъ свои карты и всякому становится до очевидности ясно, что его „свобода печати" есть полное отсутствіе оной и что его „свѣдущіе люди" никогда никому правды не раскроютъ, по той простой причинѣ, что ихъ будутъ приглашать для выясненія отдѣльныхъ маленькихъ вопросиковъ (что дѣлается и теперь).

Г. Spectator рекомендуетъ правительству предоставлять великое право публично говорить предъ русскимъ народомъ (г. Spectator чрезвычайно любитъ пышныя выраженія) только немногимъ избранникамъ, выдающимся своимъ глубокимъ умомъ, солиднымъ образованіемъ, серьезною талантливою дѣловитостью и безукоризненною, непоколебимою добросовѣстностью. Истинная суть этой фарисейской рацеи заключается несомнѣнно въ томъ, что говорить и писать слѣдуетъ разрѣшать лишь тѣмъ благонамѣреннымъ журналистамъ, которые сумѣютъ снискать себѣ расположеніе въ сферахъ извѣстныхъ (т. е. опять у бюрократовъ же). Ибо г. Spectator вовсе не настолько наивенъ, чтобы не понимать, что если бы предлагаемый имъ критерій вздумали серьезно прилагать къ его партіи, то ни одному изъ малыхъ сихъ и рта раскрыть не было бы позволено... Г. Spectator и Герценъ! кто изъ нихъ умнѣе, талантливѣе, добросовѣстнѣе? Не правда ли, сопоставленіе весьма выгодное для творца новаго ученія о свободѣ печати?! Г. Spectator говоритъ еще о дѣловитости; но если отъ редактора будетъ требоваться не та дѣловитость, которая рекомендуетъ биржеваго спекулянта или рыночнаго торговца, то и этотъ признакъ едва ли вывезетъ г. Spectator'а и К°.

Еще менѣе искреннимъ слѣдуетъ признать мнѣніе г. Spectator'а о роли свѣдующихъ людей. Представителей народа, по его мнѣнію, не должно существовать, ибо въ дѣйствительности нѣтъ ни народа, ни воли народной. Надо приглашать директоровъ гимназій, чтобы выслушивать ихъ мнѣнія по вопросамъ гимназической педагогики, ученыхъ богослововъ, чтобы узнать отъ нихъ о старокатолическомъ движеніи и т. д. Г. Spectator утверждаетъ, будто онъ увѣренъ, что такимъ путемъ до Царя будетъ доходить полная, неподдѣльная истина о его народѣ, безо всякой помѣхи со стороны бюрократическаго средостѣнія...

Противъ бюрократіи выступаетъ и другой сотрудникъ „Русскаго Обозрѣнія" г. Адамовичъ (Іюль, 95 г.) статья г. Адамовича довольно обширная, хотя новаго въ ней очень мало; за это впрочемъ ему великое спасибо, ибо хорошо въ ней то, что старо, а то, что ново, положительно не хорошо. Г. Адамовичъ обвиняетъ наше чиновничество въ буквоѣдствѣ, въ канцелярской волокитѣ и въ томъ, что онъ называетъ канцелярской игрой въ мячъ, т. е. перебрасываніи дѣлъ изъ одного учрежденія въ другое. „Для оздоровленія" же государственнаго организма предлагаются слѣдующія средства: 1) привлечь на государственную службу лучшихъ людей; 2) по возможности точно опредѣлить количество и порядокъ производства работы, а также число работниковъ въ каждомъ правительственномъ учрежденіи; 3) представлять къ чинамъ и наградамъ только за дѣйствительныя заслуги; 4) безусловно запретить дѣлать подъ какими-бы то ни было предлогами сбереженія по смѣтамъ личнаго состава учрежденій; 5) децентрализовать государственный контроль, подчинивъ контролеровъ начальству тѣхъ учрежденій, которыя подлежали до сего времени ихъ контролю и 6) учредить правительственную контору для принятія и разсмотрѣнія жалобъ на неправильныя дѣйствія чиновниковъ и правительственныхъ учрежденій.

О первыхъ четырехъ „средствахъ" говорить не будемъ,—они безспорно хороши, хотя, право, не знаемъ, кому такіе совѣты нужны. Кто не знаетъ, что на службу слѣдуетъ принимать хорошихъ людей или что награды нужно давать за что-нибудь и т. д. За то послѣдніе два поражаютъ своей новизной и... смѣлостью.

Государственный контроль — учрежденіе чуждое условіямъ русской жизни. „Такой контроль, можетъ быть, и пригоденъ въ какомъ-нибудь нѣмецкомъ государствѣ, умѣщающемся чуть-ли не на ладони; въ нашемъ же отечествѣ, которое по своей обширности признается „міру по плечо" и притомъ обладаетъ самыми разнообразнѣйшими климатами, поч-

вами, народностями и другими не менѣе важными условіями (какъ такъ обладаетъ условіями)? въ нашемъ отечествѣ ни расходы, ни доходы, никоимъ образомъ не могутъ быть подводимы ни подъ какіе-бы то ни было, хотя бы самые геніальные контрольные шаблоны". Каюсь, я въ этомъ разсужденіи ровно ничего не понимаю. Сотрудники „Рус. Об." до того видно увлеклись спорами съ либералами о конституціи, что рѣшительно все сваливаютъ на громадность территоріи нашего отечества. Здоровый смыслъ долженъ былъ бы кажется заставить г. Адамовича прійти къ совершенно противоположному выводу. Всякому понятно, что если государственныя работы производятся на глазахъ у высшихъ представителей власти, то спеціальный контроль можетъ быть и не такъ еще нуженъ; если же приходится тратить сотни милліоновъ рублей на работы, производящіяся за десять тысячъ верстъ отъ центра, при невѣдомыхъ условіяхъ, то самостоятельный, фактическій контроль безусловно необходимъ. Не мѣшаетъ и то припомнить, что мы лишены самаго дѣйствительнаго средства контроля надъ дѣятельностью правительственныхъ чиновниковъ, которымъ, однако, располагаютъ „умѣщающіяся на ладони" германскія государства: мы не можемъ пользоваться для этой цѣли услугами печати. Безъ правительственнаго контроля мы, слѣдовательно, никакъ обойтись не можемъ. Г. Адамовичъ предлагаетъ довѣрить контроль надъ правительственными учрежденіями самимъ этимъ учрежденіямъ. Каждому начальнику учрежденія слѣдуетъ дать спеціальное лицо, которое бы постоянно и контролировало дѣйствія подчиненныхъ служащихъ учрежденія. Въ этомъ-то и должна заключаться желательная г. Адамовичу *децентрализація Государственнаго Контроля.*

Не подумалъ только г. Адамовичъ о томъ, что самихъ начальниковъ весьма полезно иногда проконтролировать!.. Существовало, напр., много лѣтъ тому назадъ казенное управленіе на Закавказской ж. д. безъ всякаго контроля. Подробно излагать господствовавшіе на ней порядки не стану. Но насколько они были хороши, г. Адамовичъ и прочіе противники Государственнаго Контроля могли бы заключить хотя бы по тому, что начальство сей дороги находило возможнымъ устраивать на средства, отпускаемыя изъ казны на сооруженіе дороги, *банкеты по случаю сооруженія отдѣльныхъ частей нѣкоторыхъ строеній!* На этой же дорогѣ до введенія контроля доставка паровоза обходилась въ 8—9 тысячъ рублей, послѣ-же введенія контроля въ 3—4 тысячи и т. д. При наличности такихъ фактовъ, которыхъ мы могли бы привести безчисленное множество, какое значеніе могутъ имѣть приводимые г. Адамовичемъ разговоры подрядчиковъ съ инженерами?!... Я глубоко убѣжденъ, что если въ настоящее время случаи, подобные приведеннымъ

выше, немыслимы, то это исключительно благодаря контролю. Однимъ своимъ существованіемъ Государственный Контроль служитъ угрозой для нахальныхъ хищниковъ и спасаетъ казенные милліоны.

Послѣднее и наиболѣе оригинальное изъ предлагаемыхъ г. Адамовичемъ средствъ для оздоровленія государственнаго организма — это учрежденіе особой правительственной конторы, куда обыватели могли бы приносить жалобы не только на всѣ учрежденія и должностныя лица, но даже на законы. Вотъ что пишетъ г. Адамовичъ: „Вѣдѣнію конторы должны подлежать жалобы обывателей на всѣ правительственныя мѣста и лица въ томъ случаѣ, если жалобы эти касаются канцелярской волокиты, не надлежащаго примѣненія закона, дурныхъ служебныхъ отношеній чиновниковъ къ обывателямъ, нежелательнаго вмѣшательства чиновныхъ властей въ дѣла общественныя, если это вмѣшательство даетъ фактически дурные результаты и пр. Кромѣ того конторой должны приниматься къ предварительному разсмотрѣнію и жалобы обывателей на неогражденіе закономъ ихъ общественныхъ и частныхъ интересовъ, подкрѣпленныя фактическими данными, а также и жалобы на нарушеніе правъ обывателей закономъ устарѣвшимъ, или по другимъ какимъ-либо причинамъ, несоотвѣтствующимъ условіямъ жизненной практики“.

Послѣ страшныхъ обвиненій, предъявленныхъ авторомъ къ чиновничеству, можно было думать, что онъ собирается до основанія срыть наше бюрократическое зданіе; вмѣсто того, однако, онъ приходитъ къ сознанію необходимости увѣнчать его еще однимъ добавочнымъ этажомъ. Надъ министерствами воздвигается новое вѣдомство: еще служащіе, еще оклады, еще одна многомилліонная смѣта въ государственномъ бюджетѣ. Г. Адамовичъ надѣется, что въ проектируемомъ имъ вѣдомствѣ будутъ служить образцовые чиновники, — не будетъ ни богдыхановъ, ни буквоѣдовъ, ни лѣнтяевъ. Почему онъ, однако, на это надѣется? Вѣдь надъ его вѣдомствомъ другого контролирующаго и надзирающаго вѣдомства не будетъ!..

Затѣмъ, чѣмъ это вѣдомство будетъ заниматься? Представить себѣ даже очень трудно. Г. Адамовичъ желаетъ, чтобы оно разсматривало жалобы обывателей во 1-хъ) на всѣ правительственныя мѣста и лица и во 2-хъ) на устарѣвшіе законы. Предположимъ, столоначальникъ Ивановъ, состоящій на службѣ въ одномъ изъ департаментовъ Министерства Финансовъ задерживаетъ слишкомъ долго дѣло обывателя Сидорова. Сидоровъ подаетъ жалобу (оплаченную 80 коп. гербовой маркой) въ вѣдомство г-на Адамовича. Послѣднее пишетъ немедленно (??) отношеніе въ департаментъ, требуетъ разъясненія медлительности столоначальника Иванова. Не можетъ подлежать ни малѣйшему сомнѣнію, что у Ива-

нова найдется десятокъ, по крайней мѣрѣ, причинъ, вполнѣ объясняющихъ его медленность. Начальство Иванова пишетъ отзывъ въ вѣдомство г. Адамовича. Оттуда новое отношеніе и т. д. Возьмемъ другой случай. Обыватель Сидоровъ жалуется на чиновника Иванова, обвиняя его въ буквоѣдствѣ, т. е. въ формальномъ слишкомъ толкованіи закона. Г. Адамовичъ думаетъ, что можно потребовать перевода этого чиновника на другое мѣсто, гдѣ ему толковать законы не придется. По моему мнѣнію это было бы крайне нецѣлесообразно даже въ томъ случаѣ, если обыватель правъ. Дайте всѣмъ чиновникамъ право толковать законы не по осязательной для всѣхъ буквѣ, а по неуловимому часто духу ихъ,—получится такой хаосъ, что упаси Боже!

Ясно, что если вѣдомство г. Адамовича будетъ чѣмъ нибудь заниматься, то исключительно перепиской и самой безплодной. Впрочемъ... виноватъ: вѣдомство г. Адамовича имѣетъ еще другую обязанность, оно будетъ разсматривать жалобы обывателей на устарѣвшіе и вообще непригодные законы.

Если бы г. Адамовичъ хорошенько понималъ сущность возлагаемой имъ на проэктируемое вѣдомство обязанности, то онъ вѣроятно присовокупилъ бы, что состоять въ ономъ вѣдомствѣ на службѣ могутъ только министры и члены Государственнаго Совѣта. Къ сожалѣнію, первые и такъ завалены работой, а вторые и нынѣ занимаются обсужденіемъ законодательныхъ вопросовъ. Но допустимъ, что г. Адамовичу удалось завербовать въ свое вѣдомство лучшихъ и образованнѣйшихъ людей нашего времени; неужели онъ не нашелъ бы для нихъ болѣе плодотворной работы, чѣмъ разбираться въ океанѣ безграмотныхъ обывательскихъ проектовъ?!...

Нѣтъ, господа консерваторы, предлагаемыя вами мѣры не избавятъ Россію отъ нежелательныхъ даже вамъ бюрократическихъ порядковъ. „Свѣдущіе люди" г. Spectator'а и „контора для жалобъ на чиновниковъ" г. Адамовича ни на іоту не исправятъ сознаннаго всѣми зла.

Но оставимъ пока въ покоѣ московскихъ „охранителей" съ ихъ неудачными домыслами и посмотримъ, что дѣлаютъ петербургскіе ихъ соратники. Въ станѣ этихъ послѣднихъ—переполохъ. Главный ихъ застрѣльщикъ князь-„гражданинъ" очутился въ прескверномъ положеніи. Какъ всѣмъ извѣстно суть охранительства князя Мещерскаго состоитъ въ проповѣди чиновничьей и сословной (дворянской) разнузданности и въ яростныхъ, клеветническихъ нападкахъ на всѣ тѣ не только обще-

ственныя, но и *правительственныя* учрежденія, которыя по самому своему назначенію и по приданному имъ закономъ устройству ограждаютъ и возстановляютъ законность и тѣмъ самымъ обуздываютъ самовольство, и хищничество. Къ такимъ, ненавистнымъ князю В. П. Мещерскому и давно оклеветаннымъ имъ учрежденіямъ, принадлежитъ судъ, образованный по началамъ Судебныхъ уставовъ Императора Александра II, съ присяжными судьями совѣсти, съ независимою (по закону, но къ сожалѣнію не въ дѣйствительности) слѣдственною частью и съ независимымъ же сословіемъ присяжныхъ повѣренныхъ. Къ такимъ же почтеннымъ органамъ правительства, призваннымъ блюсти и возстановлять законность и преслѣдовать излишне свободное обращеніе съ казеннымъ, или, что то же самое, съ народнымъ достояніемъ, принадлежитъ и Государственный контроль, пріобрѣтшій въ послѣднія 10—15 лѣтъ право не только послѣдующей повѣрки расходовъ уже произведенныхъ, но и предварительной повѣрки предположенныхъ денежныхъ выдачъ и наличной (фактической) повѣрки матеріаловъ и работъ. Казалось бы, что уже давнымъ давно князю Мещерскому слѣдовало обратить противъ этого вѣдомства свои орудія; но, по какому-то недоразумѣнію, — до послѣдняго времени буйный князь щадилъ Государственный контроль. Мало того, какъ самъ онъ вспоминаетъ теперь въ одномъ изъ послѣднихъ своихъ Дневниковъ,— проповѣдывалъ даже необходимость подчиненія правительственному контролю земскихъ учрежденій! Но недавно, какъ и слѣдовало ожидать, въ чувствахъ князя по отношенію къ Государственному контролю произошла крутая перемѣна, и вотъ, по поводу отъѣзда въ Сибирь нѣсколькихъ контрольныхъ чиновниковъ, князь Мещерскій открылъ противъ Государственнаго контроля свою канонаду.

Сущность и полную безосновательность нападокъ князя Мещерскаго на Государственный контроль, читатели увидятъ изъ приводимаго нами вслѣдъ за симъ правительственнаго соообщенія, а причины вызвавшія въ князѣ Мещерскомъ перемѣну его настроенія и побудившія ополчиться на контроль съ полною откровенностью объяснены въ письмѣ г. Н. К—ва, напечатанномъ въ „Новомъ Времени“ отъ 19 августа и въ собственныхъ по поводу этого письма признаніяхъ князя В. П. Мещерскаго, появившихся 20 августа въ Дневникѣ на страницахъ „Гражданина“.

Эти три документа, до того назидательны, до того ярко и полно разъясняютъ намъ внутреннюю суть нашихъ непризванныхъ „охранителей“ и дѣйствительныя цѣли ихъ „охранительства“, что мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести ихъ цѣликомъ и въ полной неприкосновенности на страницахъ нашего изданія.

Правительственное сообщеніе.

Въ № 218 „Гражданинъ“ перепечатано сообщеніе „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“ о томъ, что „Государственнымъ Контролеромъ командировано въ Сибирь до 25 контролеровъ для производства фактическаго контроля поѣздовъ на открытыхъ участкахъ сибирскаго пути“. Затѣмъ, въ томъ же № „Гражданина“ (въ дневникѣ) заявляется, что „отрядъ многочисленныхъ инквизиторовъ контроля отправленъ, очевидно, контролировать желѣзнодорожныя работы“, и далѣе слѣдуетъ разсужденіе такого рода: что посылка контролеровъ на мѣсто сибирской жел. дор. не только излишня, но и вредна, такъ какъ „всѣ разсчеты по сибирской желѣзной дорогѣ сдѣланы были сибирскимъ Комитетомъ послѣ строгой провѣрки“, причемъ „имѣлись въ виду сбереженія казенныхъ денегъ и честность людей, которымъ поручалось дѣло“, вслѣдствіе этого, и переписка и сложное счетоводство были сокращены до минимума“; съ прибытіемъ же контролеровъ дѣло постройки „затормозится“, такъ какъ на каждую быструю мысль, на каждое быстрое дѣйствіе будетъ наложено veto неумолимаго контролера, на всякій вагонъ, на всякую шпалу будутъ потребованы фоліанты оправдательныхъ документовъ; для переписки съ контролемъ потребуется усиливать штаты строительныхъ управленій, а техникамъ и строителямъ, занятымъ перепискою съ контролемъ, придется замедлять работы; съ прибытіемъ контролеровъ „главные предметы жизни въ Сибири непремѣнно вздорожаютъ“ и уже теперь „при одномъ только слухѣ о прибытіи контрольнаго отряда цѣны на камень, желѣзо, дерево поднялись“; вздорожаніе это объясняется тѣмъ, что инженеръ выдастъ ассигновку на 10 коп., „а она какъ пойдетъ гулять по контрольнымъ мытарствамъ недѣли, да мѣсяцы, то 10 коп., того и гляди въ и 5 коп. обратятся“. Въ заключеніи дневника говорится, что „только изъ за того, что контроль водворился на сибирской жел. дорогѣ, казнѣ придется лишнихъ сто милліоновъ переплатить за эту дорогу“. Въ № 220 той же газеты, въ дневникѣ же пояснено, что авторъ его возстаетъ „не противъ контроля, а противъ того второго вида контроля, который за послѣдніе годы присвоилъ себѣ Государственный Контроль и который заключается въ присвоеніи себѣ права обсуждать каждую статью расхода по вѣдомству предварительно, входить въ подробности техническія и заводить необъятную переписку—запросовъ и отвѣтовъ.

Сообщеніе, перепечатанное „Гражданиномъ“ изъ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостей“—невѣрно; разсужденія же по поводу его самого „Гражданина“ совершенно неосновательны.

Въ настоящее время ѣдутъ въ Сибирь чины вновь организованнаго контроля по постройкѣ забайкальской ж. д.,—такого же контроля, какой существуетъ съ самаго начала работъ на другихъ строящихся участкахъ сибирской желѣзной дороги, и какому съ 1881 г. подчинены всѣ вообще казенныя желѣзнодорожныя сооруженія.

Права предварительной ревизіи платежей и повѣрки наличія матеріаловъ и работъ (такъ назыв. предварительный и фактическій контроль) не „присвоены" себѣ Государственнымъ Контролемъ, а дарованы ему Высочайшею властью, по неоднократнымъ постановленіямъ высшихъ государственныхъ установленій: Государственнаго Совѣта, Соединенныхъ присутствій Комитета Министровъ и Департамента экономіи Государственнаго Совѣта и Комитета сибирской желѣзной дороги.

Правила же, опредѣляющія порядокъ провѣрки контролемъ строительныхъ операцій, также какъ и правила о назначеніи денежныхъ выдачъ изъ кредитовъ, ассигнуемыхъ на постройку, равно какъ и наказъ начальникамъ строительныхъ работъ выработаны и утверждены, по принадлежности, первыя—Государственнымъ Контролеромъ, а остальныя—Министромъ Путей Сообщенія, по предварительному ихъ соглашенію между собою и съ Министромъ Финансовъ.

Комитетъ сибирской желѣзой дороги „всѣхъ" разсчетовъ по сибирской ж. д. не дѣлаетъ и не провѣряетъ. На уваженіе сего Комитета представляются лишь общія соображенія о стоимости сооружаемыхъ дорогъ и расцѣночныя вѣдомости работъ, составленныя по отдѣльнымъ участкамъ сибирской ж. д., но составленіе этихъ вѣдомостей, обыкновенно, сильно запаздываетъ и до настоящаго времени Комитету представлены и имъ утверждены расцѣнки не всѣхъ участковъ дороги, находящихся въ постройкѣ еще съ 1894 и даже съ 1893 г. Но и утвержденныя расцѣночныя вѣдомости содержатъ въ себѣ только приблизительныя исчисленія количества потребныхъ для постройки матеріаловъ и работъ и предѣльныя единичныя ихъ цѣны, въ дѣйствительности же какъ количество работъ, такъ и цѣны ихъ отступаютъ отъ указанныхъ въ расцѣнкѣ, и нерѣдко даютъ крупный перерасходъ. При такихъ условіяхъ постройки, существованіе на мѣстѣ работъ независимаго отъ строителей правительственнаго контроля совершенно необходимо.

Тормозить въ какомъ бы то ни было отношеніи дѣло, замедлять платежи, налагать veto на распоряженія строителей предварительный и фактическій контроль не можетъ, ибо онъ не имѣетъ никакой распорядительной власти. Онъ только предупреждаетъ строителя о неправильности или нехозяйственности предположеннаго имъ расхода или о несоотвѣтствіи предъявленныхъ къ освидѣтельствованію и сдачѣ въ казну пред-

метовъ или работъ договорнымъ или техническимъ условіямъ, главнымъ образомъ въ отношеніи мѣры, вѣса и стоимости предметовъ и работъ; но заключеніе контроля во всѣхъ этихъ случаяхъ, составляющихъ сущность предварительной и фактической ревизіи, необязательно для распорядителей, имъ оставлено право, если они не согласны съ заключеніемъ контроля, производить оплату опротестованныхъ контролеромъ ассигновокъ и принимать признаваемыя контролеромъ неудовлетворительными матеріалы; въ этихъ случаяхъ спорный вопросъ о правильности или неправильности сдѣланнаго распоряженія или расхода разрѣшается въ порядкѣ послѣдующей ревизіи. Для ревизіонныхъ дѣйствій предварительнаго контроля установлены и строго соблюдаются точные и весьма непродолжительные сроки: лишь для обревизованія платежей, производимыхъ въ окончательный разсчетъ съ подрядчиками, положенъ десятидневный срокъ, для прочихъ же ассигновокъ—всего трехдневный, а экстренныя ассигновки возвращаются контролемъ съ ревизіоннымъ заключеніемъ въ тотъ же день. Кромѣ того, для экстренныхъ оплатъ и для платежей за работы, производимыя хозяйственнымъ способомъ или на линіи въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ казначействъ, строители располагаютъ весьма крупными авансами (на средне-сибирской жел. дорогѣ размѣръ этого аванса 2.000,000 р.), расходованіе которыхъ производится безъ предварительнаго контроля.

Предварительный фактическій контроль ни мало не осложняетъ счетоводства и не увеличиваетъ, а, наоборотъ, сокращаетъ ревизіонную переписку, такъ какъ и при этомъ контролѣ отъ распорядителей кредитомъ, для оправданія производимыхъ ими расходовъ, требуются тѣ же самыя записи въ книгахъ и тѣ же самыя основанія расходовъ и оправдательные къ нимъ документы, которые распорядителю необходимо имѣть для предъявленія къ послѣдующей ревизіи, а также и для того, чтобы отсчитаться и оправдать свои дѣйствія передъ главнымъ распорядителемъ кредита, т.-е. своимъ непосредственнымъ начальствомъ. Предварительный контроль устанавливается не иначе, какъ съ согласія и по желанію соотвѣтствующихъ распорядительныхъ вѣдомствъ, какъ въ интересахъ государственной казны, такъ и въ интересахъ отчетныхъ учрежденій и лицъ, ибо онъ даетъ возможность предотвращать значительные убытки и прекращать неправильныя распоряженія и расходы въ самомъ ихъ началѣ. Для разрѣшенія всякаго рода недоразумѣній и вопросовъ, возникающихъ при предварительной ревизіи, требуется во всякомъ случаѣ несравненно меньше времени и переписки, нежели для выясненія дѣла впослѣдствіи и для возстановленія нарушеннаго уже казеннаго интереса путемъ послѣдующей ревизіи.

Письмо Н. К—ва (Нов. Вр. № 6999).

„Въ бытность г. Кривошеина министромъ путей сообщенія, сообщаетъ г. Н. К—въ, кн. Мещерскій, пользуясь своими связями и вліяніемъ, успѣлъ заключить чрезвычайно выгодный для себя и крайне убыточный для казны долгосрочный договоръ на производство всѣхъ необходимыхъ для желѣзнодорожнаго хозяйства типографскихъ, литографскихъ и переплетныхъ работъ, составляющихъ довольно крупную статью расходовъ не только для управленія казенныхъ желѣзныхъ дорогъ, но для каждой такой дороги въ отдѣльности. Договоръ этотъ былъ заключенъ помимо контроля и безъ всякой предварительной конкурренціи, какъ того требуетъ законъ, такъ что контролю оставалось считаться съ совершившимся фактомъ,—тѣмъ болѣе, что, по закону всякій договоръ, заключонный съ казною, долженъ быть соблюдаемъ свято, хотя бы и обнаружилось, что при его исполненіи казна должна нести явные убытки.

Заручившись такимъ договоромъ, князь считалъ себя вполнѣ обезпеченнымъ со стороны контроля и разсчитывалъ, очевидно, спокойнымъ образомъ получать законнымъ порядкомъ незаконные сборы съ казны. Но вотъ, въ минувшемъ году, когда, по переходѣ въ казну Николаевской и Варшавской желѣзныхъ дорогъ, послѣдовало распоряженіе о передачѣ всѣхъ печатныхъ и переплетныхъ работъ для этихъ дорогъ тому же Мещерскому, вмѣсто типографіи Голике, исполнявшей эти работы ранѣе по несравнимо болѣе выгоднымъ условіямъ, контролю представилась, наконецъ, возможность обуздать расходившуюся алчность князя и не только добиться отмѣны приведеннаго распоряженія, но и возбудить въ общемъ ревизіонномъ порядкѣ вопросъ объ убыткахъ казны, причиняемыхъ упомянутымъ выше договоромъ.

Чтобы судить, насколько велики эти убытки, достаточно сказать, что за извѣстную работу (именно печатаніе опредѣленнаго образца бланокъ), которая обходилась въ недешевой типографіи Голике какихъ-нибудь 2 р. 38 коп., князю Мещерскому приходится платить не менѣе 8 р. 55 к., которые въ большинствѣ случаевъ фактически обращаются *въ 17 р. 10 к.* въ виду того обстоятельства, что большинство заказовъ даются князю Мещерскому, какъ *экстренные* и потому подлежащіе оплатѣ *по двойнымъ цѣнамъ* въ силу того же договора. Но этимъ дѣло не ограничивается. Какъ человѣкъ обстоятельный, князь Мещерскій работаетъ исподволь, не спѣша, и поэтому предпочитаетъ, напримѣръ, принимать заказы на многіе бланки, въ которыхъ текстъ сохраняется безъ измѣненій, не разомъ на все потребное въ году количество этихъ бланокъ, а по

частямъ, благодаря чему является возможность получать за одинъ и тотъ же наборъ и, въ сущности, за одинъ и тотъ же заказъ полную плату по нѣсколько разъ! И при такихъ-то неестественно выгодныхъ условіяхъ князь Мещерскій не только не сдаетъ своихъ работъ въ добросовѣстномъ видѣ, но еще выгадываетъ гроши на бумагѣ, ставя ее гораздо худшихъ качествъ противъ установленныхъ образцовъ. Ну, скажите, могъ ли контроль пропускать безъ вниманія подобныя безобразія. И послѣ всего того, что я изложилъ здѣсь, развѣ нападки князя Мещерскаго на контроль не есть безумныя выходки сердитаго безсилія?

Признанія князя В. П. Мещерскаго.

(Гражданинъ 20 авг. 1895 г.).

„Убилъ! Я все удивлялся, какъ до сихъ поръ въ моемъ спорѣ съ „Новымъ Временемъ" изъ-за государственнаго контроля не воспользуются моими типографскими контрактами съ казенными желѣзными дорогами, чтобы съ общей точки зрѣнія, по обычаю въ нашей печати, издавна существующему, перевести вопросъ на личности. И вотъ сегодня какъ разъ вслѣдъ за Демосеномъ, выступилъ неизвѣстный господинъ съ душею, очевидно, судящею другихъ по себѣ и разсуждающею такъ: плати, и я тебя похвалю, не заплатишь — буду бранить. Этотъ „кто-то" написалъ въ „Новомъ Времени" письмо, въ которомъ увѣряетъ, что я потому такъ нападаю на контроль, что онъ помѣшалъ мнѣ грабить казну на типографскихъ контрактахъ съ казенными желѣзными дорогами. Коротко и ясно, а вѣрно-ли,— кому какое дѣло? Да и я не стану опровергать. Замѣчу только двѣ крупныя неправды: 1) по закону не обязательно сдавать заказы съ торговъ и 2) цѣны мои, сравнительно съ голиковскими, не всѣ были выше; однѣ были выше; другія—ниже.

Какъ порядочный человѣкъ, отрицаю безусловно вліяніе психическое моихъ личныхъ типографскихъ интересовъ на мое мнѣніе о чиновникахъ контроля, но я въ то же время признаю, что именно мои типографскія дѣла съ казенными дорогами дали мнѣ возможность близко познакомиться съ государственнымъ контролемъ и совсѣмъ измѣнить о немъ мнѣніе. И смѣю полагать, что именно потому, что я на своей шкурѣ узналъ контроль, я и пріобрѣлъ право говорить о немъ en connaissance de cause. Человѣкъ всегда здоровый не можетъ вѣрно судить о врачахъ; человѣкъ, не торговавшій лично, не можетъ вѣрно судить о торговлѣ; не имѣвшій дѣло съ контролемъ, не можетъ о немъ

судить иначе, какъ я судилъ прежде, — платонически и отвлеченно, и я увѣренъ, что если бы хвалители контроля въ „Новомъ Времени" испытали на своей шкурѣ то, что я испыталъ, они бы смотрѣли на дѣло такъ же, какъ и я.

Какъ бы то ни было, но выходитъ курьезно: вотъ, значитъ, въ чемъ святая важность государственнаго контроля, вотъ отъ кого призванъ онъ оберегать Россію,—отъ такихъ грабителей казны, какъ князь Мещерскій! Да, онъ это и дѣлаетъ и въ томъ-то, по моему, его ахилесова пята. Шутка сказать: какой необъятный міръ—казенныя желѣзныя дороги и какіе милліонные обороты по подрядамъ и поставкамъ проходятъ черезъ желѣзнодорожный контроль! Нѣтъ, это не важно, а вотъ копаться въ контрактѣ на типографскія работы князя Мещерскаго, переворачивать всѣ цифры, считать цѣлые часы, во сколько князь Мещерскій беретъ дороже другой типографіи и запрятывать тѣ цифры, изъ которыхъ видно, во сколько разъ онъ беретъ дешевле, — сколько, подумаешь, на это нужно свободнаго времени, и если онъ на это имѣетъ людей и время, то можно съ достовѣрностью догадываться, что это время, отданное на изобличеніе князя Мещерскаго въ ограбленіи казны, не отнимается ли у дѣлъ того-же контроля, болѣе важныхъ, чѣмъ мои типографскіе контракты.

Вѣкъ живи—вѣкъ учись. Я имѣлъ глупость взяться за типографскія работы, какъ за торговое дѣло. Возьму заказы на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ,—говорилъ я—получу извѣстные барыши, на которые буду покрывать дефициты отъ газеты „Русь". На это мнѣ говорили: „смотрите, обожжетесь, васъ обокрадутъ, контроль васъ загрызетъ, и ничего не выйдетъ изъ вашей торговой затѣи". Я не послушался, завелъ дѣло, и предсказатели оказались правы. Эти цѣны, по которымъ я взялся работать, были ниже тѣхъ, по которымъ работали прежде по управленію казенныхъ дорогъ, но зато иныя изъ нихъ оказались гораздо больше цѣнъ типографіи Голике, работавшей на главное общество желѣзныхъ дорогъ до меня, и вотъ меня начали травить безъ устали контрольные чиновники,—граблю казну и кончено. Я доказываю, что нѣтъ и прошу сравнивать мои цѣны не съ голиковскими, о которыхъ узнали послѣ заключенія моего контракта, а съ тѣми, которыя существовали *до моего контракта*,—нѣтъ, знать ничего не хотятъ: ваши цѣны чуть ли не на 1,000 процентовъ дороже, и конецъ. И стали урѣзывать счеты, держать ихъ на провѣркѣ мѣсяцы, точно въ самомъ дѣлѣ имѣли дѣло съ отъявленнымъ дѣльцомъ-грабителемъ.

Какъ-то разъ приходитъ ко мнѣ маленькій *бывалый* человѣкъ и, смѣясь надо мною, говоритъ:

— Ну, гдѣ вамъ съ контролемъ справиться, онъ васъ заклюетъ... Развѣ такъ дѣла ведутся?

— А какъ же,—спрашиваю я чиновника.

— А такъ,—отвѣчаетъ онъ мнѣ,—какъ всякій *порядочный* дѣлецъ ихъ ведетъ... Вы должны были объявить цѣны *низкія*, а потомъ, когда контрактъ остался бы за вами, вы и могли бы лупить какія угодно цѣны...

— То есть, какъ же это?

— А такъ: вамъ нужно 50 рублей, пишите 100, контроль не пропуститъ, урѣжетъ на 50 рублей, и вы получите 50; а если вы представите съ умѣреннымъ барышемъ 50 рублей, все равно контроль урѣжетъ, и вы получите только 25...

Я невольно засмѣялся отъ такой простоты расчета и многое стало мнѣ понятнымъ, но такъ какъ мудростью моего совѣтчика я не воспользовался, то выходило въ правду подчасъ такъ: представляю счетъ; цѣны правильны по контракту, барыши умѣренны; контроль беретъ счетъ и трахъ, 50 процентовъ урѣзываетъ,—выходитъ убытокъ.

А рядомъ — люди, проходящіе черезъ этотъ же контроль, наживаютъ милліоны въ два-три года... Какъ это объяснить, не знаю, но знаю, что будь контроль ко всѣмъ такъ придирчивъ, какъ ко мнѣ, право, нельзя было бы въ два, три года нажить милліоны. Значитъ, есть, какъ я говорилъ, крупные недостатки въ порядкѣ контроля, изъ которыхъ главнѣйшіе заключаются, вѣроятно, въ томъ, что онъ придирается къ мелочамъ и формальностямъ, и этимъ поглощаетъ столько времени, что не хватаетъ его на крупныя дѣла, требующія долгаго и подробнаго вниманія. И выходитъ рядъ qui pro quo.

Честный человѣкъ, дѣйствующій открыто, непремѣнно нарвется на какой-нибудь тысячу и одинъ контрольный крючекъ, потому, что у него нѣтъ главной цѣли—нагрѣть казну, а тотъ, кто желаетъ прежде всего нагрѣть казну, тотъ сумѣетъ для этой цѣли такъ провести свое дѣло, чтобы нигдѣ не дать зацѣпиться контролю. Дѣло пройдетъ какъ по маслу, а затѣмъ дѣлецъ сумѣетъ проводить и осуществлять его на дѣлѣ такъ, что нигдѣ ни скрипа, ни крика, а процессъ наживанія будетъ идти блестяще впередъ“...

Вотъ, стало быть, почему кн. Мещерскій такъ не любитъ „контролеровъ-инквизиторовъ“!.. Кн. Мещерскій пробуетъ защищаться... Но какія жалкія оправданія приводятся имъ въ свою защиту! Ему говорятъ: „вы, князь, пользуясь своими связями и вліяніемъ успѣли заключить договоръ весьма выгодный для себя и крайне убыточный для казны, устранивъ предварительно прежняго контрагента, не располагавшаго та-

кими связями какъ вы, но несравненно болѣе васъ добросовѣстнаго и выгоднаго для казны". Князь отвѣчаетъ на это: „по закону не обязательно сдавать заказы съ торговъ". Князю говорятъ: „вы получали по 17 р. 10 к. за ту самую работу, за которую Голике 2 р. 38 к.; вы, кромѣ того, получали за одинъ и тотъ же заказъ полную плату по нѣсколько разъ". Г. Мещерскій на эти очень опредѣленно выраженныя обвиненія возражаетъ очень неопредѣленно, что его, дескать, цѣны **не всѣ** (!) были выше Голиковскихъ. Сознавая, впрочемъ, слабость своихъ оправданій, князь ссылается на высшія цѣли, для достиженія которыхъ можно было, повидимому, не стѣсняться средствами. „Возьму заказы на казенныхъ желѣзныхъ дорогахъ,—говорилъ я,—получу извѣстные барыши, на которые (которыми?) буду покрывать дефициты отъ газеты „Русь"... Не правда-ли, читатель, такое оправданіе можетъ *придумать* (для себя, конечно) только?...

Г. Мещерскій въ концѣ концовъ совсѣмъ запутался въ своихъ показаніяхъ. Еще наканунѣ, возражая „Новому Времени", онъ увѣрялъ, что „грабителей казны" почти не существуетъ: за всѣ 56 лѣтъ, которыя онъ прожилъ на свѣтѣ, ему припоминается одно дѣло (Нижегородская соль) изъ давняго прошлаго и одно—два дѣла изъ недавняго времени.

Сегодня же онъ утверждаетъ, что грабителей казны много и весьма крупныхъ, и что въ сравненіи съ ними онъ, князь Мещерскій, такая мелочь, что на него контролю и вниманія обращать бы не слѣдовало...

„Все это было бы смѣшно, если бъ не было такъ грустно". А грустнаго во всей этой исторіи, если хорошенько въ нее вдуматься, очень и очень много.

800-лѣтіе города Переяславля.

Рязань. Рязанцамъ во главѣ съ Высочайше утвержденной Рязанск. Учен. Архивной Комиссіей въ текущемъ году предстоитъ празднованіе 800-лѣтія основанія древняго гор. Переяславля-Рязанскаго, на что уже послѣдовало разрѣшеніе правительства.

Возникновеніе этого города относится къ 1095 г., на основаніи слѣдующаго извѣстія: въ библіотекѣ рязанской духовной семинаріи въ слѣдованной псалтири имѣется надпись за 1560 г. Ильинскаго попа Марка, слѣдующія содержанія: „Влѣто 6603 (1095) г. заложенъ бы гра Переславль рязанскоі около церкви святаго Николы стараго“.

Церковь эта упразднена; о существованіи ея показано въ описи рязанскихъ церквей подъ 7163 (1655) г.

Ко дню юбилейнаго торжества здѣшняя Архивная Комиссія предположила издать сборникъ, въ который между прочимъ долженъ войти словарь писателей и ученыхъ (уроженцевъ и дѣятелей) Рязанскаго края.

Кромѣ сего принято Архивной Комиссіей предложеніе г-жи Вернеръ, окончившей курсъ въ Академіи художествъ, объ изготовленіи ею безвозмездно въ память 800-лѣтія Рязани или Переяславля-Рязанскаго гипсоваго образца памятника великому князю Олегу рязанскому. Если образецъ будетъ признанъ удовлетворительнымъ, Комиссія въ юбилейномъ засѣданіи возбудитъ вопросъ объ осуществленіи памятника путемъ подписки или пожертвованій.

За князя Олега въ засѣданіи потому высказались, что онъ—самый выдающійся изъ князей рязанскихъ, при которомъ рязанское княжество достигло наибольшаго процвѣтанія и могущества, и который въ народѣ до сего времени пользуется особымъ почитаніемъ въ качествѣ мѣстнаго святаго и покровителя Рязанской земли.

Князь Олегъ скончался въ 1402 г., имѣя имена: при крещеніи Іакова, въ иноцѣхъ Іоны и въ схимѣ Іоакима; послѣднее время жизни онъ провелъ инокомъ въ построенномъ имъ недалеко отъ Переяславля-Рязанскаго Солотчинскомъ монастырѣ, гдѣ былъ и погребенъ въ каменномъ гробѣ.

Черезъ долгое время по случаю новыхъ построекъ въ Солотчинской обители прахъ князя Олега изъ каменнаго гроба извлеченъ и съ прахомъ его супруги, инокини Евпраксіи, положенъ въ простой деревянный крашенный гробъ, помѣщенный въ Покровскомъ соборѣ сей обители, гдѣ на стѣнѣ, близъ княжескаго гроба, изображены древнимъ писаніемъ князь съ княгинею въ иноческомъ одѣяніи и надъ первымъ изъ нихъ имѣется надпись „Огіосъ".

У гробницы князя находится кольчатая броня его, которую, приходящіе въ обитель богомольцы, благоговѣйно надѣваютъ на себя или накладываютъ на больныя части тѣла при разныхъ недугахъ и, по отзывамъ ихъ, получаютъ исцѣленія.

Историкъ Герберштейнъ говоритъ, что древняя крѣпость, около которой впослѣдствіи образовался городъ Переяславль, первоначально называлась Ярославомъ или Ярославлемъ, т. е. по имени основателя, 1-го князя Рязанскаго Ярослава Святославича, котораго начало княженія считается съ 1078 г.

Ярослава (въ крещеніи Константина) кн. рязанскаго и дѣтей его Михаила и Ѳеодора мощи почиваютъ въ г. Муромѣ въ Благовѣщенскомъ соборѣ, открыты онѣ въ 1555 г. Тутъ же погребена и супруга его Ирина; соборъ Благовѣщенскій сооруженъ княземъ Ярославомъ, и имъ былъ окрещенъ языческій народъ „Мурома" въ 6600 (1092) г., хотя въ Муромѣ уже были тогда зачатки христіанской вѣры, внесенные княземъ Глѣбомъ Владиміровичемъ и Давидомъ Святославичемъ.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Горе людское (Д. А. Линевъ—„Не сказки"). Горе людское—стоны и слезы—также старо, какъ само человѣчество. Но прошли вѣка, десятки вѣковъ, быть можетъ, прежде, чѣмъ человѣкъ *увидѣлъ* слезы и *услышалъ* стоны. Греки успѣли создать великія философскія системы, величайшія изъ твореній искуства, заложить основаніе для будущаго храма науки; они оставили, по выраженію французскаго мыслителя, только одинъ пробѣлъ въ завѣщанной міру цивилизаціи: не удѣлили въ ней мѣста человѣческому горю. Греки боготворили силу и красоту, и то, что не было изящнымъ, не могло разсчитывать на ихъ сочувствіе. Ихъ боги покровительствовали и дружили только съ сильными счастливыми смертными, совершенно пренебрегая несчастными и угнетенными: красавецъ-богатырь, богоподобный герой—вотъ мечта древняго грека; безпомощность, слабость вызывали одно презрѣніе. Величайшій изъ греческихъ мудрецовъ, Аристотель, признавалъ рабство установленіемъ вполнѣ естественнымъ и законнымъ: греческое сердце не трогали несчастія ничтожныхъ людей.

Да, греки оставили одинъ только пробѣлъ; но если бы этотъ пробѣлъ не былъ восполненъ, чего стоила бы вся наша образованность!..

За маленькихъ людей, обиженныхъ и угнетенныхъ, впервые раздался голосъ въ маленькой Іудеѣ,—то былъ голосъ святыхъ пророковъ. Всякая несправедливость, всякая обида по отношенію къ слабому возмущала этихъ праведниковъ до глубины души и вызывала съ ихъ стороны строгое осужденіе. Пусть эта обида исходила отъ самого грознаго владыки, царя іудейскаго,—они и царямъ не боялись говорить правду, и не только „съ улыбкой", но и въ рѣзкихъ негодующихъ выраженіяхъ. Для несчастныхъ же страдальцевъ у нихъ всегда находились слова любви и утѣшенія, пророческія обѣщанія того далекаго будущаго, когда все живое будетъ жить въ мирѣ и согласіи, „когда дитя съ улыбкой отниметъ свою рученку отъ груди матери и положитъ ее въ гнѣздо ехидны, а волкъ будетъ пастись рядомъ съ ягненкомъ". Ихъ-то

проповѣди, жгучей, какъ пламя, чистой, какъ сама Истина, изъ которой они черпали свое вдохновеніе, наша жизнь обязана благороднѣйшими своими чертами.

Распространившееся по всему міру Христіанство внесло въ общее сознаніе, что высшею добродѣтелью должна почитаться дѣятельная любовь къ ближнему (въ евангельскомъ смыслѣ); подъ вліяніемъ христіанскихъ понятій пало рабство, продолжаютъ падать другія, болѣе мягкія способы угнетенія однимъ человѣкомъ другаго, законодательства смягчились чрезвычайно, возникали и возникаютъ безчисленныя общества, съ цѣлью облегченія несчастнымъ ихъ страданій. Сдѣлано уже много, но успокоиться на этомъ, конечно, нельзя, ибо еще и теперь „горя—рѣченька бездонная", или вѣрнѣе—безпредѣльный океанъ. Между тѣмъ, человѣкъ, вообще говоря, существо и разумное, и доброе, слишкомъ, однако, способенъ утомляться отъ добрыхъ дѣлъ. Его всегда необходимо было и будетъ расшевеливать и подталкивать на хорошее дѣло. Намъ нужны „будильники", которые не давали бы засыпать, будили бы дремлющую совѣсть, напоминали бы безпрестанно о страданіяхъ близкихъ.

Г. Линевъ—одинъ изъ такихъ „будильниковъ" общественной совѣсти, и, надо отдать ему справедливость, одинъ изъ самыхъ настойчивыхъ „будильниковъ". Изо дня въ день, не зная устали, Г. Линевъ (Далинъ въ „Биржевыхъ Вѣдомостяхъ") взываетъ къ добрымъ чувствамъ своихъ читателей, „открывая имъ глаза" на многое, что могло бы пройти безслѣдно, повѣствуя имъ о разныхъ обидахъ, страданіяхъ и несправедливостяхъ, причиняемыхъ малымъ людишкамъ.

Его книга—„Не сказки" представляетъ изъ себя сборникъ такихъ повѣствованій за цѣлый годъ. Здѣсь читатель найдетъ множество разсказовъ (не придуманныхъ, а списанныхъ съ дѣйствительности) о „дѣтяхъ лишнихъ, беззащитныхъ и клейменыхъ", о „родителяхъ-губителяхъ", о „женахъ-мученицахъ", о „власти тьмы" и т. д. Всѣ эти разсказы кратки, но очень выразительны.

Приведемъ—два-три изъ нихъ „на выдержку":

I. Счастливый догъ и несчастный ребенокъ.

„И о догѣ, и о ребенкѣ было одновременно объявлено въ одесскихъ газетахъ.

Объявленіе о догѣ—гласило:

„Настоящаго молодого дога, за отъѣздомъ, желательно передать въ хорошія руки“.

Объявленіе о ребенкѣ было слѣдующаго содержанія:

„Крайняя нужда заставляетъ бѣдную, больную мать просить добрыхъ людей взять у нея „за своего“ трехлѣтнюю дѣвочку.

. . . .

Съ одной стороны—большая собака, а съ другой—маленькое безпомощное человѣческое существо. Съ одной стороны—„хорошія руки“ для собаки, съ другой—доброе сердце для ребенка.

Съ одной—„за отъѣздомъ“, а съ другой вопль „бѣдной, больной матери“...

Чей же голосъ услышанъ? На чью же нужду откликнулись люди—на собачью или человѣческую? Или, можетъ быть, и та, и другая были удовлетворены?

По удостовѣренію мѣстнаго хроникера, на объявленіе о большой собакѣ люди откликнулись быстро... Много и много людей откликнулось; а на объявленіе о ребенкѣ, на отчаянный вопль бѣдной, больной матери—никто.

„Хорошихъ рукъ“ въ городѣ оказались сотни, а „добраго сердца“ въ данномъ случаѣ... ни одного. Въ городѣ болѣе 300 т. жителей, и ни одна душа не откликнулась на просьбу бѣдной и больной женщины, ни одно сердце не прониклось состраданіемъ къ безвыходному положенію несчастной матери, не согрѣлось чувствомъ жалости къ ея безпомощному ребенку!

Настоящее и будущее большой собаки обезпечено: она въ „хорошихъ рукахъ“... Для нея и пріютъ, и уходъ... А для ребенка—голодъ и холодъ, „крайняя нужда бѣдной больной матери“. Молодой догъ—нуженъ многимъ, ребенокъ—никому.

Счастливый догъ и несчастный ребенокъ.

II. Старая пѣсня.

Не ребенка, а взрослаго человѣка бьютъ, истязуютъ изо дня въ день, физически и нравственно мучаютъ, а онъ... и уйти не смѣетъ отъ своего мучителя. Уйдетъ—назадъ приведутъ и, во всякомъ случаѣ, жить

нигдѣ не дадутъ. Онъ—*рабъ*, хотя рабство и уничтожено; онъ—*крѣпостной*, хотя крѣпостное право и упразднено...

— Позвольте мнѣ уйти только отъ побоевъ, отъ жестокаго обращенія, отъ невыносимыхъ мученій, молитъ онъ власть имущихъ... О полной свободѣ располагать собой, своимъ сердцемъ, своей рукой я ужъ и думать не дерзаю; позвольте мнѣ только отъ побоевъ укрыться, отъ незнающаго удержу кулака, отъ побоевъ чѣмъ и куда ни попало.

Понятно, что я говорю все о ней же, о нашей злополучной подругѣ, о женщинѣ—*женѣ*. Газеты сообщаютъ, что учрежденіе, располагающее правомъ выдавать отдѣльные виды, буквально завалено просьбами о нихъ, и мотивъ, большею частью, все одинъ и тотъ же: побои, варварское обращеніе.

Старая пѣсня, скажетъ читатель, всѣмъ извѣстная и переизвѣстная...

Да, старая; но вѣдь это-то и ужасно, что пѣсня, исполненная самой горькой, самой страшной человѣческой правдой поется не со вчерашняго дня, а выкинуть изъ нея ни одного слова не приходится. Сотни и тысячи разъ доносилась она изъ тюремъ, судовъ и каторги, а мотивъ ея все также остръ, также убійственно свѣжъ...

Ужасный, душу раздирающій мотивъ! Но... мы слишкомъ прислушались къ нему, слишкомъ свыклись съ нимъ и не содрогаемся.

. . . .

Ей было всего 18 лѣтъ, когда она стала *женой*. Подобно многимъ другимъ своимъ подругамъ по несчастью, она повѣрила словамъ любви, повѣрила и клятвѣ его передъ алтаремъ. А онъ не только съ перваго дня, но и съ первыхъ же часовъ своего брачнаго сожительства нагло надругался надъ ея непорочностью, не остановился передъ самою страшною подлостью: онъ привилъ ей извѣстную отвратительную болѣзнь, которою самъ былъ зараженъ, отравилъ ея здоровую кровь, внесъ страшно разрушающій элементъ въ ея цвѣтущій молодостью и свѣжестью организмъ. И несчастная только случайно узнала объ этомъ изъ разговора свекрови съ бабкой. Она бросилась съ мольбою о помощи къ своему брату. Конечно, былъ приглашенъ докторъ, по совѣту котораго „молодая“ должна была прежде всего поселиться отдѣльно отъ мужа, а затѣмъ и серьезно заняться леченіемъ. Попробовала было несчастная умолять и мужа полечиться... не тутъ-то было! Ея палачъ только возмутился обращеніемъ ея къ брату и къ доктору и потребовалъ, чтобы

она немедленно явилась домой. А когда она отказалась исполнить это требованіе, то онъ явился на станцію Попутную (Кубанской области), гдѣ она было поселилась, и обратился къ мѣстнымъ властямъ съ заявленіемъ о водвореніи къ нему жены этапнымъ порядкомъ. Она — его вещь, его собственность и должна быть при немъ. Требованіе его было энергично поддержано и его братомъ, интеллигентомъ, и станичная администрація, какъ удостовѣряетъ „Сѣв. Кавк.“, „блистательно“ его выполнила: *жена насильно была взята изъ дома своего родного отца и подъ конвоемъ отправлена къ мужу.*

— А а, матушка, не слушаться меня, супротивничать, грозно встрѣтилъ онъ ее,—ну, такъ вотъ, я тебя поучу уму-разуму... Будешь знать, что такое мужъ...

И посыпались на несчастную удары плети, удары жестокіе, нещадные...

Гдѣ, у кого искать защиты? Отъ родного отца насильно взяли... Кто же ее спасетъ отъ ея господина, ее, совершенно безправную, ему какъ вещь, принадлежащую? Нѣтъ спасенія. Смерть—вотъ единственный исходъ...

И молодая женщина на пятомъ мѣсяцѣ своего замужества покончила съ собой...

Какова пѣсня?

Подумайте только, что должно было перечувствовать и перестрадать это ни въ чемъ неповинное, совершенно беззащитное человѣческое существо? Несчастная только-что вступила было въ жизнь, вступила съ вѣрой и надеждой, и въ какіе-нибудь 5 мѣсяцевъ супружеской жизни была физически и нравственно искалѣчена, измучена и, наконецъ, убита.

За что? Во имя чего? Почему такое рабство? Почему приравненіе человѣка къ вещи?

А вѣдь эта несчастная—одна изъ очень многихъ...

До какихъ же поръ будетъ до насъ то и дѣло доноситься столь ужасная „старая пѣсня“?

Конечно, до тѣхъ поръ, пока брачный союзъ, — союзъ любви, будетъ сохранять свою неразрывность даже и при участіи въ немъ кулака и плети... „Жестокое обращеніе“, которое даетъ теперь смѣлость многимъ несчастнымъ молить только о паспортѣ, должно давать право и на разводъ. Нельзя отказывать въ защитѣ человѣку отъ человѣка только потому, что этотъ человѣкъ — жена. Нельзя ставить человѣка

въ такое беззащитное положеніе, что онъ только въ смерти находитъ избавленіе.

— Знаете, сказала мнѣ какъ-то одна достойная дѣвушка, — я просто *боюсь* замужъ выйти. Внѣ-брачный союзъ противенъ моимъ убѣжденіямъ, а брачный... *страшно*. Подумайте — не имѣть права даже уйти отъ человѣка, сколько бы онъ ни истязалъ, сколько бы ни мучилъ. Да если и удастся выхлопотать отдѣльный видъ, то все же, что это за жизнь, что за положеніе въ обществѣ! Замужняя — безъ мужа, свободная—безъ свободы...

Страшно, а между тѣмъ такъ хочется любить, такъ естественно стремиться выполнить свое назначеніе быть женой и матерью.

И нужно, стало быть, сдѣлать, чтобы не такъ было страшно, чтобы хоть то, что называется „жестокимъ обращеніемъ", было признано законной причиной для развода...

III. За темноту.

За послѣднее время въ нашихъ судахъ особенно часто сталъ судиться тотъ преступникъ, который, совершая свое преступленіе, глубоко вѣритъ, что это—не преступленіе, а хорошее, доброе дѣло. Этотъ преступникъ за послѣдніе два-три года много-много судился и приговаривался: то—въ тюрьму, то—въ арестантскія роты, то—въ Сибирь. Я особенно внимательно прочитывалъ всѣ газетные отчеты и замѣтки о его „дѣлахъ" и каждый разъ, на вопросъ, который я задавалъ себѣ, за что его судили и осудили, долженъ былъ отвѣтить... *за темноту*.

Да, не за преступленія, а именно только за темноту.

. . . .

Вотъ, напримѣръ, на скамьѣ подсудимыхъ цѣлый деревенскій „міръ", съ полицейскимъ сотскимъ и сельскими старостами. Все это—крестьяне села Архангельскаго, *Корсунскаго* уѣзда. Совершенно разоренные неурожайнымъ 1891 годомъ, они съ наступленіемъ засушливой весны 1892 г., естественно, пришли было въ полное отчаяніе. Дни стояли теплые; земля давно обнажилась отъ снѣга, и уже потрескалась; густыя озими пожелтѣли; наступало время сѣва яровыхъ, а дождей нѣтъ.

— Быть опять голоду, рѣшила деревня,—придется помирать.

И стала, глубоко встревоженная, деревня собираться и думать думу: какъ бы спастись отъ неминуемой „смертушки". И порѣшили молебенъ отслужить о дождѣ. Отслужили. День, другой, третій, а дождя нѣтъ.

— Неужто намъ такъ и помирать, раздались голоса,—что жъ вы, старики, молчите и ничего не придумаете? Научите, скажите, что дѣлать? пристали къ „старикамъ“.

— Средствіе извѣстное, отозвались старики, — надоть вырыть изъ могилы утопленника, либо пьяницу, отнести къ болоту и бросить его тамъ. Помогаетъ. Всегда бывало, какъ это сдѣлаютъ, дожди и пойдутъ.

И деревня радостно ухватилась за испытанное „средствіе“. Совѣтъ „стариковъ“ былъ выполненъ выборными людьми, въ числѣ 12-ти человѣкъ, выполненъ подъ руководствомъ „старика“ и *при непосредственномъ участіи полицейскаго сотскаго и двухъ бывшихъ сельскихъ старостъ*.

Но... узналъ урядникъ и началось слѣдствіе, а затѣмъ насталъ судъ съ сословными представителями...

— Дождика хотѣли... мы ничего худого... только дождика хотѣли... чтобы, значитъ, съ голоду не помереть, объяснили подсудимые.

Къ счастью, судебная палата, приговоривъ ихъ всѣхъ къ лишенію правъ состоянія и къ заключенію въ исправительное арестантское отдѣленіе, постановила въ то же время—ходатайствовать передъ Государемъ Императоромъ о замѣнѣ этого наказанія простымъ арестомъ.

Не такъ счастливы были крестьяне с. Янчекракъ, Мелитопольскаго уѣзда. Они обвинялись въ противодѣйствіи распоряженіямъ властей, выразившемся въ отказѣ избрать санитарныхъ попечителей.

. . . .

— Не желаемъ ихъ, объявили они земскому начальнику, — не желаемъ потому, что знаемъ, что во время холеры они *будутъ таскать народъ крючьями*.

И крестьяне рѣшительно воспротивились всѣмъ распоряженіямъ и приказаніямъ по этому предмету.

И вотъ и ихъ приговорили въ арестантскія роты, но безъ ходатайства объ уменьшеніи наказанія...

. . . .

Въ такомъ же родѣ много-много и другихъ дѣлъ за послѣдніе 2—3 года, и изъ всѣхъ изъ нихъ вытекаетъ одно: люди пострадали за *темноту* свою. Всѣ эти преступленія совершали не преступники, а темные люди.

Конечно, въ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ ихъ просвѣтятъ; но... такимъ свѣтомъ, отъ котораго уже ближнему станетъ темно.

Свѣта въ деревню, какъ можно больше свѣта и какъ можно скорѣе его туда,—вотъ, о чемъ громко вопіютъ всѣ эти дѣла о преступленіяхъ, совершенныхъ по темнотѣ, и всѣ эти приговоры надъ несчастными преступниками.

Приведенныя выше „не сказки“ ясно, по нашему мнѣнію, свидѣтельствуютъ о рѣдкой чуткости и теплотѣ чувства. Г. Д. А. Линевъ къ тому же обладаетъ значительной силой воображенія: сухая газетная замѣтка, ничего никому неговорящая, превращается подъ его перомъ въ потрясающую драму. Отъ всей души желаемъ, поэтому, книгѣ его полнѣйшаго успѣха.

М. Тр—ъ.

ВЫШЛА СЕДЬМАЯ (ІЮЛЬСКАЯ) КНИГА

Ежемѣсячнаго литературно-политическаго изданія

РУССКАЯ МЫСЛЬ.

Содержаніе: 1) Хлѣбъ. Романъ. Продолженіе. *Д. Н Мамина-Сибиряка.* 2) Марчелла. Романъ *Мистр. Уордъ.* Перев. съ англ. *А. С. М.* Продолженіе. 3) Счастливый. Разсказъ. *И. Н. Потапенка.* 4) Стихотвореніе. *К. Д. Бальмонта.* 5) Камо грядеши? (Quo vadis) Романъ изъ временъ Нерона. *Генриха Сенкевича.* Пер. съ польскаго *В. М. Л.* Продолженіе. 6) Цезарь Ломброзо, какъ ученый и мыслитель. *И. Д—ова.* 7) Англійская Пугачевщина. Продолженіе. *М. М. Ковалевскаго.* 8) Король Лиръ. *Георга Брандеса.* Переводъ съ датскаго. *В. М. С.* 9) Новый трудъ по исторіи русской литературы. (Проф. *А. И. Незеленовъ:* «Исторія русской словесности» 4-е изд. С.-Пб. 1895 г.). *Вл. В. Каллаша.* 10) Историческій методъ въ біологіи VI: Разрѣшеніе морфологической задачи. *К. А. Тимирязева.* 11) Совѣсть и знаніе. *М. О. Меньшикова.* 12) Россія и Данія при Императрицѣ Екатеринѣ I. (По документамъ датскаго архива). Продолженіе. *А. Г. Брикнера.* 13) Къ вопросу о мелкомъ сельско-хозяйственномъ кредитѣ. *М. Я. Герценштейна.* 14) Историческая эволюція и психологическія законы. *В. А. Гольцева.* 15) Очерки провинціальной жизни. *И. И. Иванюкова.* 16) Иностранное обозрѣніе. *В. А. Г.* 17) Внутреннее обозрѣніе. 18) Библіографическій отдѣлъ. 19) Объявленія.

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1895 годъ, (XVI годъ изданія).

Цѣна съ достав. и пересыл. во всѣ мѣста Россіи: на годъ—12 р., 9 м.—9 р., 6 м.—6 р., 3 м.—3 р., 1 м.—1 р. За границу: на годъ—14 р., 9 м. 10 р. 50 к., 6 м.—7 р. 3 м.—3 р. 50 к., 1 м.—1 р. 25 к.

Допускается разсрочка при подпискѣ: къ 1 апр., 1 іюля и 1 окт. по 3 рубля. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 50 коп. съ годового экземпляра. Кредита и разсрочекъ не допускается. Принимается подписка: въ Москвѣ, въ конторѣ журнала, уг. Леонтьевскаго пер. и Б. Никитской, д. 2—24. Въ Петербургѣ, въ отдѣленіи конторы при книжномъ магазинѣ Н. Фену и К°, Невскій пр., д. Армянской церкви. Въ Кіевѣ, въ отдѣленіи конторы, при книжномъ магазинѣ Л. Идзиковскаго.

ПЕРВЫЯ ГЛАВЫ романа Додэ «Маленькій приходъ» разсылаются новымъ подписчикамъ на 1895 годъ.

При редакціи открытъ **МАГАЗИНЪ РУССКИХЪ и ИНОСТРАННЫХЪ КНИГЪ** съ пріемомъ подписки на всѣ издающіеся въ Россіи журналы и газеты. Книжный магазинъ принимаетъ на комиссію постороннія изданія и высылаетъ всѣ существующія въ продажѣ книги.

Редакторъ-издатель **В. М. Лавровъ.**

Доз. Цензурою СПБ., 28 авг. 1895 г. Печ. Е. Евдокимова, Троицкая ул., 18.